

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ и право

№ 4 (50) · 2020
ISSN 2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 4 (50) · 2020
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 4 (50) • 2020

Главный редактор

СМЕШКО О. Г. — ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

КОСТИН Г. А. — проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

РЫБКИНА М. В. — доктор юридических наук, профессор
ПОКРОВСКАЯ Н. Н. — доктор социологических наук, профессор

Редакционный совет

- АГАЕВ Г. А. о. — профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор*
- БЕРГМАНН В. — вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор*
- БОЕР В. М. — проректор по учебно-воспитательной работе Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
- БРАЗЕВИЧ С. С. — профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор*
- БУГЕЛЬ Н. В. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор*
- ВОСКРЕСЕНСКАЯ Е. В. — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент*
- ЕЛИСЕЕВА И. И. — руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН*
- ЖИЛЬСКИЙ Н. Н. — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ*
- КОСАРЕВ С. Ю. — заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор*
- КОСТИН Р. А. — заведующий кафедрой социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор*
- МАЛЬКО А. В. — директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
- МАРГУЛЯН Я. А. — профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор*
- МАРКОВ А. А. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор*
- МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В. — профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор*
- ОГАНЕСЯН С. М. — профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент*
- СИЛИНА Е. В. — заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент*
- ЦЫПЛЯЕВ С. А. — полномочный представитель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат физико-математических наук*

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2020
© Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2020

SOCIOLOGY AND LAW № 4 (50) • 2020

Chief Editor

SMESHKO O. G. — Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

KOSTIN G. A. — Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

RYBKINA M. V. — Doctor of Law, Professor
POKROVSKAYA N. N. — Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

AGAEV G. A. o. — Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

BERGMANN B. — Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum “Petersburg dialogue”, Doctor of Law, Professor

BOER V. M. — Vice-Rector for Teaching and Educational Work of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

BRAZEVICH S. S. — Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor

BUGEL' N. V. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

VOSKRESENSKAYA E. V. — Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

ELISEEVA I. I. — Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

ZHIL'SKIY N. N. — Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KOSAREV S. Yu. — Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

KOSTIN R. A. — Head of Department of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MAL'KO A. V. — Director of the Institute of State and Law of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

MARGULYAN Ya. A. — Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MARKOV A. A. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

MISHAL'CHENKO Yu. V. — Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

OGANESYAN S. M. — Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

SILINA E. V. — Head of Department of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

TSYPLYAEV S. A. — Authorized Representative of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial Office:
44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, 190103, Russia
Phone Number: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Team of Authors, 2020
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Лебедев О. Е.</i> Потенциал образовательного процесса: фактор отношений участников	6
<i>Потёмкин В. К., Федорова И. О.</i> Особенности отношения принимающего населения Санкт-Петербурга к мигрантам	16
<i>Хомутова Н. Н., Визнер К. А., Махортова С. А., Чудиевич С. Н.</i> Эйблизм и социальная среда в теории и практике.	25
<i>Евдокимова Е. П.</i> Трансформация повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19	32
<i>Калиниченко Я. Н.</i> Оценка факторов наркотизации молодежной среды: по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае	42
<i>Саенко В. Н.</i> Развитие социологических представлений о признаках манипуляции сознанием	55
<i>Терехин А. С.</i> Влияние дистанционного формата обучения на мотивацию студентов бакалавриата	65

Право в жизни государства и личности

<i>Бородин В. В., Букаев Н. М., Чепрасов М. Г.</i> Профилактика правонарушений несовершеннолетних в результате воздействия информационных ресурсов	70
<i>Шамраева И. Л., Волкова Л. В.</i> Сущность и черты лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности	80
<i>Борзунова Н. Ю., Максимова К. Л., Цечоев А. М.</i> Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве и проблемы его реализации	86
<i>Кузнецов А. В.</i> Конституционно-правовые ограничения в странах Европейского союза в условиях пандемии COVID-19	92
<i>Левин В. В.</i> Особенности судебной практики в России как основы прецедента	98
<i>Полунина А. В.</i> Государственные органы государств — членов ЕАЭС в сфере миграции: понятие и основные направления деятельности	107
<i>Шишкин М. Г.</i> К вопросу об асимметрии субъектов Российской Федерации	113

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Lebedev O. E.</i> Potential of the Educational Process: Relationships between Participants as a Factor	6
<i>Potemkin V. K., Fedorova I. O.</i> Peculiarities of the Attitude of the Host Population of St. Petersburg to Migrants	16
<i>Khomutova N. N., Vizner K. A., Makhortova S. A., Chudievich S. N.</i> Eyblism and the Social Environment in Theory and Practice	25
<i>Evdokimova E. P.</i> Everyday Life Transformation of the Urban Population of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic	32
<i>Kalinichenko Ya. N.</i> Assessment of Factors of Nacotization of Youth Environment: on the Results of Annual Monitoring Drug Situation in the Krasnoyarsk Territory	42
<i>Saenko V. N.</i> Development of Sociological Concepts of Attributes of Consciousness Manipulation	55
<i>Terekhin A. S.</i> Influence of Distance Learning Format on the Motivation of Undergraduate Students	65

The Law in a State and Person Life

<i>Borodin V. V., Bukaev N. M., Cheprasov M. G.</i> Prevention of Juvenile Delinquency as a Result of Influence of Information Resources	70
<i>Shamraeva I. L., Volkova L. V.</i> The Essence and Features of Deprivation of Parental Rights as a Measure of Family Legal Responsibility	80
<i>Borzunova N. Yu., Maksimova K. L., Tsechoev A. M.</i> The Principle of Presumption of Innocence in Criminal Proceedings and Problems of Its Implementation	86
<i>Kuznetsov A. V.</i> Constitutional and Legal Restrictions in the European Union Countries in the Context of the COVID 19 Pandemic	92
<i>Levin V. V.</i> Features of Judicial Practice in the Russia as the Basis of Precedent	98
<i>Polunina A. V.</i> State Bodies of the EAEU Member States in the Field of Migration: Concept and Main Areas of Activity	107
<i>Shishkin M. G.</i> On the Issue of Asymmetry of the Subjects of the Russian Federation	113

Лебедев О. Е.

Потенциал образовательного процесса: фактор отношений участников

*Lebedev O. E. Potential of the Educational Process: Relationships between
Participants as a Factor*

Статья посвящена проблемам управления отношениями участников образовательного процесса. На основе анализа статистических данных, материалов публикаций в средствах массовой информации (СМИ), экспертных суждений, а также с помощью общенаучных методов (анализа, синтеза, индукции, дедукции) выявлены изменения в статусах участников образовательного процесса, влияющие на развитие их отношений. Установлено, что происходит снижение значимости результатов школьного образования в условиях повышения ценности образования в современном обществе. Рост качества школьного образования возможен при переходе от субъект-объектных отношений между участниками образовательного процесса к межсубъектным отношениям.

Ключевые слова: образовательная система, отношения участников образовательного процесса, управление образовательным процессом, результаты школьного образования.

The presented study addresses the problems of managing the relationships between the participants of the educational process. The study uses analysis of statistical data, publications in mass media, expert assessment, and general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) to identify changes in the status of the participants of the educational process that affect the development of their relationships. It is established that the importance of school education results decreases while the value of education in modern society grows. The quality of school education can be improved through the transition from subject-object relationships between the participants of the educational process to inter-subject relationships.

Keywords: educational system, relationships between the participants of the educational process, educational process management, school education results.

Образовательные результаты определяются потенциалом образовательной системы и его реализацией. Этот потенциал всегда ограничен. Сложившаяся образовательная система обеспечивает возможность достижения определенных результатов в образовании и может препятствовать достижению планируемых результатов.

Лебедев Олег Ермолаевич — ведущий эксперт национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО.

© Лебедев О. Е., 2020

Под образовательной системой в данном случае понимается организационная форма образовательного процесса, отношения между участниками которого определяют потенциал системы. Эти отношения изменяются под воздействием трансформационных процессов, происходящих вне и внутри системы образования.

Предметом анализа стала эволюция отношений в системе общего образования, в ее основном звене — общеобразовательной школе. Задача анализа заключалась в ответе на ряд вопросов. Какие изменения происходят в составе участников образовательного процесса? Как и почему изменяются отношения между ними? Можно ли управлять такими изменениями? Указанный анализ проведен в рамках научного проекта 19-29-14060, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Вопрос о происходивших в течение длительного времени изменениях в составе участников образовательного процесса возник в связи с несколькими обстоятельствами: стала изменяться роль родителей учащихся в организации образовательного процесса, произошли качественные изменения в составе педагогов, в школу пришли «новые ученики».

На начальном этапе становления системы всеобщего обязательного образования, продолжительность которого постепенно увеличивалась, родители (подавляющее большинство) не могли выступать как полноправные участники образовательного процесса: уровень образования родителей был ниже уровня образования их детей. По данным переписи населения в 1939 г., доля работающих, имевших законченное или незаконченное высшее образование, среднее или неполное среднее образование, составляла 12,3 %. В 1959 г. эта доля выросла до 43,3 % [1, с. 23]. В 1970 г. 24,8 % работающих имели начальное образование, а 31,1 % — неполное среднее образование [2, с. 408]. Лишь к концу советского периода (1987) доля занятого населения, имеющего высшее или среднее (полное или неполное) образование, составила 88,9 % от общего числа работающих [3, с. 523]. В настоящее время доля занятого населения, имеющего начальное образование (или без него), — менее процента.

Таким образом, почти все родители имеют опыт образования, превышающий образовательный опыт детей. Они могут судить о качестве школьного образования детей, опираясь на собственный школьный опыт. Существующее законодательство по вопросам образования предоставляет родителям значительные права, дающие им возможность участвовать в организации образовательного процесса [4].

Качественные изменения в составе педагогических кадров произошли в нескольких отношениях. Во-первых, педагогическая профессия стала массовой. Численность учителей перед революцией (1914) составила 280 тыс. чел. Количество учителей дневных общеобразовательных школ к концу советского периода (1986/87 учебный год) составила 2 668 тыс. [3, с. 535]. Число учителей дневных школ в России, естественно, меньше по сравнению с Советским Союзом, но и оно значительно превышает миллион человек.

Во-вторых, произошли изменения в уровне профессионального образования учителей. В 1950 г. доля педагогов, имеющих высшее образование, составила 14,2 %. К концу советского периода она возросла до 77,7 %. В настоящее время она составляет более 80 %.

В-третьих, по мере повышения уровня профессионального образования учителей и снижения уровня регламентации их профессиональной деятельности стал расширяться круг учителей, вовлеченных в инновационную деятельность, которая могла быть связана с разным масштабом решаемых педагогических задач — от частных методических приемов до разработки педагогических концепций. Следствием данного явления стало осознание учителями права на педагогическое творчество, на самостоятельное решение конкретных педагогических задач.

Вместе с тем следует иметь в виду, что далеко не все педагоги готовы реализовать это право и стремятся к его реализации, что можно объяснить, в частности, преобразованием педагогической профессии в массовую.

В-четвертых, в постсоветский период в составе школьных учителей происходит еще одно важное изменение: в их число входят школьные психологи, социальные педагоги и педагоги дополнительного образования. Происходит усложнение связей внутри педагогического коллектива: к межпредметным и преемственным связям добавляются связи между учителями-предметниками и новыми специалистами.

Значимые изменения в составе учащихся наблюдались еще в советские годы. Уже в конце 60-х гг. прошлого века исследователи стали фиксировать влияние внешкольных источников образовательной информации (прежде всего телевидения) на образовательную деятельность школьников. Был сделан вывод (на основе анализа развития знаний двух поколений учащихся 5–8-х классов по физической географии, ботанике, физике и химии) о том, что учащиеся знать стали больше, но учиться (судя по отметкам) стали хуже [5].

Ориентация на высокий процент успеваемости, сложившаяся в советской школе в условиях увеличения продолжительности обязательного образования, способствовала формированию поколения «безответственных учащихся», которым фактически были гарантированы положительные отметки по изучаемым предметам. Стало складываться представление о том, что обязательное обучение не предполагает обязательного освоения учебной программы.

С ликвидацией в постсоветской школе обязательных детских и молодежных организаций (октябрятских групп, пионерских отрядов, комсомольской организации) стало формироваться поколение учащихся, не имеющих опыта общественной активности (хотя во многих случаях уровень такой активности был низок). В постсоветский период к этим изменениям добавилось социальное расслоение учащихся, семьи которых по своему материальному положению могли различаться. Еще одно изменение, характерное еще для советской школы, — отказ от безусловного признания авторитета взрослых и запрос на признание прав детей, на необходимость считаться с их интересами.

Существуют явные признаки еще одного значимого изменения в составе участников образовательного процесса — ими становятся социальные партнеры школы. Имеются в виду высшие учебные заведения, научные учреждения, предприятия, учреждения культуры и другие организации. Связи между этими организациями и школами существовали и в советское время, но они носили преимущественно шефский характер. В настоящее время получает распространение практика прямого участия социальных партнеров школы в реализации программ элективных и факультативных курсов и программ внеурочной деятельности. Данное явление стало основанием для вывода о наметившейся тенденции «расшколивания» школьного образования, расширения образовательного пространства школы.

Указанные изменения в составе участников образовательного процесса привели к изменениям в характере их отношений. Речь идет об отношениях между учащимися и педагогами, между педагогами и родителями, а также отношениях между учениками, педагогами и родителями. Понятно, что на изменение этих отношений влияют и процессы, происходящие вне школы. Главное изменение в характере отношений участников образовательного процесса заключается в изменении его привычного статуса. В данном случае под статусом понимается представление участников образовательного процесса о своем месте в детско-взрослом сообществе.

Отношения «учитель — ученик» в советской школе характеризуются тем, что ученик воспринимался как участник учебного процесса, который должен освоить определенный учебный предмет. В школах, отличающихся несомненными достижениями в воспитании учащихся, ученик мог рассматриваться и как ученик определенной школы, имеющей свои традиции и ценности.

В постсоветское время получает распространение концепция личностно ориентированного обучения, предполагающая отношение к ученику прежде всего как к личности со своими взглядами, позицией, ценностными ориентациями. Но в массовой практике доминирует отношение к ученику в первую очередь как к учащемуся, имеющему определенные обязанности, как ученику определенной школы, принимающему участие в общешкольной жизни, как личности, чьи личностные качества надо иметь в виду.

Отношения «ученик — учитель» в советской школе характеризуется тем, что ученики воспринимали учителя прежде всего как должностное лицо, которого надо слушаться. Его социальный статус, служебное положение, образованность не было принято оценивать и не оценивалось, хотя некоторые личностные качества были предметом оценки и могли высоко цениться (судя по материалам одного из исследований, наиболее значимым личностным качеством учителя считалась справедливость). Взаимоотношения учителей и учащихся в условиях советской школы носили преимущественно «межфункциональный» характер: каждый должен был выполнять свои функции в рамках учебного процесса.

В постсоветское время в отношении учеников к учителю происходят некоторые изменения: ученики могут интересоваться гражданской позицией учителя, его взглядами, проявлять готовность к доверительному общению с учителем, обсуждению с ним личностных проблем. Учитель в глазах учащихся уже не только (в ряде случаев и не столько) должностное лицо, но и значимый собеседник, доверенное лицо, готовое встать на защиту ученика. «Межфункциональный» характер взаимоотношений сохраняется, но он может дополняться и межличностными отношениями.

В постсоветской школе происходят изменения в характере взаимоотношений учащихся. В советское время эти взаимоотношения в условиях школы в определенной мере регламентировались (через деятельность пионерской и комсомольской организации), но в значительной степени определялись ценностями, принятыми в определенной среде. В постсоветское время регламентация взаимоотношений учащихся минимизируется. Возрастает значимость неформальных лидеров, заметнее становятся проявления буллинга. Школьный класс теряет признаки коллектива.

В учительской среде в постсоветское время стала возникать напряженность в связи с использованием понятия образовательных услуг применительно к педагогической деятельности и в связи с усилением социального расслоения общества, в котором появились богатые и бедные.

Понятие «образовательная услуга», вполне применимое в рамках обсуждения проблем экономики образования, в педагогическом сообществе стало восприниматься как нравственная категория, означающая принижение смысла педагогической деятельности как миссии, служения, предполагающей признательность и благодарность со стороны общества. Данное понятие стало интерпретироваться как попытка перевести учителей на более низкую ступень социальной лестницы, в статус «обсуживающего персонала» (к которому в обществе принято относиться с некоторым пренебрежением, хотя и не во всех ситуациях). В дополнение нельзя не учитывать снижение уровня материальной обеспеченности учителей, привыкших считать себя принадлежащими к слою интеллигенции и потерявших

в значительной мере возможность удовлетворять запросы интеллигентного человека. В последнее время стали все чаще возникать ситуации, в которых учителя ощущают незащищенность от необоснованных требований, неправомерных претензий и даже от физического насилия.

Изменения наблюдаются в отношениях учителей и родителей учащихся. При этом чаще отмечается, что родители лучше относятся к учителям, чем учителя к родителям. В отношениях учителей доминирует представление о том, что родители стремятся переложить свои обязанности на школу, выступают с необоснованными претензиями к школе и вмешиваются во внутришкольные дела. Родители признают трудности педагогической деятельности, но часто высказывают неудовлетворенность тем, что педагоги не проявляют интереса к индивидуальным особенностям детей и что отношение в школе к детям может зависеть от социального статуса родителей.

Во взаимоотношениях родителей новое явление в постсоветский период — возникновение родительских сообществ, коммуникация в которых осуществляется через социальные сети. Результатом обмена мнениями относительно ситуации в конкретном классе может стать выбор общей тактики поведения с учителем или школьной администрацией. Например, в одной из школ Санкт-Петербурга родители учащихся первого класса отказались отправлять детей в школу до удовлетворения их требований. Школы демонстрируют неспособность устанавливать контакты с сетевыми родительскими сообществами.

Общий вывод заключается в том, что и учащиеся, и их родители, и учителя претендуют на повышение своей значимости как субъектов образовательного процесса, с представлением которых о том, чему, для чего и как надо учить в современной школе, необходимо считаться. Начинают изменяться представления о ценности школьного образования. Ценность образования определяется его значимостью для развития личности. Но для развития личности имеют существенное значение разные виды деятельности, и образовательная деятельность является лишь одной из них. При оценке ценности школьного образования нужно учитывать не только его значимость, но и цену достижения необходимых результатов, которая выражается в затрате временных ресурсов.

Результаты школьного образования можно рассматривать как совокупность приобретенных ресурсов, имеющих личностное и/или социальное значение, а цену достижения этих результатов — как совокупность затраченных ресурсов (прежде всего времени), которые уже нельзя использовать для достижения других результатов, также имеющих значение для развития личности. С этой точки зрения, ценность школьного образования можно оценить по следующей формуле: ценность школьного образования = значимость приобретенных ресурсов минус значимость утраченных ресурсов.

Если значимость приобретенных ресурсов высока, и они получены за счет приемлемой затраты ресурсов, то ценность образования возрастает. Если значимость ресурсов школьного образования падает, а цена их достижения возрастает, то ценность образования снижается. В этом случае мотивация образовательной деятельности слабеет, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему снижению значимости реальных результатов школьного образования.

Основным критерием оценки значимости результатов школьного образования является их соответствие социальным требованиям к уровню образованности выпускников общеобразовательной школы. Основным показателем приемлемых ресурсных затрат можно считать имеющиеся возможности для деятельности, выходящей за рамки обязательного школьного образования, и значимые для развития личности (занятия спортом, культурный досуг, общение со сверстни-

ками, общественная работа, выполнение домашних обязанностей и т. д.). Конечно, точных измерителей значимости результатов школьного образования не существует, но для такой оценки в известной мере могут быть использованы официальные документы и статистические данные, суждения компетентных лиц и материалы исследований.

Наиболее очевидные признаки возрастания значимости образования — создание системы всеобщего обязательного образования, увеличение его продолжительности и эволюция требований к минимальному уровню образованности людей. Первоначально эти требования заключались в достижении уровня грамотности. В середине XX в. они перерастают в требования функциональной грамотности, а к концу XX в. речь идет уже о достижении уровня компетентности. Одновременно происходит расширение сфер грамотности, ориентация в которых считается нормой. К традиционным сферам грамотности (вербальной, математической, научной, общекультурной) в конце XX в. добавилась информационная, а в начале XXI в. и финансовая.

Рассогласование между полученным уровнем образования и достигнутым уровнем образованности фиксируется в общественном мнении уже во времена советской школы. Об этом свидетельствуют публикации в СМИ.

Объектом анализа стали 150 публикаций о проблемах образования в периодической печати («Правда», «Комсомольская правда», «Литературная газета») в 1970–1982 гг. В этот период осуществлялся переход к всеобщему среднему образованию, а показатель успеваемости учащихся приблизился к ста процентам. Основные темы публикаций можно определить четырьмя заголовками, которые отражали ключевые проблемы школьного образования: «Тому ли мы учим в школе?», «Дистанция доверия», «Этот загадочный “школьный процент”», «Кто он, школьный педагог?».

Оценка качества школьного образования систематически отражена в документах, которые можно отнести к директивным: 1. «В работе школы наиболее крупным недостатком является известный отрыв обучения от жизни, недостаточная подготовленность оканчивающих школу к практической деятельности» (1956 г., XX съезд КПСС). 2. «Вместе с тем следует отметить, что уровень учебной и воспитательной работы общеобразовательной школы все еще не отвечает возросшим требованиям жизни. Министерства просвещения (народного образования) союзных республик не принимают должных мер по преодолению образовавшегося несоответствия учебных планов и программ современному уровню научных знаний, устранению перегрузки школьников обязательными учебными занятиями, что отрицательно сказывается на глубине, прочности знаний учащихся, на их здоровье» [6]. 3. «Школьные программы и учебники в ряде случаев перегружены излишней информацией и второстепенными материалами, что мешает выработке у учащихся навыков самостоятельной творческой работы» [7]. 4. «В руководящих органах, в активе партии, в широких кругах общественности сложилось ясное понимание, что без серьезных перемен в системе народного образования, без поворота всего общества к назревшим здесь проблемам нам не набрать высоких темпов созидания, не взять круто в гору. Обозначилась тенденция к замедлению развития сферы образования в сравнении с мировым уровнем» (1988 г., из доклада Е. К. Лигачева на пленуме ЦК КПСС).

Общий вывод, который можно сделать на основе анализа приведенных выше документов, заключается в том, что система школьного образования постепенно отставала от социальных запросов, десятилетиями сохраняя одни и те же недостатки. С начала XXI в. появляется возможность международных сравнений при оценке качества школьного образования (PIRLS, TIMSS, PISA). Судя по данным

PISA, сложившаяся система школьного образования не обеспечивает достижение пятнадцатилетними учащимися уровня функциональной грамотности (точнее, значительной частью учащихся). Эта система не обеспечивает и достижение выпускниками средней школы уровня подготовки, достаточного для продолжения образования в высшей школе. Об этом свидетельствуют масштабы репетиторства и различных форм довузовского образования. Более того, данная система не обеспечивает освоение обязательной школьной программы учащимися даже из вполне благополучных семей, которые прибегают к помощи репетиторов на все более ранних ступенях школьного образования.

Среднее образование в официальных документах и в общественном мнении рассматривается как норма, но значимость школьного образования как ступени непрерывного образования, обеспечивающей подготовку к его продолжению в высшей школе, снижается. Подготовка к продолжению образования служит лишь одним из критериев оценки значимости школьного образования. Другой критерий — вклад школы в решение проблем социализации личности. О значимости школьного образования с этой точки зрения можно судить по тому, как ценят выпускники школы полученное ими образование.

С 1993 г. в Санкт-Петербурге регулярно проводятся опросы выпускников, в рамках которых выясняется их мнение о том, что им дала школа [8]. В таблице 1 приведены сравнительные данные об ответах на указанный вопрос.

Таблица 1

**Сравнительные данные об ответах на вопрос «Что мне дала школа?»
в 2001 и 2018 гг., % от числа опрошенных**

Варианты ответов	2001	2018
Школа дала мне знания	82	64,2
Здесь я приобрел друзей	67	64,2
Школа помогла мне лучше понять себя, свои положительные качества и недостатки	22	32,7
Школа помогла мне определить свои интересы, выбрать профессию	27	24,6
Школа научила меня критически мыслить, рассуждать, доказывать	30	30,4
Школа научила меня разбираться в людях, общению с ними	37	42,2
Школа подготовила меня к участию в общественной жизни	22 (2003 г.)	30,7

Судя по данным, приведенным в таблице 1, нет оснований для заключения о возросшей значимости школьного образования. Вместе с тем очевидны основания для вывода о том, что школа в XXI в. не удовлетворяет значимые запросы большинства учащихся. Видимо, такое обстоятельство может объяснить, почему значительная часть обучается в школе, скорее, по необходимости, по инерции или без всякого интереса (2018 г., 20,5 %).

Еще один критерий оценки значимости школьного образования — возможности для самопознания, самоопределения и самореализации. Способность к личностной самореализации проявляется в полученном учащимися опыте различных видов деятельности: в разработке и реализации индивидуальных образовательных программ, организации учебной и внеучебной деятельности в шко-

ле, исследовательской и проектной деятельности, волонтерской деятельности и других формах социальной активности. Формирование в условиях школы опыта разнообразных видов самостоятельной деятельности начинает рассматриваться как норма, но на практике во многих случаях самостоятельная деятельность имитируется, подменяется игровой деятельностью.

Итак, наблюдается усиление разрыва между ожидаемой и реальной значимостью школьного образования (социализация учащихся; готовность к продолжению образования; способность к самопознанию и самоопределению, опыт самореализации). Потенциал сложившейся образовательной системы недостаточен для повышения ценности школьного образования. Для роста потенциала образовательной системы и его реализации необходимы изменения в организации взаимодействия участников образовательного процесса, направленные на переход от субъект-объектных отношений к межсубъектным отношениям.

Развитие межсубъектных отношений предполагает расширение возможностей каждой группы участников образовательного процесса в определении содержания образовательной программы, способов ее реализации и одновременно повышение ответственности учителей, родителей, учащихся за результаты собственной деятельности. Принцип сотрудничества всех участников образовательного процесса провозглашен в середине 80-х гг. прошлого века. Основные идеи педагогики сотрудничества изложены в отчете о встрече учителей-экспериментаторов, опубликованном 18 сентября 1986 г. в «Учительской газете».

В настоящее время идеология сотрудничества участников образовательного процесса как основы их взаимодействия получила развитие в связи с ориентацией на переход к персонализированному образованию. Индивидуальная образовательная программа ученика рассматривается как норма организации образовательного процесса в школе. Она определяется и реализуется не отдельными группами учащихся, а каждым из них. Индивидуализация процесса изучения обязательных учебных предметов и выполнение при этом требований государственных образовательных стандартов к образовательным результатам может заключаться в уровне освоения учебной дисциплины (базовом, углубленном), в конкретизации требований к предметным, метапредметным, личностным результатам, в темпах и характере индивидуального прогресса в достижении планируемых образовательных результатов, в способах диагностики такого прогресса.

Ориентация на персонализированное образование предполагает изменения в информационном обеспечении взаимодействия участников образовательного процесса. Для разработки, реализации и корректировки рабочих программ по учебным предметам учителям необходима информация об уровне подготовленности учащихся к освоению программы, о промежуточных и итоговых результатах, степени соответствия требованиям стандартов, степени их соответствия результатам, полученным другими учителями в сходных условиях.

Для обеспечения взаимодействия учителей разных предметов им требуется информация о достигнутых метапредметных и личностных результатах. Необходимая для учителей информация не может быть представлена в виде пятибалльной шкалы оценок из-за ее малой информативности. Такие оценки в лучшем случае выступают как показатели сравнительного благополучия/неблагополучия, как сигналы для принятия не вполне определенных мер.

Школьные отметки остаются основным источником обратной связи для учащихся. Повысить значимость отметок как средства обратной связи пытаются за счет увеличения их «накопляемости». Предполагается, что частота оценивания может позитивно влиять на качество учебной деятельности учащихся. На деле повышение частоты оценивания ведет к снижению самостоятельности учащихся,

поскольку функции регулирования их деятельности выполняют учителя, а не сами учащиеся. Оценивание по пятибалльной шкале не обеспечивает учащихся достаточно конкретной информацией о факторах их успехов/неудач в учебной деятельности.

В условиях советской школы горизонт планирования учащимися своей учебной деятельности был равен одному уроку. Возможные индивидуальные результаты изучения учебного предмета не рассматривались — в этом не было необходимости, так как учащиеся должны были освоить один и тот же материал на одном и том же уровне.

Новые возможности для информационного обеспечения перехода к персонализированному образованию открывает «цифровизация» образовательного процесса. Эти возможности прежде всего заключаются в расширении круга значимой и доступной информации о должном (нормах, правилах, требованиях, в том числе о проверяемых образовательных результатах), возможном (имеющемся опыте решения образовательных проблем), сущем (о процессах в системе образования, состоянии конкретной образовательной системы). Обеспечивается возможность получения необходимой информации в сроки, позволяющие принимать своевременные решения относительно построения индивидуальных образовательных маршрутов конкретных учащихся.

Одновременно возникает проблема согласования правил социальной коммуникации в условиях «цифрового обучения». Практика дистанционного обучения подтвердила, что в системе образования существует риск приписывания участникам образовательного процесса чужих социальных ролей: родители, особенно в младших классах, оказываются в роли учеников, выполняющих учебные задания за детей, или в роли учителей, объясняющих непонятный учебный материал; от учителей требуют контролировать поведение учащихся вне школы (в социальных сетях), хотя это совсем не входит в их обязанности и т. д.

В этих условиях возникает необходимость определить, в чем заключается сущность управления отношениями участниками образовательного процесса в современной школе. Можно предполагать, что такое управление должно заключаться в создании ситуаций ответственного выбора, который должны сделать учащиеся, учителя, родители на каждом из этапов образовательного процесса. Выявление таких ситуаций можно рассматривать как перспективное направление исследовательской деятельности.

Литература

1. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сборник / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Статистика, 1971. 402 с.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. В 7 т. Т. 3. Уровень образования населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: Статистика, 1972. 576 с.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 765 с.
4. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/60fe09c87bb91e8dc7f6b7bd271f0a70597bdd28/ (дата обращения: 08.09.2020).
5. *Вайткявичюс Ю. В.* Развитие знаний учащихся двух поколений (на материале физической географии, ботаники, физики и химии в V–VIII классах): дис. ... д-ра пед. наук. Вильнюс, 1972. 470 с.
6. О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы [Электронный ресурс]: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 10 ноября 1966 г. № 874 //

Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20993#04005857242010411> (дата обращения: 08.09.2020).

7. О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду [Электронный ресурс]: постановление ЦК КПСС, СОВМИНА СССР от 22 декабря 1977 г. № 1111 // Сейчас.ру. URL: https://www.lawmix.ru/docs_ссср/1687 (дата обращения: 08.09.2020).
8. Вершловский С. Г., Матюшкина М. Д., Персианов И. А., Григоренко Д. Л. На пороге зрелости: социальный портрет выпускника Санкт-Петербургской школы: учеб.-метод. пособие / под ред. С. Г. Вершловского. СПб.: Санкт-Петербургская академия постдипломного пед. образования, 2010. 114 с.

Контактные данные:

Лебедев О. Е.: 198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 17а; (812) 644-59-10; e-mail: o_lebedev@mail.ru.

Contact Details:

Lebedev O. E.: 17a, Promyshlennaya Str., St. Petersburg, 198099, Russia; (812) 644-59-10; e-mail: o_lebedev@mail.ru.

Потёмкин В. К., Федорова И. О.

Особенности отношения принимающего населения Санкт-Петербурга к мигрантам

Potemkin V. K., Fedorova I. O. Peculiarities of the Attitude of the Host Population of St. Petersburg to Migrants

В статье рассмотрено отношение принимающего населения Санкт-Петербурга к мигрантам. Изучение установок принимающего социума, т. е. петербуржцев, позволяет раскрыть полноту процесса адаптации и интеграции мигрантов. Представлены в сравнении результаты опроса жителей Санкт-Петербурга, проведенного авторами в 2012 и 2020 гг. Проанализированы социальная дистанция, установки в отношении мигрантов, а также мнения в отношении их интеграции.

Ключевые слова: миграция, мигранты, установки, адаптация, интеграция, риски.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90027.

This article examines the attitude of the host population of St. Petersburg to migrants. Studying the attitudes of the host society, the population of St. Petersburg, allows us to reveal the completeness of the process of adaptation and integration of migrants. The article compares the results of two surveys of St. Petersburg residents conducted by the authors in 2012 and 2020. Social distance, attitudes towards migrants, and opinions on the integration of migrants are analyzed in the article.

Keywords: migration, migrants, attitudes, adaptation, integration, risks.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of a scientific project No. 19-311-90027.

Санкт-Петербург является крупным центром притяжения мигрантов. Этому способствует множество факторов. Среди них — низкий уровень безработицы в сравнении с другими городами России, более низкая стоимость патента, чем в столице, конкурентная заработная плата [1]. Федеральные и местные органы власти работают над созданием и внедрением различных программ по регулированию миграционных потоков. Однако интенсификация миграционных процессов зачастую несет в себе множество рисков и угроз, нередко оборачивается ростом социальной напряженности [2, с. 63–84]. В связи с этим возникает ряд вопросов. Принимает ли общество мигрантов? Насколько местные жители заинтересованы в притоке мигрантов?

В настоящей статье предлагаются результаты сравнения данных опросов принимающего населения города Санкт-Петербурга, проведенных нами в апреле 2012 г. и в марте 2020 г. Для проведения отбора респондентов применена квотная выборка по полу и возрасту [3, с. 436]. Квоты соответствовали статистическим показателям групп населения в общей совокупности жителей Санкт-Петербурга

Потёмкин Валерий Константинович — заведующий кафедрой социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Федорова Ирина Олеговна — аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Потёмкин В. К., Федорова И. О., 2020

не моложе 18 лет. В опросе приняли участие только граждане России, постоянно проживающие в Санкт-Петербурге. Внутри квотных групп отбор производился случайным образом. Выборочная совокупность состоит из восьми групп, выделенных по половому и возрастному принципу: мужчины и женщины 18–29 лет; мужчины и женщины 30–44, 45–60 лет; мужчины и женщины от 60 лет и старше. В 2012 г. выборочная совокупность составила $n = 324$ человека, в 2012 г. этот показатель представлен как $n = 420$ человек.

Цель проведения опроса общественного мнения — выявить отношение принимающего населения (жителей Санкт-Петербурга) к мигрантам, формирующее особенность среды, в которую попадают мигранты. Безусловно, отношение общества служит одним из главных факторов, влияющих на процесс адаптации и интеграции мигрантов [4; 5].

В 2012 г. предваряющий блок вопросов касался толерантности респондентов. Путем конкретизации установлено, что респонденты понимают под словом «толерантность». В анкете предложено пять вариантов определений, характеризующих понимание толерантности [6, с. 220]. Ответы респондентов не зависели от их характеристик (пола, возраста, образования), о чем свидетельствует таблица 1. Абсолютное большинство петербуржцев под толерантностью понимают «терпимость, снисходительное отношение к мигрантам» (52,8 %). Такой ответ подразумевает противопоставление групп «мы» и «они» не в пользу последней: значительное дистанцирование себя от мигрантов формирует отношение к ним как к людям «второго сорта». 22,5 % респондентов понимают толерантность как «принятие и понимание иного образа жизни, иной культуры». Самым непопулярным ответом стал «толерантность — дружба на основе принятия и понимания другой культуры». Его выбрали для себя всего 6,8 % респондентов. Понятие «толерантность» простирается гораздо шире его обычной трактовки как терпимости и подразумевает активность (понимание иного образа жизни и культуры), деятельность (дружба народов на основе принятия и понимания другой культуры). 14,5 % респондентов согласились со всеми перечисленными определениями. Кроме того, даны несколько открытых ответов на вопрос (3,4 %). В частности, респонденты упомянули об уважении к нашей культуре и стране, а также к жителям России.

Таблица 1

Ответ на вопрос «Что лично Вы подразумеваете под понятием “толерантное отношение к мигрантам”?»

Понимание толерантности	Ответ, %
Терпимость, снисходительное отношение к мигрантам	52,8
Принятие и понимание иного образа жизни, иной культуры	22,5
Дружба на основе принятия и понимания другой культуры	6,8
Всё вышеперечисленное	14,5
Другое	3,4
Всего	100

В продолжение анализа категории «толерантность» респондентам были заданы вопросы, касающиеся их оценки среды Санкт-Петербурга в отношении к мигрантам, что отражено на рисунке 1. Между ответами на эти вопросы обнаружена взаимосвязь: респонденты, ответившие «абсолютно согласен» и «скорее согласен» в утверждении «В Санкт-Петербурге господствует толерантная среда по отношению к трудовым мигрантам» (36,7 %), также положительно оценили городскую среду в отношении адаптации мигрантов (с утверждением «Городская среда Санкт-Петербурга благоприятствует адаптации мигрантов» согласились

Рис. 1. Оценка респондентами толерантной среды Санкт-Петербурга, 2012 г.

36,7 % респондентов). Респонденты, не согласившиеся с тем, что в Санкт-Петербурге господствует толерантная среда (47,9 %), негативно оценили адаптационные возможности среды в отношении трудовых мигрантов (32 %). Примечательно, что на оба утверждения о среде Санкт-Петербурга высок процент тех, кто затруднился с ответом (15,4 % и 31,3 % соответственно).

Социальная дистанция выяснялась классическим способом по методике Богардуса [7]. На вопрос «В какой мере вы готовы иметь дело с трудовыми мигрантами?» большинство опрошенных дали следующий ответ: «Пускал бы в Россию только временно» (35,2 %). При этом 18 % ответили, что не пускали бы мигрантов в Россию, 17,6 % готовы видеть мигрантов среди жителей России, 8,6 % — среди коллег, 4,6 % — среди соседей, 3,7 % — среди близких друзей. Всего 0,6 % готовы видеть мигрантов среди членов семьи, как показано на рисунке 2.

В 2020 г. социальная дистанция респондентов изменилась, как видно на рисунке 3. На первом месте (21 %) оказалась готовность видеть мигрантов среди жителей России, на втором (18 %) — среди коллег. На третьем месте (16 %) находится ответ «Пускал бы в Россию только временно». 9 % из числа опрошенных ответили «Не пускал бы в Россию», что на 9 % ниже 2012 г. В то же время вырос показатель готовности видеть мигрантов среди соседей, близких друзей, членов семьи. По сравнению с 2012 г. социальная дистанция изменилась в лучшую сторону.

В 2020 г. респондентам предложено оценить, нужны ли мигранты Санкт-Петербургу. С утверждением о том, что мигранты необходимы городу, согласились 71 % опрошенных. Однако большинство выступают против роста числа мигрантов в городе. Лишь 13 % не против увеличения их числа в Санкт-Петербурге, что находит отражение на рисунке 4. При этом практически каждый шестой петербуржец выступает за освобождение города от мигрантов (15 %).

Установки в отношении мигрантов

В 2012 г. изучение установок респондентов относительно мигрантов в целом позволило выявить тенденцию негативного к ним отношения. Склонность к резким оценкам влияния мигрантов на городскую среду Санкт-Петербурга формирует

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о социальной дистанции в 2012 г., %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о социальной дистанции в 2020 г., %

недоброжелательную, дискриминационную и дистанцирующую атмосферу принимающего общества. Мигрант, попадающий в такую среду, может испытывать дополнительные сложности с адаптацией [8; 9]. Несмотря на реализацию программы «Толерантность» с 2006 г., на высоком уровне в обществе существует мигрантофобия. Респонденты всех возрастов отрицательно отнеслись к утверждению «Мигранты являются важными и полезными участниками общественной жизни», о чем свидетельствует рисунок 5. Кроме того, респонденты не согласились с тем, что мигранты способствуют развитию культуры, как видно на рисунке 6, экономики, как показано на рисунке 7, и развитию отношений с другими странами, на что указывает рисунок 8.

В 2020 г. с утверждением «Мигранты являются важными и полезными участниками общественной жизни» согласились всего 34 %, затруднились с ответом — 19 %, не согласны суммарно 47 % петербуржцев, как видно на рисунке 9. С утверждением «Мигранты способствуют развитию культуры» согласны всего 14 % респондентов, не согласны — 70 %, затруднились с ответом — 16 %, как показано на рисунке 10. 40 % согласны с утверждением о том, что «мигранты способствуют развитию экономики», о чем свидетельствует рисунок 11, что в целом выше показателей 2012 г. При этом отрицательно ответили всего 42 %. С утверждением о том, что «мигранты способствуют развитию отношений с другими странами», в 2020 г. согласны всего 38 %, как видно на рисунке 12, и эти данные выше показателей 2012 г. Не согласны с таким утверждением всего 44 %.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, нужны ли сегодня мигранты Санкт-Петербургу?» в 2020 г., %

15.3. Мигранты являются важным и полезными участниками общественной жизни, %

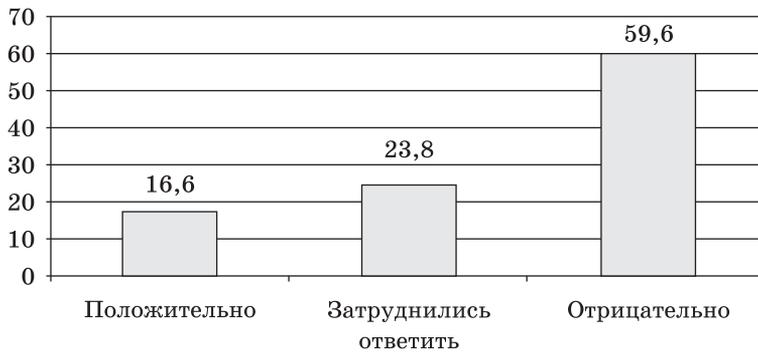

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос об участии мигрантов в общественной жизни, 2012 г.

15.4. Мигранты способствуют развитию культуры, %

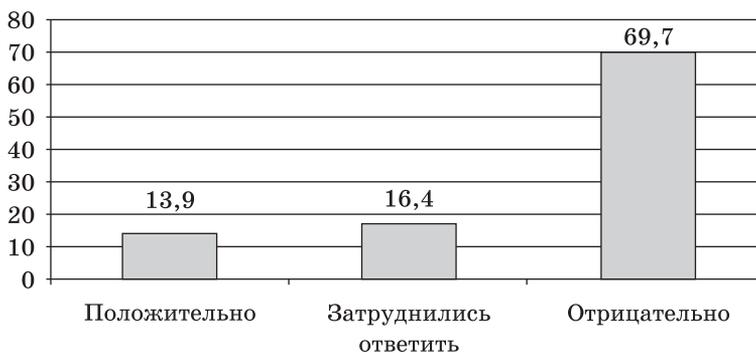

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о развитии культуры с участием мигрантов, 2012 г.

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос о развитии экономики с участием мигрантов, 2012 г.

15.6. Мигранты способствуют развитию отношений с другими странами, %

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос о развитии отношений с другими странами при участии мигрантов, 2012 г.

В целом в 2020 г. наблюдается незначительное улучшение ситуации в установках петербуржцев по отношению к мигрантам. Кроме позитивных установок, в 2020 г. нами проанализированы социальные риски, вызываемые миграцией [10]. С утверждением о том, что «мигранты вызывают политическую и социальную напряженность», согласны 62 % петербуржцев, что отражено на рисунке 13. Утверждение о том, что «мигранты усиливают криминальную ситуацию», также нашло отклик у респондентов: 70 % согласны с тезисом. 63 % респондентов ответили, что мигранты препятствуют нормальному развитию экономики из-за переполнения рынка труда неквалифицированной рабочей силой. 65 % респондентов считают, что мигранты отнимают рабочие места у россиян и из-за них снижаются зарплаты. Кроме того, 67 % петербуржцев уверены, что наблюдается снижение качества товаров и услуг из-за низкой квалификации мигрантов.

В заключение, сравнивая результаты двух опросов, можно сделать вывод о том, что в Санкт-Петербурге преобладает умеренно толерантное отношение к мигрантам. При этом отношение петербуржцев к притоку мигрантов однозначно негативное. Нами выявлена тенденция формирования дискриминационной среды местными жителями через их установки в отношении мигрантов. Социальная дистанция немного изменилась в лучшую сторону, однако остается на высоком уровне. Полученные данные говорят о необходимости уделять внимание процессам формирования толерантной среды принимающего общества, а также о необходимости предоставления помощи в процессе адаптации и интеграции мигрантов.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос об участии мигрантов в общественной жизни, 2020 г.

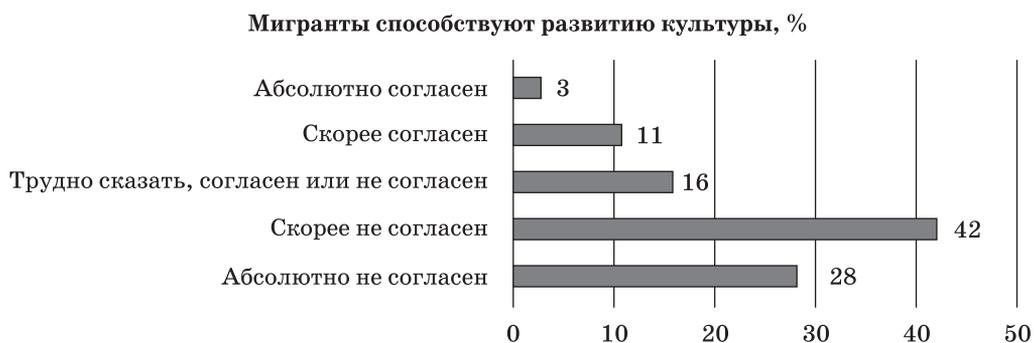

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос о развитии культуры с участием мигрантов, 2020 г.

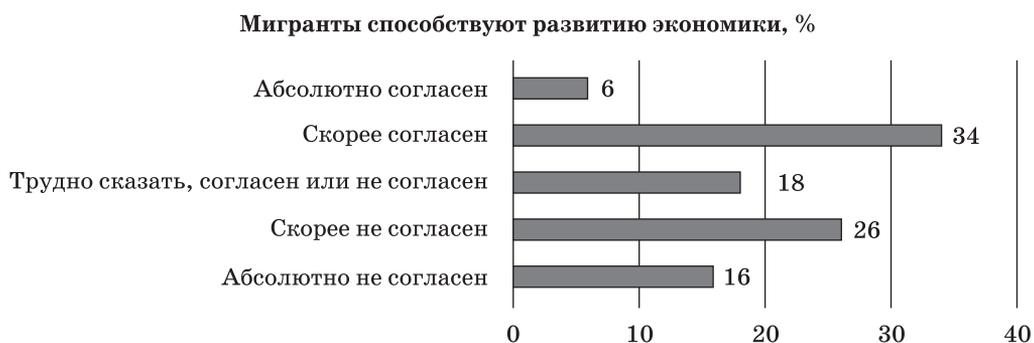

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос о развитии экономики с участием мигрантов, 2020 г.

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос о развитии отношений с другими странами при участии мигрантов, 2020 г.

Рис. 13. Распределение ответов на вопрос о том, вызывают ли мигранты политическую или социальную напряженность, 2020 г.

Литература

1. Международная миграция в Санкт-Петербурге: миграционная политика и общественное мнение: коллективная монография / под ред. О. И. Бородкиной, Н. В. Соколова, А. В. Тавровского. СПб.: Скифия-принт, 2017. 330 с.
2. Григорьев Д. С. Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 63–84. DOI: 10.17759/sps.2017080306
3. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 722 с.
4. Степанова Н. Г. Межэтническая толерантность в современном российском обществе (социально-философский анализ): автореф. ... дис. канд. филос. наук. Барнаул, 2008. 18 с.
5. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Институт психологии РАН, Академический Проект, 2000. 320 с.
6. Толерантность в культуре и процесс глобализации. М.: Гуманитарий, 2010. 486 с.
7. Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение: учеб. пособие. М.: Форум, 2007. 382 с.

8. *Amelina A.* Transnationale Migration jenseits von Assimilation und Akkulturation: Transnationale Inklusion und hybride Wissensordnungen als konzeptionelle Alternativen zur Assimilations und Akkulturation debate // *Berliner Journal für Soziologie*. 2010. Bd. 20. H. 2. S. 257–279. DOI: 10.1007/s11609-010-0123-y
9. *Castles Stephen, Mark J. Miller.* The age of migration: International population movements in the modern world. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 369 p.
10. *Milton M. Gordon.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York: Oxford University Press, 1964. 276 p.

Контактные данные:

Потёмкин В. К., Федорова И. О.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 310-19-04; e-mail: dept.ksocupr@unecon.ru, socupr@list.ru.

Contact Details:

Potemkin V. K., Fedorova I. O.: 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 310-19-04; e-mail: dept.ksocupr@unecon.ru, socupr@list.ru.

Хомутова Н. Н., Визнер К. А., Махортова С. А., Чудиевич С. Н.

Эйблизм и социальная среда в теории и практике

Khomutova N. N., Vizner K. A., Makhortova S. A., Chudievich S. N.

Eyblism and the Social Environment in Theory and Practice

В статье рассмотрена острая социальная проблема дискриминации людей с ограниченными возможностями (эйблизма), а также непонимания окружающими ее глубины. Речь идет о том, что уровень жизни инвалидов не может соответствовать в полной мере уровню жизни здоровых людей. В контексте темы эйблизма говорится о необходимости изучения проблемы внедрения и развития «безбарьерной» среды. Приведены результаты социологического опроса, которые продемонстрировали хорошую осведомленность респондентов о данной проблеме и их готовность к активному участию в ее обсуждении, принятию мер по внедрению «безбарьерной» среды для повышения качества жизни инвалидов.

Ключевые слова: эйблизм, дискриминация, люди с ограниченными возможностями, безбарьерная среда.

The problem of the discrimination of people with disabilities remains being an urgent social problem. Misunderstanding of the meaning of this problem by others results in a situation when invalid's level of life cannot be equal to a healthy person's level of life. This article raises the issue of ableism in order to explore the idea of barrier-free environment integration. The results of a social survey are demonstrating a good level of respondent's awareness concerning this problem and their will to participate in a discussion and taking of measures for the integration of a barrier-free environment with the intention to raise the invalid's level of life.

Keywords: ableism, discrimination, people with disabilities, barrier-free environment.

Проблема дискриминации людей с ограниченными возможностями, тяжелыми хроническими заболеваниями, расстройствами высшей нервной деятельности — сложное социальное явление. По данным Организации Объединенных Наций (ООН), в настоящее время в мире насчитывается свыше миллиарда инвалидов [1]. Лишь немногие страны широко внедрили «безбарьерную» среду, мало где отсутствуют проявления эйблизма. Ввиду этого рассматриваемая проблема представляется еще более актуальной, а ее решение остается насущной потребностью.

Проблема дискриминации инвалидов и больных людей является относительно молодой. Связано это с тем, что средняя продолжительность жизни была

Хомутова Наталья Николаевна — доцент кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова, кандидат философских наук; магистрант по направлению «Социальная работа» кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета.

Визнер Кристи Александровна — студент лечебного факультета Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова.

Махортова Светлана Александровна — студент лечебного факультета Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова.

Чудиевич Сергей Николаевич — студент лечебного факультета Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова.

© Хомутова Н. Н., Визнер К. А., Махортова С. А., Чудиевич С. Н., 2020

низкой, медицина неразвитой, гигиена часто отсутствовала, а представления о здоровье граничили с суевериями. Хронические заболевания быстро переходили в острую форму, приводили к летальным исходам, а тяжелые травмы — скорее к смерти, чем к инвалидности. История не дает однозначного ответа на вопрос об эволюции отношения человечества к инвалидам, больным и старикам. Так, например, в Японии и некоторых других странах, прежде всего примитивных обществах, не осуждался обычай оставления беспомощного родственника вдали от селения на верную смерть [2]. Однако недавние открытия археологов подтвердили, что первобытные люди заботились о людях с увечьями [3].

В XX в., веке двух мировых и сотен локальных войн, многие лишались конечностей, получали серьезные отравления веществами. Именно войны подтолкнули медицину к интенсивному развитию. Этим в первую очередь и объясняется интенсивный рост инвалидности в XX в. Послевоенное время характеризовалось невозможностью для инвалидов нормально пользоваться общественным транспортом, наблюдалась дискриминация в трудовой сфере, инвалидов и больных людей считали неполноценными членами общества. В 1982 г. Генеральной ассамблеей ООН принята «Всемирная программа действий в отношении инвалидов», т. е. первый документ, обосновавший социальную полноценность инвалидов, в котором главам стран предлагалось разрабатывать программы социальной защиты для лиц с ограниченными возможностями. В Великобритании закон о дискриминации инвалидов введен в 1995 г. В России Конвенция о правах инвалидов ратифицирована только в 2012 г. В США до 1971 г. дискриминация инвалидов и больных людей была буквально узаконена, людям запрещалось появляться на публике, если у них были отталкивающие болезни. Закон о недопустимости дискриминации принят в США лишь в 1990 г. [4].

Дискриминационные ограничения в отношении инвалидов и хронических больных были названы в научной среде эйблизмом. По мнению современных исследователей, эйблизм — это системная дискриминация и социальное предубеждение против людей с инвалидностью, хроническими соматическими или психическими расстройствами [5]. Данный вид дискриминации ставит потребности людей с ограниченными возможностями на второй план, делает их социально неполноценными, укореняет старые стереотипы об инвалидах. Выделяются две концепции инвалидности: инвалидность медицинская и социальная. Медицинская инвалидность — отклонение от нормы вследствие стойкого нарушения здоровья, вызванного болезнью, травмой, приводящее к утере трудоспособности. Социальная инвалидность — состояние, при котором человек с нарушениями здоровья сталкивается с социальными барьерами, препятствующими реализации его возможностей [6]. Создание равных возможностей — процесс, при котором общие системы общества (среда, транспорт, жилищные условия, трудовая деятельность) становятся доступными для всех категорий лиц.

В современных научных исследованиях отмечаются различные аспекты эйблизма. Например, Л. Н. Нацун анализирует результаты программы «Безбарьерная среда», проводившейся в Вологодской области с целью улучшения социального самочувствия людей с инвалидностью, а также федеральной государственной программы «Доступная среда». На 2016 г. список индикаторов программы «Безбарьерная среда» составлял 27 значений, демонстрирующих эффективность проведенных мер. Существует статистика, отражающая динамику изменения этих показателей с 2013 по 2020 г. (значения за 2020 г. являются целевыми). Доступ к приоритетным услугам для людей с инвалидностью положительно оценили 42,3 % опрошенных, по данным на 2016 г. В статистику также входила доля граждан, признающих навыки, достоинства и способности инвалидов. В 2016 г. таковых в

Вологодской области набралось 40 %. Речь идет о важном показателе, поскольку значительное число граждан выступает против прямых ограничений инвалидов, в частности против неприспособленности для них городской среды. Но при этом к инвалидам они относятся с жалостью, как к неполноценным людям.

Учитывалась и доля доступных для инвалидов, других маломобильных групп населения приоритетных объектов социальной, транспортной инфраструктуры. Она составила 60 % по состоянию на 2016 г. Примечательны данные по индикатору «доля специалистов, прошедших обучение и повышение квалификации по вопросам реабилитации и социальной интеграции инвалидов»: с 2013 по 2016 г. их доля возросла от 40 % до 76,3 %, т. е. почти в два раза. Такие цифры не демонстрируют эффективность обучения, но освещают темпы внедрения этих курсов среди специалистов.

Субъективные показатели оказалось оценить намного сложнее, чем объективные. В 2015 г. доля инвалидов в Вологодской области, положительно оценивающих отношение к ним населения, составляла 48,2 % (на 2013 г. — 30 %, целевое значение на 2020 г. — 70 %). Вместе с тем, когда в 2016 г. был проведен всероссийский социологический опрос, 46 % респондентов сообщили о равнодушии к данной проблеме: нет улучшений, но есть их видимость. С 2013 г. доля ответивших положительно на эти вопросы уменьшилась только на 10 %. Процент людей, оптимистично настроенных по поводу изменений отношения общества к инвалидам, с 2013 г. только незначительно снизился: с 20,1 % до 19,7 % в 2016 г.

Одновременно растет доля тех (26 % по состоянию на 2016 г.), кто затрудняется отвечать на этот вопрос. Это вызвано тем, что часто люди с инвалидностью предпочитают общаться с узким кругом людей и семьей, отношения с которыми складываются благополучно. Если у человека с инвалидностью есть любящая семья, ему не приходится самостоятельно ходить за продуктами в магазин или в аптеку, а значит, он не сможет здраво оценить отношение к нему общества. Результаты такого социологического опроса показывают, насколько закрываются в себе люди с инвалидностью, зачастую предпочитая даже не сталкиваться с внешним миром [7].

Результаты по индикаторам федеральной программы «Доступная среда» схожи с показателями программы «Безбарьерная среда» по Вологодской области. Положительно оценили отношение общества к инвалидам 50 % респондентов (рост на 10 % с 2013 г.), наблюдается небольшой рост занятых инвалидов среди всех инвалидов трудоспособного возраста (от 28 % до 31 %).

Таким образом, к 2019 г. достигнуты значительные результаты по повышению доступности объектов инфраструктуры здравоохранения, транспорта для инвалидов. Людей с инвалидностью чаще принимают на работу, но они значительно дистанцированы от общества, зачастую обделены возможностью посещать учреждения культуры и отдыха. Население по-прежнему слабо осведомлено о проблемах инвалидов, из-за чего стигма вокруг этой социальной группы не исчезает.

Актуальна проблема трудоустройства инвалидов. Гарантии равнозначных трудовых прав вне зависимости от пола, возраста, расы, состояния здоровья закреплены законодательно (ст. 19 Конституции РФ), ратифицирована Конвенция МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий». Защищая свои трудовые права, инвалиды также апеллируют к Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Несмотря на широкую законодательную базу, доля работающих инвалидов в России составляет 15 % [8]. При этом успешное трудоустройство определено уровнем квалификации инвалида. Но по причине того, что система образования инвалидов не является развитой в полной мере, люди с ограниченными возможностями вынуждены устраиваться

на работу с низкой квалификацией. Это отчасти объясняет причину небольшого числа трудоустроенных инвалидов.

Образовательные программы, зафиксированные Федеральной службой государственной статистики, ограничены: в их число входят сельское хозяйство, обрабатывающее производство, строительство, транспорт и связь и т. д. Кроме того, доля инвалидизированных граждан, прошедших обучение в области какой-либо экономической деятельности, составила всего 24 633 человек, по данным на 2016 г., т. е. 0,2 % от общего количества инвалидов в России. Расширение образовательных программ или их приспособление под нужды инвалидов могло бы внести значительный вклад в интеграцию людей с ограниченными возможностями в общество [9].

Н. А. Голиков поднимает вопрос отношения общества к такой уязвимой категории, как дети-инвалиды. Автор указывает на темпы инвалидизации населения: в 2012 г. количество детей, впервые признанных инвалидами, увеличилось на 37 %. Важно отметить, что инвалидность подразумевает не только медицинский диагноз, что выступает еще и в качестве социального маркера. Проблемы детей-инвалидов связаны не столько со здоровьем физическим, сколько со здоровьем ментальным, поскольку им приходится дополнительно сталкиваться с затрудненным процессом социализации, деформацией психологической сферы. У многих развивается низкая самооценка, отсутствие самоуважения. Все это способно критически отразиться на их дальнейшей жизни, добавив к имеющемуся диагнозу психические расстройства и психологические проблемы, препятствующие их успешной интеграции в общество.

Н. А. Голиков выделяет проблему социальной коммуникации, подчеркивая провал во взаимоотношениях общества и детей-инвалидов. Помимо равнодушного отношения наблюдается и тот факт, что некоторые воспринимают людей с ограниченными возможностями здоровья как так называемый балласт, от которого необходимо избавляться, чтобы повысить общий уровень здоровья в обществе. Позиция носителей такого мнения часто опирается на негативную евгенику, согласно которой неполноценных граждан следует лишать права продолжения рода. Звучат мысли о стерилизации инвалидизированных граждан [10; 11].

Подобные высказывания в обществе — свидетельство плохого информирования населения, отсутствия в образовательных программах информации об инвалидах. Инвалиды предпочитают не контактировать с обществом, часто ведут затворнический образ жизни, что способствует укреплению стигматизации. Без повседневного присутствия данной категории населения в общественных местах невозможно улучшение отношения к ним.

П. С. Стуров утверждает, что отношение к инвалидам меняется, затрагивая в статье вопрос о современных тенденциях, существующих в обществе. Примечательно, что в России отношение к людям с ограниченными возможностями в прошлом существенно отличалось от отношения к ним в Западной Европе. Помощь инвалидам считалась богоугодным делом, а уже в XVII в. возникла необходимость в создании специальных домов для детей-сирот и убогих. Однако даже к концу XIX в. количество специализированных учреждений для инвалидов в России оставалось незначительным [12]. Социальное положение людей с ограниченными возможностями было плачевным. Они ежедневно боролись с социальной изолированностью, минимизацией социального опыта. Кроме того, если инвалидизация произошла еще в детстве, у таких людей не формировались важные личностные качества: инициативность, активность. В Западной Европе, благодаря индивидуализму как ценности массового сознания, отношение к инвалидизированным группам населения менялось быстрее. Улучшения в социокультурной

среде связаны с переходом от «культуры полезности» к «культуре достоинства», в рамках которого для людей с ограниченными возможностями должны быть созданы все условия для самореализации.

В настоящее время в России существует множество проблем, связанных с качеством жизни людей, имеющих инвалидность. Наиболее актуальной проблемой остается неподготовленная и некомфортная городская среда для людей с ограниченными возможностями. Согласно статистике на 2019 г., в российском государстве около 12 млн человек (приблизительно 8 % всего населения) имеют инвалидность. На уровне страны цифра внушительная, поэтому необходимо предпринимать меры для улучшения ситуации [13].

Сегодня в городах повсеместно распространены надписи шрифтом Брайля и светофоры со звуковым сигналом для незрячих людей. Перед входом во многие жилые дома, муниципальные учреждения и магазины появились специальные пандусы. Однако это заметно далеко не во всех регионах страны, а в рамках конкретного региона. Такие приспособления можно найти только в крупных региональных центрах [14]. Зачастую при установке специальных рельсовых пандусов не учитываются габариты и технические особенности инвалидных колясок. Уклон рельсов на лестнице, крутой спуск, отсутствие промежуточных площадок и поручней делает такие пандусы бесполезными и даже опасными для инвалидов, а нередко и остальных жителей дома [15]. В общественном транспорте (маршрутных такси, трамваях и некоторых автобусах) отсутствует техническая возможность вкатить инвалидную коляску внутрь, поскольку нет специальных приспособлений (специальных пандусов и поручней) для этих целей и/или людей, способных помочь.

Не менее актуальна проблема отношения общественности к людям с ограниченными возможностями: о них существует множество предрассудков и стереотипов, которые только способствуют дискриминационному отношению к таким людям. Примерами эйблизма могут быть следующие случаи:

- 1) когда человек говорит своему знакомому, что он хорошо выглядит и не кажется больным (или проявление жалости, которая может оскорбить);
- 2) когда человек вслух восхищается людьми с ограниченными возможностями, которые просто живут своей жизнью в полной мере, как кто-либо другой;
- 3) игнорирование человека с ограниченными возможностями и разговор только с его сопровождающим;
- 4) навязчивые вопросы об истории возникновения болезни или личной жизни человека с ограниченными возможностями.

В рамках нашего проекта с 19 по 25 апреля 2020 г. проведено социологическое исследование на базе Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова, на кафедре социально-гуманитарных наук, экономики и права по инициативе студенческого научного кружка секции «Социально-гуманитарные науки». Метод сбора данных — анкетирование с использованием оригинальной анкеты, включающей в себя десять закрытых вопросов. В опросе приняли участие 130 человек. Генеральная совокупность исследования представлена студентами медицинских вузов Санкт-Петербурга и Москвы в возрасте от 18 до 25 лет, имеющими опыт взаимодействия с инвалидами. Тип выборки — целенаправленная, метод «снежного кома»: постепенное конструирование выборки, по мере того как респонденты, принявшие участие в исследовании, сообщают координаты других потенциальных респондентов. Каждый следующий респондент выбран в соответствии с параметрами генеральной выборки.

Как показали итоги исследования, большинство участников опроса считают, что относиться к инвалидам следует как к полноценным членам общества. 84,6 % респондентов утверждают, что дискриминация инвалидов должна быть запрещена. Хотя всего 50 % из них сталкивались с случаями дискриминации, а родственник с инвалидностью есть только у 14,6 % опрошенных. Результаты опроса демонстрирует высокую социальную осведомленность людей о проблеме эйблизма. Это подтверждает и положительный ответ 98,3 % опрошенных на наиболее значимый, на наш взгляд, вопрос: «Имеют ли люди с инвалидностью право на полноценную жизнь?».

Наблюдается положительное отношение к людям с инвалидностью, но существуют и разногласия. Например, большая часть опрошенных (54,6 %) не считают необходимым вводить юридическую ответственность за дискриминацию, а наказание за эйблизм, по их мнению, следует рассматривать индивидуально, исходя из конкретной ситуации. По поводу освещения проблемы в обществе особых разногласий не возникло: 80,8 % респондентов выступают за открытое обсуждение проблем эйблизма в обществе, а 73,1 % считают необходимым рассматривать проблему дискриминации инвалидов в рамках школьного курса.

Показателен вопрос о сферах общественной жизни и местах, где проблема эйблизма встречается чаще всего. На первом месте оказалось пренебрежительное отношение со стороны окружающих, на втором — недоступность получения должности в ряде профессий, на третьем — недоступность развлекательных объектов. Наименьшее количество голосов отдано неблагоприятным условиям труда.

Таким образом, результаты опроса показывают высокую осведомленность общества о проблеме эйблизма, его готовность к активному публичному обсуждению проблемы и принятию мер, которые повысят уровень жизни инвалидов. Данные опроса в целом совпадают с аналогичными, проведенными в последние годы. Более того, если сравнить с опросами, проведенными 20–30 лет назад, можно увидеть положительное изменение в количестве людей, осведомленных о проблеме и готовых предпринимать какие-либо действия. Следовательно, социальный контроль должен и может стать важным фактором изменения и улучшения ситуации.

Проблема эйблизма актуальна и в других государствах. С одной стороны, многие развивающиеся страны не могут внедрить «безбарьерную» среду на широком уровне из-за экономических проблем, а уровень развитости их медицины, в частности травматологической и ортопедической, низок. С другой стороны, во многих развитых странах инвалиды ежедневно сталкиваются с проявлениями дискриминации. Это доказывает тот факт, что проблема эйблизма обладает двойственностью, поскольку речь идет не только о технической оснащенности и финансовой достаточности для создания безбарьерной среды, но и о совокупности норм и ценностей людей, которые нас окружают.

Несмотря на осведомленность о проблеме, реального ее решения зачастую не бывает. Поэтому, возможно, система ценностей до сих пор у большинства людей не перестроена. Многие могут положительно относиться к инвалидам, принимать их на работу и оказывать им различную помощь, но в то же время быть уверенными, что инвалиды не могут быть полноценными членами общества. Излишняя опека это доказывает и заставляет инвалидов испытывать дискомфорт. Эйблизм укоренился в сознании людей. Поэтому прежде чем предпринимать действия по изменению городской среды, необходимо искоренить мнение об инвалидах как о неполноценных членах общества через развитие механизмов социального контроля.

Литература

1. Пчелкина Е. П., Пчелкин М. А. Системность и комплексность в реабилитации инвалидов // Методы и технологии социальной работы в современном мире. Ульяновск: Зебра, 2019. С. 129–142.
2. Прасол А. Ф. От Эдо до Токио и обратно. Культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М.: Астрель, 2012. 528 с.
3. Ancient Bones That Tell a Story of Compassion [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2012/12/18/science/ancient-bones-that-tell-a-story-of-compassion.html?_r=1 (дата обращения: 02.09.2020).
4. Чукурина В. В., Комиссаров Н. Н. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 25. № 1. С. 126–134.
5. Витвинчук В. В., Кабанова А. П. Медиаобраз маломобильного человека в СМИ // Медиаисследования. 2018. № 5. С. 14–18.
6. Девандас-Агилар К. Права инвалидов: доклад Специального докладчика по вопросу о правах инвалидов // Совет по правам человека. 43-я сессия. Женева, 2020. 22 с.
7. Нацун Л. Н. Интеграция инвалидов и общества: результативность мероприятий региональной социальной политики (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 95–111.
8. Положение инвалидов. Труд и занятость инвалидов [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://www.gks.ru/folder/13964> (дата обращения: 01.09.2020).
9. Валиев Г. Х., Султанова Р. М. Проблемы трудовой дискриминации людей с ограниченными возможностями по состоянию здоровья // Закон и право. 2019. № 2. С. 33–38.
10. Голиков Н. А. Отношение к детям-инвалидам: реалии и перспективы // Народное образование. 2015. № 3. С. 47–53.
11. Стерилизация как форма «системного насилия» в отношении девочек-инвалидов [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. 2017. 3 ноября. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5a0b00364.html> (дата обращения: 02.09.2020).
12. Стуров П. С. Доброжелательное отношение к инвалидам как тенденция развития социокультурной среды современного российского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 223–228.
13. Количество инвалидов в России и размер ЕДВ [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/invalidy/#i-3> (дата обращения: 01.09.2020).
14. Щукина А. О., Ефремова М. С. Проблема доступности городской среды для инвалидов // Управление экономическим развитием регионов: анализ тенденций и перспективы развития: материалы 14-й региональной науч.-практ. конф. молодых ученых. Орел: Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС. 2016. С. 121–122.
15. Щуплова А. О., Козыренко Н. Е. Барьеры городской среды для инвалидов // Дальний Восток: проблемы развития архитектурно-строительного комплекса. 2016. № 1. С. 520–523.

Контактные данные:

Хомутова Н. Н., Визнер К. А., Махортова С. А., Чудиевич С. Н.: 195067, Санкт-Петербург, Пискаревский пр., д. 47; (812) 303-50-00; e-mail: natalya.khomutova@szgmu.ru.

Contact Details:

Khomutova N. N., Vizner K. A., Makhortova S. A., Chudievich S. N.: 47, Piskaryovskiy Ave., St. Petersburg, 195067, Russia; (812) 303-50-00; e-mail: natalya.khomutova@szgmu.ru.

Евдокимова Е. П.

Трансформация повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19

Evdokimova E. P. Everyday Life Transformation of the Urban Population of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic

В статье рассмотрены изменения жизненного пространства индивидов в экстремальной ситуации и повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19. Показано, что ситуация пандемии актуализирует рефлексию по поводу пространственных параметров повседневной жизни горожан. Такая ситуация инициирует ревизию значимости непосредственных межличностных контактов в разных сферах жизнедеятельности. Для анализа практик удаленной работы привлечен материал проекта коронаФОМ, по данным которого эти практики в период локдауна охватывали более 10 % городского населения России. Показано, что указанные практики проблематизируют понятия рабочего места и рабочего времени, увеличивая функциональную нагрузку на жилище.

Ключевые слова: жизненное пространство индивида, городское население, повседневные практики, удаленная работа, глобальное и локальное, социальное неравенство.

The article examines changes in the life space of individuals in an extreme situation caused by the covid19 pandemic. It is shown that the pandemic situation actualizes reflection on the spatial parameters of everyday life of citizens. This situation initiates a revision of the significance of direct interpersonal contacts in different spheres of life of the population. For the analysis of remote work practices, the material of the CovidFOM Project was used, according to which these practices covered more than 10 % of the urban population of Russia during the lockdown period. It is shown that these practices problematize the concepts of workplace and working time, increasing the functional load on the home.

Keywords: individual life space, urban population, everyday practices, remote work, global and local, social inequality.

Социальные изменения, катаклизмы, катастрофы часто оказываются интересным временем для социального исследователя. Вынуждая людей приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам, ломая рутину повседневной жизни, втягивая в зону своего влияния не отдельные активные группы, а большие массы населения, такие события обнажают механизмы существования и функционирования общества. Эти события приводят к тому, что люди задумываются о происходящем, оценивают возникающие проблемные ситуации, сознательно начинают искать выход из них. В итоге оценки, рассуждения попадают в общественный дискурс, представляют собой ценнейший материал, характеризующий общество и происходящие в нем изменения.

Крупнейшим событием такого рода стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, охватившая многие страны мира и вынудившая миллионы людей на

Евдокимова Елена Петровна — научный сотрудник сектора социоурбанистики Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

© Евдокимова Е. П., 2020

время резко изменить привычный образ жизни. Эти изменения затронули разные аспекты общественной жизни — общественные представления, практики и отношения. Анализу происходящих процессов посвящены многие работы социологов последних месяцев [1, с. 144; 2, с. 138; 3; 4]. Не избежали влияния этого события и социально-пространственные параметры повседневной жизни городского населения, в изменении которых наблюдаются новые тенденции.

Социально-пространственные параметры повседневной жизни горожан и тенденции их изменения изучались в последние годы в контексте исследований городского пространства как жизненной среды городского населения [5]. Нами эти параметры рассмотрены как базовые координаты жизнедеятельности городского населения с опорой в их изучении на модель жизненного пространства индивидов, восходящую к К. Левину [6, р. 64–80]. Жизненное пространство индивидов, понимаемое в соответствии с этой моделью как многомерное, включающее в себя как физические, так и социальные измерения, изменялось под воздействием социальных трансформаций. Адаптационный и биографический подходы позволяли трактовать изменения как связанные с изменениями среды [7; 8, с. 78], вписанные в исторический контекст [9; 10, с. 71].

В результате анализа выявлены противоречивые тенденции в изменениях жизненных пространств индивидов. С одной стороны, социальное расслоение проявлялось и на уровне жизненного пространства, которое расширялось при восходящей социальной мобильности и сужалось при нисходящей. С другой — усиление нестабильности средовых условий и индивидуализация адаптационных практик приводили к размыванию границ между группами, усилению неопределенности многих параметров жизненного пространства [11, с. 236; 12, с. 256; 13, с. 223]. Эти тенденции были во многом связаны с усилением мобильности, разрушением пространственных и социальных барьеров, которое в разной степени затрагивало все группы населения.

Ситуация пандемии, связанная с ограничением мобильности населения и воссозданием барьеров, вызвала противоположные тенденции. Необходимо отметить, что в развитии пандемической ситуации можно выделить по меньшей мере три этапа, на которых наблюдались разные тенденции.

- весенний (март — май) — этап локдауна, когда кризисная ситуация воспринималась как временная (была надежда, что кратковременная), и изменения практик носили характер экстренных;
- летний (июнь — август) — характеризуемый неопределенностью и неустойчивостью ситуации;
- осенний (с сентября) — кризисная ситуация приняла затяжной характер и наметилась рутинизация адаптивных практик.

Охарактеризуем подробнее разные аспекты изменений пространственных параметров повседневной жизни населения.

Изменение представлений

В общественных представлениях пандемия актуализировала проблематику глокализации [14, с. 37; 15, с. 2]. Структура глобальных и локальных сообществ, в которые включен индивид, в этот период стала доступной непосредственному восприятию и требующей соответствующей рефлексии. Предварительный анализ «пандемического» дискурса показывает, что пандемия — проблема глобальная, связанная с интенсивными коммуникациями, перемещениями больших масс людей, с размыванием и снятием разнообразных социальных барьеров. Именно возросшая интенсивность перемещений масс людей и плотность межличностных

коммуникаций привели к переводу этой проблемы из медицинской в социальную плоскость. В то же время положение каждого человека оказалось связанным с локальной ситуацией, определяемой на разных уровнях:

- эпидемическая ситуация, определяющая риск заражения конкретного индивида, различалась на непосредственном локальном уровне (в поселении, районе, микрорайоне) в зависимости от активной мобильности этого индивида;
- меры по противодействию распространения инфекции предпринимались на общегосударственном и региональном уровне, т. е. зависели от административной принадлежности территории проживания индивида;
- система медицинской помощи также зависела от конкретного поселения;
- жилищные условия семьи определяли возможности более или менее комфортного соблюдения режима самоизоляции;
- возможность/невозможность удаленной работы, доступность необходимых товаров определяли маршруты передвижений для удовлетворения повседневных нужд и, соответственно, возможности регулирования риска заражения;
- локальная инфраструктура связи лимитировала возможности переноса той или иной повседневной активности в виртуальное пространство.

Итак, можно утверждать, что положение и возможности индивидов в ситуации пандемии определялись сложной комбинацией глобальных и локальных условий, создающих уникальную и постоянно изменяющуюся глокальную ситуацию, что в значительной мере индивидами рефлексировалось.

Изменения повседневных практик

Изменения повседневных практик затронули в первую очередь «баланс труда и жизни» [16, р. 457; 17, р. 510]. С одной стороны, ситуация пандемии вызвала дифференциацию видов трудовой деятельности по возможности организации удаленной работы, с другой — по необходимости этой деятельности для жизнеобеспечения населения. Виды деятельности, которые не допускали работы в удаленном режиме, но и не относились к жизненно необходимым, в период первой волны пандемии были приостановлены, что поставило работников в ситуацию вынужденного отпуска.

Оценить масштабы изменений пространственных параметров в сфере занятости позволяют данные проекта коронаФОМ, призванного отслеживать разные показатели влияния пандемии на жизнь населения. Нами выбрано несколько параметров, относящихся к сфере занятости. Используются данные опроса «Новый образ жизни» в рамках проекта коронаФОМ (2020), опроса в городах с населением 50 тыс. человек и более, проведенного 23–26 апреля 2020 г. Объем выборки — 1 538 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,1 %. Распределение городского населения России по видам занятости представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, вынужденные отпуска затронули каждого шестого взрослого горожанина и каждого пятого москвича. На удаленную работу в апреле 2020 г. перешли около 10 % городского населения России или более четверти (28 %) работающих горожан (в Москве, где эпидемическая обстановка весной была наиболее острой, эта доля составила 17 % всего населения или около 60 % работающих). Чем крупнее город, тем больше доля работающих в удаленном режиме.

Социально-демографические характеристики групп населения, работающего в разных режимах, представлены в таблице 2.

Таблица 1

Занятость городского населения России в апреле 2020 г., % выделенных групп

	Все горожане	Тип населенного пункта			
		Москва	Город 1 млн и более	Город от 250 тыс. до 1 млн	Город от 50 до 250 тыс.
Доля групп, %	100	11	23	34	32
Кол-во респондентов, чел.	1 538	197	357	532	452
Работаю	38	28	42	37	39
В том числе:					
полностью или частично перешел(-а) на работу из дома, удаленную работу	10	17	12	10	6
хожу на работу, как и до эпидемии	21	6	22	21	25
работаю из дома, как и до эпидемии	1	1	2	1	0
другой вариант	6	4	6	6	7
трудоустроен(-а), но из-за эпидемии сейчас нахожусь в вынужденном отпуске или не работаю	15	20	15	16	14
учусь	2	2	2	3	2
нахожусь на пенсии	27	33	22	29	27
не работаю	12	13	13	10	11
другое	6	4	6	5	7
затрудняюсь ответить	0	0	0	0	0

Таблица 2

Характеристики работающего населения, % выделенных групп

	Все горожане	Работающие		
		Всего	Продолжают ходить на работу	Работаю удаленно
Доля групп, %	100	38	21	10
Кол-во респондентов, чел.	1 538	567	272	192
Пол:				
мужчины	44	54	58	44
женщины	56	46	42	56
Возраст:				
18–30 лет	21	26	30	22
31–45 лет	30	40	37	50
46–60 лет	24	28	30	22
старше 60 лет	26	6	3	6
Образование:				
среднее общее и ниже	21	17	21	1
среднее специальное	42	40	51	18
высшее	37	43	28	81

Как следует из таблицы 2, среди перешедших на удаленную работу в условиях пандемии больше женщин (среди продолжающих ходить на работу больше мужчин). Чаще всего работают удаленно сотрудники среднего возраста (они составили половину всех, перешедших на удаленную работу). Наиболее характерный показатель проявляется в том, что более 4/5 работников, перешедших на удаленный режим, — работники с высшим образованием.

По данным опроса, чаще других работали удаленно работники сферы образования (19 % данной группы). Однако такой режим использовался в разных сферах деятельности: торговле (12 % работающих удаленно), промышленности (11 %), строительстве, ремонте (7 %), IT-технологии (7 %), транспорте, грузоперевозках (6 %), экономике, финансах (6 %). Для этой категории населения рабочим местом стало место жительства, что привело к переопределению границ рабочего места и времени. Подробнее сведения об условиях труда и изменения в его организации представлены в таблице 3, где даны характеристики этой группы (составившей 10 % опрошенных).

Как видно из таблицы 3, удаленная работа практически всегда связана с необходимостью доступа в интернет, постоянного или хотя бы периодического. Отдельное рабочее место является не столь обязательным, хотя способствующим повышению удовлетворенности работой — такое место есть у 3/4 тех, кому работать удаленно, скорее, нравится, и лишь у половины тех, кому это, скорее, не нравится.

В большей степени сказываются на удовлетворенности изменения в содержании и организации работы. Примерно половина перешедших на удаленную работу считают, что в содержании и организации работы у них все осталось по-прежнему. Среди тех, кому этот режим работы, скорее, нравится, удалось оставить все по-прежнему более чем 3/4, а среди тех, кому, скорее, не нравится, все осталось по-прежнему лишь у одной трети. Более 60 % указали, что у них изменилось многое.

В первую очередь речь идет об изменении объема выполняемой работы — лишь у трети перешедших на удаленный режим он остался прежним, сохранился почти у половины тех, кому «удаленка», скорее, нравится, и менее, чем у четверти тех, кому она, скорее, не нравится. Чаще респонденты отмечали уменьшение объема работы на удаленном режиме, что связано как с общим спадом экономической активности, так и с тем, что не все виды работ удается в таком режиме выполнять. Иногда выполнение работы требует дополнительного времени, связанного с неудовлетворительным качеством связи, отсутствием необходимого оборудования, дополнительными техническими сложностями в организации контактов. Но порой и дополнительные затраты оказываются неэффективны, страдает качество работы, о чем сообщили более трети работающих удаленно и почти половина (45 %) тех, кому такая работа, скорее, не нравится.

Наконец, важная характеристика удаленной работы — размывание границ рабочего и нерабочего времени. Как следует из таблицы 3, более удовлетворены удаленной работой те, кому такое разделение удается сохранить. Это удается примерно трети работающим удаленно. Причем среди тех, кому такой режим нравится — 44 %, а среди тех, кому он, скорее, не нравится — 26 %. Чаще работникам удается разделить дни на рабочие и выходные (более 40 % всех работающих удаленно и более половины тех, кому такой режим нравится).

Конечно, во многом данное разделение ограничивается рабочей ситуацией — именно удаленный режим позволяет и требует работать, когда есть работа, поскольку исключает такой показатель трудовой активности, как присутствие на рабочем месте. Вместе с тем в домашней обстановке люди чаще отвлекаются от

Таблица 3

**Условия труда и удовлетворенность перешедших на удаленную работу,
% от соответствующих групп**

	Перешли на удаленную работу	Работать удаленно	
		Скорее, нравится	Скорее, не нравится
Доля групп	100	36	61
Рабочее место:			
есть	59	75	50
нет	41	25	50
Нужен ли доступ к интернету:			
не нужен	2	1	3
нужен постоянно	90	93	89
нужен время от времени	8	6	9
Изменения в содержании и организации работы:			
изменилось многое	47	22	61
всё осталось по-прежнему	51	76	36
Изменение объема работы:			
больше	22	14	28
меньше	42	37	45
примерно столько же	33	48	23
Качество работы:			
лучше	13	21	8
хуже	37	26	45
примерно так же	43	47	39
Отвлекаются от работы:			
больше	54	38	64
меньше	16	30	8
примерно так же	23	28	20
Граница рабочего и нерабочего времени:			
провожу границу	33	44	26
работаю по ситуации, без определенного графика	66	54	72
Разделение на рабочие и выходные дни:			
делю — есть дни для работы и дни для отдыха	43	51	39
не делю, работаю каждый день	21	15	24
работаю по ситуации, когда есть работа	35	30	38

работы, на что указали более половины (54 %) всех работающих удаленно и почти две трети (64 %) тех, кому этот режим не нравится. Лишь 19 % опрошенных, работающих удаленно, сказали, что их ничего не отвлекает. Среди отвлекающих от работы факторов в домашних условиях на первом месте — дети и внуки (указали 28 % работающих удаленно), на втором (21 %) — иные члены семьи и домашние питомцы. 17 % работающих удаленно сказали, что их расслабляет домашняя обстановка, нахождение дома, нежесткий график. В то же время о домашних делах, которые отвлекали бы от работы, упомянули всего 2 %. Это позволяет предположить, что с функциональным разграничением работники справляются успешнее, чем с организацией своего времени.

Из недостатков удаленной работы респонденты указывали в первую очередь (18 %) отсутствие коммуникации с коллегами. При этом они говорили и о затруднении коммуникации, необходимой для работы, и о нехватке полноценного общения с членами трудового коллектива. Остальные приведенные недостатки удаленной работы (неполноценность домашней работы в связи со спецификой; отсутствие необходимых условий, оборудования; увеличение объема, ненормированность; отвлекающие факторы; расслабляющая обстановка) в той или иной степени связаны со снижением качества работы. Исключение, пожалуй, составляет такая характеристика домашней работы, как однообразие обстановки. Невозможность изменять обстановку в течение дня некоторыми респондентами (6 %) рассматривается как недостаток такого режима занятости.

Вместе с тем многими респондентами (13 % работающих удаленно) домашняя обстановка рассматривается как комфортная, спокойная, не отвлекающая от дела, что воспринимается ими как достоинство удаленной работы. Другим достоинством соответствующего режима работы респонденты считают возможность самостоятельно регулировать свой график (9 %) и более гибко совмещать трудовую деятельность с домашними делами (8 %). Но прежде всего среди привлекательных сторон «удаленки» работники называют экономию времени и денег на проезд к месту работы и обратно (что отметили 16 % работников этой группы).

Приведенные данные показывают неоднозначность влияния удаленной работы на индивидуальное жизненное пространство. Но переопределение границ рабочего места и времени в любом случае является существенным изменением этого пространства. Такое изменение не ограничивается сферой занятости. В разных сферах жизнедеятельности можно наблюдать последствия ограничения мобильности и межличностных контактов:

- стремление минимизировать контакты привело к росту онлайн-покупок, эти практики стали более распространенными и более привычными для потребителей. В частности, получила распространение практика заказа продуктов и товаров для престарелых родственников;
- дистанционное обучение получило импульс к развитию в ситуации пандемии. Хотя практики в этой сфере оказались особенно противоречивы, поскольку, с одной стороны, информационная составляющая процесса образования, казалось бы, легко поддавалась виртуализации, с другой — именно в этой сфере проявились проблемы, связанные и с несовершенством технического обеспечения, и с недостаточным методическим обеспечением процесса;
- наконец, в проведении досуга больше места стали занимать его виртуальные виды, что, в свою очередь, открывало дополнительные возможности, но одновременно порождало новые или усиливало существующие проблемы гиподинамии, разобщенности, иные.

Все эти виды деятельности оказались сосредоточенными физически в пространстве жилища, требуя дополнительных усилий по их совмещению и упорядочению, особенно когда на одни и те же ресурсы (пространственные или технические) претендовали разные члены семьи.

Таким образом, можно говорить о дальнейшем размывании функциональной определенности пространства жилища. С одной стороны, оно становится все более полифункциональным, включающим в себя различные виды повседневной деятельности. Однако, с другой стороны, общее сокращение мобильности, восприятие внешних по отношению к дому мест как зоны повышенной опасности сокращает возможности использования помимо жилища иных территорий. Место работы перестает быть местом общения, магазины — местом досуга, а транспорт — территорией «мобильного офиса». Все территории, кроме жилища, используются лишь по прямому назначению (если используются).

Изменение социальных отношений

Изменение социальных отношений наблюдается в появлении новых форм неравенства. В социальном пространстве изменяется конфигурация социальных групп, отношений между ними, появляются новые барьеры и новые солидарности. В очередной раз находим оправданным применение объяснительной модели общества риска У. Бека [18], когда глобальная, порожденная развитием общества угроза требует принятия решений на уровне каждого индивида — его способов поведения для минимизации опасности лично для себя и окружающих.

Вместе с тем такая опасность имеет специфические последствия для социальных отношений:

- поскольку риск заражения связан с непосредственными межличностными контактами, возникшая угроза вызывает ревизию существующих контактов индивида и стремление к их сведению к жизненно необходимым, что, естественно, приводит к ослаблению или обрыву более слабых связей, а вследствие этого к фрагментации общества, потенциально стремящейся к атомизации;
- форма передачи инфекции привела к тому, что наиболее уязвимыми, особенно на начальном этапе пандемии, оказались высокостатусные группы населения, важной составляющей образа жизни которых служит высокая мобильность и интенсивность общения. Именно эти группы были основными акторами тенденций интеграции, гражданами мира без границ и именно они оказались в группе риска новой глобальной угрозы. Однако по мере распространения инфекции на первый план выходили традиционные преимущества социальной стратификации, в данном случае возможности этих групп по обеспечению индивидуальной защиты (более комфортные жилищные условия, личный транспорт, дополнительные медицинские услуги), что усиливало существующее социально-экономическое неравенство;
- еще одним измерением неравенства в сфере занятости становится возможность или невозможность использовать удаленный режим работы как наиболее безопасный в плане заражения, исключающий личные контакты на рабочем месте и в общественном транспорте;
- новые формы коммуникации, не связанные с личными контактами, с одной стороны, получают дополнительный импульс к развитию, с другой — такие формы общения, лишённые возможности развиртуализации, лишаются эмоциональной подпитки и становятся менее устойчивыми.

В целом ситуация пандемии актуализировала рефлексию по поводу значимости непосредственных межличностных контактов в самых разных видах деятельности, как профессиональных, так и не связанных с профессиональной сферой. Если на начальной стадии пандемии разрыв контактов представлялся временной мерой, после которой жизнь вернется к привычным практикам, то вторая волна стимулирует выработку новых способов приспособления к формирующимся угрозам как к чему-то длительному. Однако этот процесс еще в самом начале, и пока трудно прогнозировать, какие формы примет такое приспособление.

В текущем году ключевым фактором изменения пространственных параметров повседневной жизни городского населения стала ситуация пандемии COVID-19. Экстремальная ситуация привела к пространственному перераспределению различных видов жизнедеятельности горожан, сосредоточению многих функций в жилище, усилению виртуализации разных видов жизнедеятельности. Данная ситуация стимулировала актуализацию рефлексии в отношении роли непосредственных межличностных контактов в разных видах деятельности. Последствия изменений во многом зависят от продолжительности экстремальной ситуации и в любом случае нуждаются в дальнейшем анализе.

Литература

1. Слепцов А. Н., Потравная Е. В. Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 144–147. DOI: 10.31857/S013216250009621-6
2. Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. DOI: 10.31857/S013216250009481-2
3. Стратегии поведения жителей Екатеринбурга в условиях пандемии и нарастающего экономического кризиса. На основе данных исследования Фонда «Социум» [Электронный ресурс] // Фонд «Социум». Екатеринбург, 2020. 33 с. URL: <https://fsocium.com/wp-content/uploads/2020/04/%D0%A1%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D0%BC-%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).
4. Проект коронаФОМ [Электронный ресурс]. URL: https://covid19.fom.ru/?utm_source=fomru&utm_medium=banner&utm_campaign=k_fom&utm_content=header (дата обращения: 01.12.2020).
5. Социальное пространство большого города / под ред. Г. В. Еремичевой. СПб.: Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 2018. 392 с.
6. Levin K. Defining the “field at a given time” // Psychological Review. 1943. No. 50. P. 292–310 // Левин К. Определение «поля в данный момент» // Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб.: Сенсор, 2000. С. 64–80.
7. Корель Л. В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 415 с.
8. Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78–104.
9. Биографический метод: история, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной, В. В. Семенов. М.: Институт социологии РАН, 1994. 148 с.
10. Голофаст В. Б. Многообразии биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
11. Евдокимова Е. П. Жизненное пространство жителей Санкт-Петербурга: пересечение индивидуальных биографий и социальных трансформаций // (Авто)биография как объект социологического анализа: материалы X чтений памяти В. Б. Голофаста / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 236–243.

12. Евдокимова Е. П. Повседневные практики петербуржцев в меняющемся городском пространстве // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: материалы IX социологических чтений памяти В. Б. Голофаства. СПб.: Норма, 2017. С. 256–265.
13. Евдокимова Е. П. Профессиональные траектории петербуржцев в эпоху перемен: усиление гибкости и тенденции прекаризации // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докладов конф. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 223–231.
14. Игнатьев В. И. Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 37–46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
15. Голофаст В. Б. Глобальное и локальное как контексты и контрасты // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 1. С. 2–8.
16. Bloom N., Van Reenen J. Management practices, work-life balance and productivity: a review of some recent evidence // Oxford Review of Economic Policy. 2006. No. 22. P. 457–482.
17. Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. The relation between work–family balance and quality of life // Journal of Vocational Behavior. 2003. No. 63. P. 510–531.
18. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Контактные данные:

Евдокимова Е. П.: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14; (812) 316-32-95; e-mail: ee34@yandex.ru.

Contact Details:

Evdokimova E. P.: 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya Str., St. Petersburg, 190005, Russia; (812) 316-32-95; e-mail: ee34@yandex.ru.

Калиниченко Я. Н.

Оценка факторов наркотизации молодежной среды: по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае

*Kalinichenko Ya. N. Assessment of Factors of Narcotization of Youth
Environment: on the Results of Annual Monitoring Drug Situation
in the Krasnoyarsk Territory*

В статье основное внимание уделено оценке факторов распространения наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях в молодежной среде, выявленных с учетом данных, полученных в ходе мониторинга наркоситуации в Красноярском крае. При анализе распространения наркотических средств в регионе оцениваются факторы, способствующие изменению наркоситуации в сферах предложения и спроса на наркотики. Показана значимость работы по формированию негативного отношения молодежи к наркотикам. Сделаны выводы о факторах наркотизации молодежной среды в современных условиях.

Ключевые слова: мониторинг, наркоситуация, наркомания, факторы наркотизации, молодежная среда.

The article focuses on the assessment of factors of spreading narcotic drugs and psychotropic substances for non-medical purposes in the youth environment, identified on the basis of data obtained during the monitoring of the drug situation conducted annually in the Krasnoyarsk Territory. When analyzing the spread of narcotic drugs in the territory, the factors contributing to a change in the drug situation in the supply and demand for drugs are assessed; the importance of work on the formation of a negative attitude of young people to drugs is shown. Conclusions are presented regarding the most significant factors of drug addiction in the youth environment in modern conditions.

Keywords: monitoring, drug situation, drug addiction, factors of drug addiction, youth environment.

Наркомания остается одной из насущных комплексных проблем современного общества, последствия которой представляют угрозу для демографической ситуации и национальной безопасности общества. На заседании Совета безопасности России Президент обсудил проект новой Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 года. Владимир Путин обозначил шесть принципиальных вещей, которые необходимо учитывать в этой работе. По его словам, тема наркотиков напрямую затрагивает национальную безопасность.

В период реализации прежней стратегии сделаны важные шаги в борьбе с наркоугрозой. В. Путин привел следующие данные: «Во многом благодаря принятым мерам за 10 лет число официально зарегистрированных наркопотребителей сократилось больше чем на четверть — с 673 до 478 тысяч, в том числе несовершеннолетних — с 7,9 до 5,1 тысячи. За наблюдаемый отрезок времени на 17 % снизился уровень наркопреступности, а количество тех, кто совершил преступление в состоянии наркотического опьянения, снизилось на 30 процентов.

Калиниченко Яна Николаевна — научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

© Калиниченко Я. Н., 2020

Вместе с тем цифры статистики не должны успокаивать. Ведь и наркобизнес, и наркопотребление носят скрытый, латентный характер» [1]. Разрушительное влияние наркотизации общества обусловлено скоротечностью ее протекания, заразительностью, болезненной потребностью к получению эйфорических ощущений, а в дальнейшем — постоянной необходимостью преодоления тяжелых физических состояний, ощущений угнетенного сознания. В целом наркомания разрушает и криминализирует социальную среду, а проводимая антинаркотическая политика по-прежнему остается недостаточно эффективной [2].

Страшные последствия наркомании заключаются прежде всего в том, что она разрушает генофонд нации. Все больше и больше молодых людей, трудоспособного населения нашей страны приобщаются к наркотикам. В России на учете в наркологических диспансерах состоят 423,4 тысячи больных наркоманией. По результатам исследований последних лет, опиоидами злоупотребляют ежегодно более 53 млн человек (1,1 процента всего мирового населения в возрасте 15–64 лет), из которых почти 30 млн человек употребляли опиаты — героин и опий [3].

Более того, наркомания криминализирует общественные отношения, способствует росту специфической наркопреступности и иных преступлений, совершенных под воздействием наркотических средств и психотропных веществ (хищений, насилия и др.). Динамика и удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в абсолютных показателях к общему количеству совершенных преступлений представлены на рисунке 1.

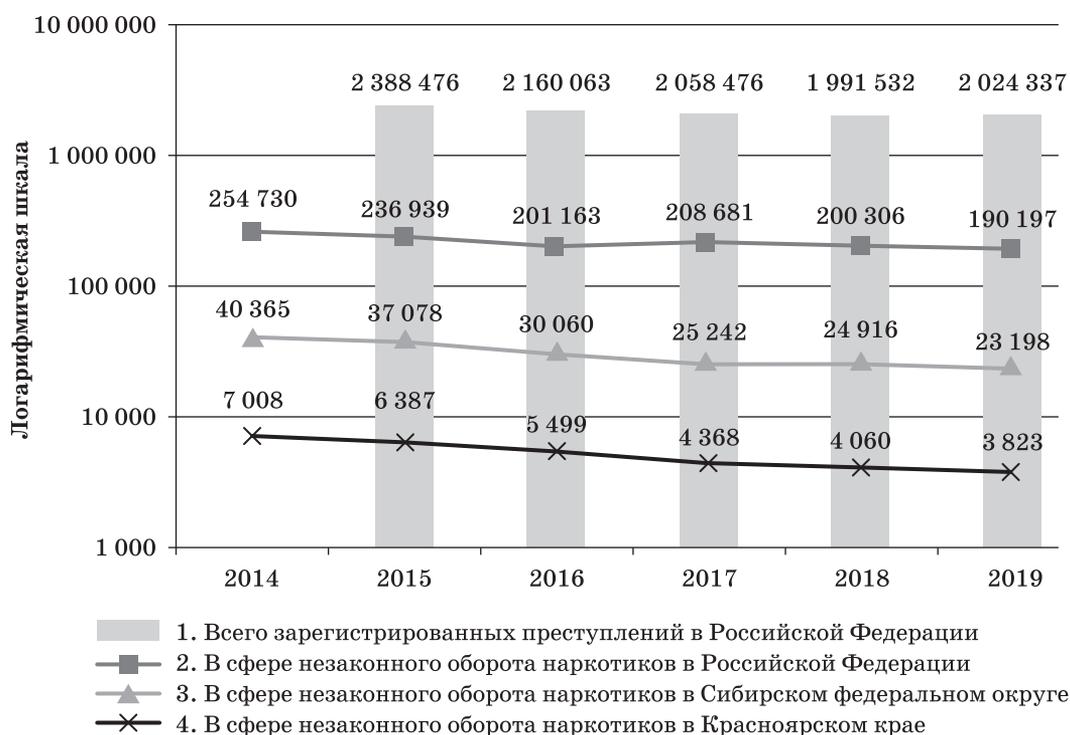

Рис. 1. Динамика преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в 2014–2019 гг.

В настоящее время мониторинг наркоситуации осуществляется на основе статистических данных различных субъектов антинаркотической политики и на результатах социологических опросов, которые являются неотъемлемой частью

мониторинговых исследований [4]. Качественное проведение подобных исследований позволяет выявить существующие масштабы проблемы, направления, формы и методы профилактической деятельности, рассчитать коэффициент латентности наркоситуации, определить наиболее значимые факторы, способствующие и препятствующие распространению употребления наркотиков в немедицинских целях. Легче не создавать проблему, чем в дальнейшем ее решать. Деятельность по противодействию и профилактике употребления наркотиков в немедицинских целях должна предполагать ужесточение мер контроля за несанкционированным оборотом наркотиков и их прекурсоров. Кроме того, она определяет приоритетные задачи первичной профилактики, основанной в большей степени на развитии культуры здорового образа жизни, духовных и нравственных качеств человека, создании социально значимых ценностей.

Для оценки факторов наркотизации молодежной среды использовались результаты социологического опроса граждан в формате ежегодного мониторинга наркоситуации, который проводится в Красноярском крае в соответствии с требованиями нормативных документов [4; 5]. Опросу подлежат граждане по выборке населения от 14 до 60 лет объемом не менее 0,1 % жителей региона. При построении выборочной совокупности учитывались половозрастная структура и уровень урбанизации края, а также уровень образования и материальное положение респондентов. В настоящей статье подробно остановимся на возрастной группе опрашиваемых 14–29 лет. Проанализируем данные за 2017–2019 гг., которые охватывают период после реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации и передачи ему соответствующим Указом Президента РФ функций Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Как показывают наблюдения, молодой человек может признавать у себя наличие вредных привычек, что отражено в таблице 1, но чаще предпочитает не видеть в этом проблемы и не замечает собственные вредные пристрастия. Большинство молодых людей не готовы признать наличие у себя вредных привычек. Большой процент отрицающих их наличие приходится на возрастную группу 14–17 лет, что обусловлено психологическими особенностями ранней юности.

Таблица 1

Динамика осознания наличия вредных привычек населением, %

Есть ли у Вас вредные привычки?	Год наблюдения					
	2017		2018		2019	
	14–17	18–29	14–17	18–29	14–17	18–29
Да, скорее да	23,3	29,3	31,3	34,3	31,4	33,1
Нет, скорее нет	76,7	70,7	68,7	65,7	68,6	66,9
Итого	100	100	100	100	100	100

Молодые люди чаще всего не рассматривают приверженность к алкоголю, табаку или наркотикам как зависимость. Для них это — способ разрядиться: выпил — расслабился, закурил — сбросил психологическую напряженность, употребил наркотики — получил заряд бодрости, избавился от болезненной напряженности, психологического или физиологического дискомфорта. К наркоти-

кам как к опасности большинство молодых людей начинает относиться серьезно, если они перестают контролировать свою зависимость от них. Пока же это событие не наступило, проблема как значимая стабильно остается неосознанной, как видно из таблицы 2.

Таблица 2

Проблемы, требующие решения, по мнению респондентов, в первую очередь, %

Наименование основных оцениваемых индикаторов	Год наблюдения					
	2017		2018		2019	
	14–17	18–29	14–17	18–29	14–17	18–29
Нехватка жилья	6,0	10,1	5,7	8,9	6,4	11,7
Качество дорог	21,0	16,7	19,0	16,0	17,9	16,2
Алкоголизм	16,2	14,3	13,8	13,8	15,2	12,5
Безработица	17,3	17,8	15,7	20,5	16,3	18,6
Состояние жилищно-коммунальной сферы	8,8	11,1	11,0	11,8	10,7	12,7
Наркомания	9,3	8,3	10,5	8,5	8,2	6,1
Качество медицинского обслуживания	13,2	14,2	15,2	13,1	16,8	16,4
Преступность	7,0	6,1	7,3	5,6	6,7	4,6
Другое	1,4	1,4	1,8	1,8	1,8	1,2
Итого	100	100	100	100	100	100

В 2017 г. молодые люди 14–17 лет (первая возрастная группа) отвечают следующим образом: 21 % опрошенных ставит приоритетной для решения проблеме качества дорог, 17,3 % — выделяют безработицу, 16,2 % — алкоголизм, 13,2 % — качество медицинского обслуживания, 9,3 % — наркоманию. Молодежь 18–29 лет (вторая возрастная группа) приоритетной ставит проблему безработицы (17,8 %), далее — качество дорог (16,7 %), алкоголизм (14,3 %), качество медицинского обслуживания (14,2 %), состояние жилищно-коммунальной сферы (11,1 %), нехватка жилья (10,1 %), наркомания (8,3 %).

В 2018 г. молодежь первой возрастной группы решение проблемы наркомании поставила на шестое место, вторая возрастная группа отвела решению данной проблемы седьмое место. В 2019 г. картина выглядит следующим образом. Подростки 14–17 лет также решению проблем, связанных с наркоманией, отводят шестое место, а молодежь 18–29 лет — девятое. Из вышеизложенного следует, что в современном обществе проблема наркомании недооценена, ее разрушающий эффект на общество не в полной мере учитывается. Вместе с тем огромное количество молодежи гибнет от данного недуга.

По мнению около 60 % опрошенной молодежи, наркомания в регионе либо «не распространена», либо «распространена, но не более, чем в других регионах», о чем свидетельствует рисунок 2.

Данное социальное явление в молодежной среде имеет свои причины, обусловленные явно и не явно выраженными детерминантами, влияющими на природу его возникновения, протекания и прекращения существования. Определив

Рис. 2. Уровень субъективной оценки распространенности наркомании в регионе, 2017–2019 гг.

в полной мере эти факторы, возможно влиять на динамику и статику наблюдаемых явлений. По мнению молодежи, среди основных причин распространенности наркомании в регионе — моральная деградация общества, вседозволенность, неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, излишняя свобода, отсутствие организованного досуга, влияние наркобизнеса, доступность наркотиков, безработица, экономические проблемы. Данные наблюдения отражены в таблице 3.

Обратим внимание на тот факт, что в указанный период обе возрастные группы отметили негативную значимость таких факторов, как моральная деградация общества и вседозволенность, неудовлетворенность жизнью и социальное неблагополучие, влияние наркобизнеса, доступность наркотиков, что в целом соответствует склонности к критическим оценкам окружающей действительности и более агрегированной предрасположенности к протестному поведению, склонности к вседозволенности. Необходимо признать, что каждый из наблюдаемых факторов не существует сам по себе, он дополняет другие, аккумулирует отрицательные последствия каждого в отдельности. Излишняя свобода в действиях нередко является следствием моральной деградации, а безработица напрямую влияет на феномен социального неблагополучия.

В середине шкалы рейтинга наиболее значимых факторов наркотизации населения находятся два фактора, также взаимосвязанные между собой и способные аккумулировать отрицательные последствия наркомании. К ним относятся, во-первых, «излишняя свобода, отсутствие организованного досуга», во-вторых, «влияние наркобизнеса, доступность наркотиков». Однако эти факторы проявляются в различных сферах общественных отношений. Излишняя свобода и отсутствие организованного досуга наблюдаются в сфере спроса, а влияние наркобизнеса и доступность наркотиков — в сфере предложения. Противодействие спросу на наркотики — одна из задач правоохранительных органов, и следует признать,

Таблица 3

Основные причины распространения наркомании, %

Основные измеряемые индикаторы	Год наблюдения					
	2017		2018		2019	
	14–17	18–29	14–17	18–29	14–17	18–29
Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие	19,9	19,5	21,0	22,8	21,0	18,5
Моральная деградация общества, вседозволенность	23,1	22,4	20,7	18,7	20,1	18,2
Плохая работа правоохранительных органов	6,8	6,1	7,5	7,6	8,4	6,6
Излишняя свобода, отсутствие организованного досуга	11,6	13,7	10,1	11,9	10,3	15,5
Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков	18,4	16,0	19,3	15,2	19,2	13,9
Безработица, экономические проблемы	10,5	11,8	10,6	13,6	9,1	12,4
Влияние массовой культуры и СМИ	4,6	7,0	5,7	6,8	7,7	9,8
Слабость профилактической работы	4,3	2,5	3,7	2,4	3,5	4,4
Другое	0,9	1,0	1,4	1,1	0,7	0,7
Итого	100	100	100	100	100	100

что в данном направлении проводится значительная работа. По мнению лишь 6–8,5 % респондентов из числа молодежи, существенный фактор наркотизации общества — «плохая работа правоохранительных органов». Различным субъектам антинаркотической деятельности необходимо научиться работать на опережение. Изобретательность наркоторговцев поражает размахом, следовательно, требуется совершенствовать формы и методы опережающей работы правоохранительных органов в этом направлении.

Более сложная сфера общественных отношений — сфера спроса. Существенное влияние на формирование спроса на наркотики среди молодежи оказывают неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие; моральная деградация общества, вседозволенность; влияние массовой культуры и СМИ; слабость профилактической работы. На наш взгляд, важно рассмотреть и такой фактор, как «отсутствие организованного досуга» для молодежи. Значимость данного фактора заключается в том, что он, кроме воспитательной составляющей, вбирает в себя и деятельную, связанную с формированием культуры здорового образа жизни на практике. В организации здорового образа жизни сегодня нуждаются все, но особенно молодежь — наиболее активная часть населения. Именно среди молодежи чаще всего отмечаются факты первого знакомства с действием наркотических средств, что и отражено на рисунке 3.

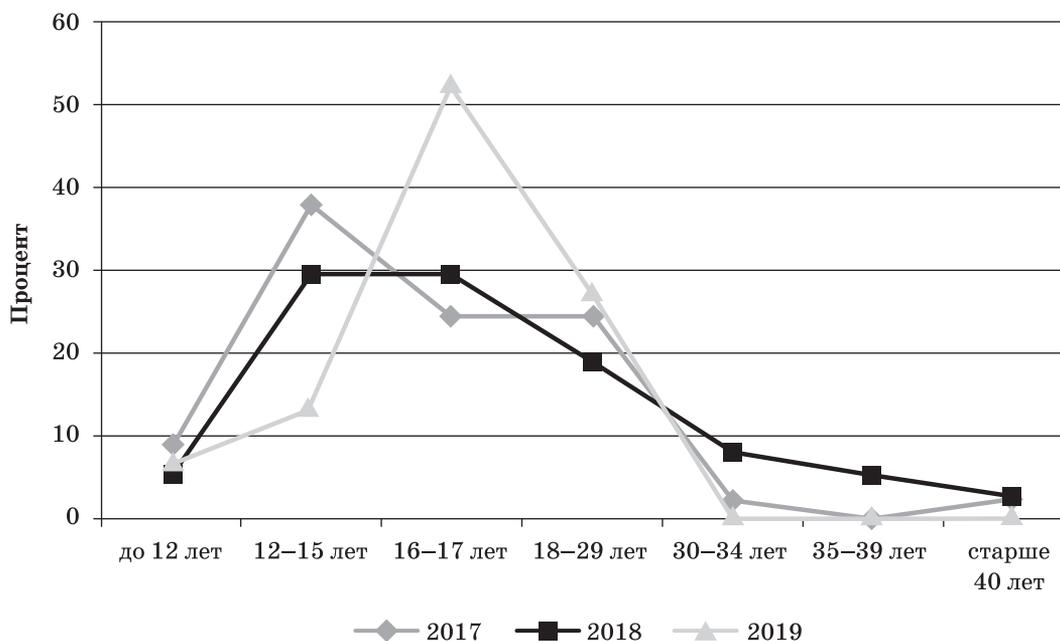

Рис. 3. Первый опыт употребления наркотиков, 2017–2019 гг.

Важно отметить, что наши наблюдения относительно первой пробы наркотиков во многом коррелируют с наблюдениями других исследователей, изучающих ранее проблему немедицинского употребления наркотиков в молодежной среде [6; 7; 8]. В целом оценка фактора возможности интересно проводить досуг, судя по ответам молодежи, показана в таблице 4. По мнению большинства опрошенных, они имеют существенные сложности проводить досуг интересно. Этой точки зрения в наблюдаемый период придерживаются 63–66,5 % респондентов.

Таблица 4

Возможность проводить интересно свободное время, %

Возможность проводить интересно досуг	Год наблюдения		
	2017	2018	2019
Да, скорее да	34,6	33,5	37,0
Нет, скорее нет	65,4	66,5	63,0
Итого	100	100	100

Полезному времяпрепровождению могут способствовать появление новых бассейнов, спортивных залов и площадок, их доступность для молодежи, гибкая система скидок для населения с учетом возраста и социального положения семьи, расширение сети кинотеатров и торгово-развлекательных учреждений с льготными билетами, парков, скверов, продолжение благоустройства естественных лесопарковых территорий, наполнение их прогулочными, развлекательными и познавательными площадками. Потребность в дополнительных объектах развлекательно-досуговой сферы отражена в таблице 5.

Таблица 5

**Потребность молодого населения региона в различных культурно-массовых
и спортивных объектах, %**

Что дополнительно Вам нужно для того, чтобы интересно проводить свободное время?	Год наблюдения		
	2017	2018	2019
Новый спортивный клуб	15,8	13,6	13,8
Больше кинотеатров	15,3	12,1	12,5
Новые парки, зеленые территории	21,9	22,7	18,4
Бассейн	14,1	18,7	21,0
Новый интернет-клуб	3,7	2,5	2,4
Новые ночные клубы, бары	3,5	4,3	3,6
Новые кафе, рестораны	6,5	7,4	8,3
Торгово-развлекательные комплексы	14,3	13,8	12,3
Ничего дополнительно не нужно, все есть	3,1	3,5	5,5
Другое	1,9	1,4	2,1
Итого	100	100	100

Проведенный анализ выраженности потребности молодого населения региона в новых культурно-досуговых объектах позволяет утверждать, что острота большинства выделенных потребностей в наблюдаемый период в основном стабильна, при некоторой динамике в пределах естественной погрешности эмпирических исследований. Однако относительно большинства объектов культурно-досуговой сферы наметилась незначительная тенденция снижения напряженности. В этом свою роль сыграло появление придомовых территорий с детскими игровыми площадками, а также увеличение числа досуговых спортивных объектов шаговой доступности. Родителям следует также помнить о необходимости проведения совместного досуга с детьми, чтобы они чувствовали себя важными и нужными.

Досуг может носить активный и пассивный характер. Рассматривая потребности в новых объектах культурно-досуговой сферы, можно утверждать, что в большей степени существует потребность в тех объектах, где реализуется активный досуг. Вместе с тем ситуация, в которой существует человек, влияет на то, что часть его досуга расходуется на пассивный отдых, ведущий к актуализации в поведении человека различных явлений антикультуры. Сегодня общество предпринимает попытки вытеснения из сферы досуга пассивной его части, заменяя его объектами культурно-досугового предназначения, или стремится к ее оптимизации, так как человеку иногда необходимо просто отдохнуть, побыть одному [9].

Очевидным остается тот факт, что неорганизованный и псевдоактивный досуг, где человек является ведомым в своих действиях, а не ведущим, где мероприятия выбираются по складывающимся обстоятельствам, несет в себе большие негативные потенциалы. Исследования прошлых лет [9; 10; 11] показывают, что социальное окружение в период совместного неорганизованного времяпрепровождения способствует получению первого опыта употребления различных психоактивных веществ. В большей мере приобщение молодых

людей к наркотикам проходит при активном посредничестве знакомых и друзей. И при их же участии в большинстве случаев происходит кооптация новых наркоманов. Наибольшая опасность исходит не столько от друзей, сколько от новых знакомых, в особенности тех, которые занимают место прежних друзей в общении. Роль социального окружения в наркотизации социальной молодежной среды показана в таблице 6.

Таблица 6

Субъекты, предложившие первую пробу наркотиков, %

Кто впервые предложил Вам попробовать наркотик?	Год наблюдения					
	2017		2018		2019	
	14–17	18–29	14–17	18–29	14–17	18–29
Коллеги по учебе/работе	8,3	10,0	0,0	0,0	0,0	4,3
Друзья, с которыми я встречаюсь после учебы/работы	41,7	10,0	25,0	100,0	0,0	4,3
Кто-то из членов семьи	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Кто-то из знакомых	16,7	80,0	25,0	0,0	0,0	65,2
Сам (а) решил (а) попробовать	25,0	0,0	25,0	0,0	0,0	8,7
Кто-то другой	8,3	0,0	25,0	0,0	100,0	17,4
Итого	100	100	100	100	100	100

Результаты исследования свидетельствуют о том, что опыт первичной пробы наркотиков получен в большинстве случаев от знакомых им людей (в 2017 г. — 16,7 % и 80 %, в 2018 г. — 25 % и 0 %, в 2019 г. — 0 % и 65,2 %) и друзей (в 2017 г. — 41,7 % и 10 %, в 2018 г. — 25 % и 100 %, в 2019 г. — 0 % и 4,3 %), с которыми они встречались после работы или учебы.

Значим и тот факт, что данные наблюдения относятся только к части молодежи, которая когда-либо употребляла или употребляет наркотики. Это не означает, что следует прекратить общение с друзьями, знакомыми или отгородиться от них. Большинство молодых людей (в 2017 г. — 71,7 %, в 2018 г. — 69 %, в 2019 г. — 69 %) не общаются с людьми, употребляющими наркотики, но около 28,3 % в 2017 г., 31 % в 2018 г., 31 % в 2019 г. указали, что в их социальном окружении либо есть такие, либо они с ними общаются. От них, как правило, исходит в первую очередь опасность распространения наркотиков и приобщения новых потребителей, формирования спроса на наркотики в социальной молодежной среде.

Проведенный анализ показал, что местом первой пробы наркотиков у подростков и молодежи остаются улица, двор, подъезд, загородные поездки с мало-знакомыми людьми. Молодой человек становится частью стихийных групп, возникающих спонтанно и функционирующих без контроля педагогов и родителей. Зачастую мнение членов этих групп становится приоритетным в сравнении с мнением членов традиционных коллективов, таких как семья, образовательное учреждение. Наиболее вероятные места первой пробы у молодежи и динамика фактов пробы в этих местах отражены в таблице 7.

Таблица 7

Наиболее вероятные места первой пробы наркотиков среди молодежи, %

Где Вы впервые попробовали наркотик?	Год наблюдения					
	2017		2018		2019	
	14–17	18–29	14–17	18–29	14–17	18–29
На природе, за городом	30,8	10,0	0,0	0,0	0,0	14,3
Дома	7,7	10,0	12,5	0,0	0,0	4,8
На улице, во дворе, в подъезде	53,8	40,0	12,5	0,0	0,0	47,6
В клубах, на дискотеках	7,7	0,0	12,5	0,0	0,0	9,5
В гостях у друзей, знакомых	0,0	30,0	37,5	100,0	0,0	19,0
В учебном заведении	0,0	0,0	12,5	0,0	100,0	0,0
На работе	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
В общественном туалете	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
В других местах	0,0	10,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого	100	100	100	100	100	100

В 2019 г. все опрошенные молодые люди 14–17 лет (100 %) назвали местом первой пробы наркотика учебное заведение. С 2018 г. процент попробовавших наркотические средства в школе увеличился на 87,5 %. Это может косвенно свидетельствовать о снижении эффективности профилактической работы в образовательных организациях. Как известно, ввиду максимализма и поведенческих особенностей подростки наиболее подвержены всякого рода влияниям, в том числе негативным.

Наркотизации населения в регионе во многом способствует доступность наркотиков посредством появления на наркорынке новых разновидностей наркотических средств и психотропных веществ, в том числе и их синтетических аналогов, а также возможность их распространения посредством сети Интернет. На заданный вопрос «Как Вы думаете, трудно ли достать сегодня наркотики?» в 2019 г. более 52 % опрошенных молодых людей в обеих возрастных группах отдали предпочтение индикаторам «сравнительно легко» и «легко». Говоря о работе различных субъектов антинаркотической деятельности, с одной стороны, можно судить, что она проводится стабильно, с другой — без существенных нововведений в тактике и стратегии антинаркотической политики. Основные профилактические меры, необходимые для стабилизации наркоситуации в обществе, представлены в таблице 8.

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что молодежь 14–29 лет для эффективной профилактической работы на первое место выдвигает физкультурные и спортивные мероприятия.

Итак, в профилактике наркотизации общества необходимо сочетать все профилактические меры: «расширение работы с молодежью», «физкультурные и спортивные мероприятия», «ужесточение мер наказания за наркопреступления», «принудительное лечение наркоманов» и другие. При проведении профилактики следует учитывать особенности форм и методов работы; в ходе мероприятий

Таблица 8

**Наиболее эффективные меры антинаркотической профилактики
по мнению молодежи региона**

Оценка наиболее эффективных мероприятий антинаркотической профилактики	Год наблюдения					
	2017		2018		2019	
	14–17	18–29	14–17	18–29	14–17	18–29
Специальные концерты, фестивали	4,4	5,0	3,6	4,4	5,1	4,5
Физкультурные и спортивные мероприятия	16,0	13,6	12,9	13,8	13,8	14,5
Антинаркотическая реклама на телевидении, в прессе, на радио	4,6	4,6	4,2	4,0	4,9	5,3
Наружная реклама (баннеры, плакаты, открытки) о вреде наркотиков	4,2	4,8	4,3	3,0	4,5	4,5
Специальные буклеты и брошюры о вреде наркотиков	10,3	9,0	9,1	6,8	9,0	9,4
Тематические программы и фильмы на телевидении	11,5	13,5	11,7	13,1	13,3	13,7
Статьи в прессе	8,4	7,4	8,0	8,4	8,0	8,1
Публикации в интернете, специализированные сайты	10,3	10,3	11,2	9,8	9,7	8,5
Выступления в СМИ известных, авторитетных людей, медиков, сотрудников наркоконтроля	6,8	6,7	9,8	7,2	6,2	7,1
Лекции и беседы в учебных заведениях	12,2	14,1	13,2	16,1	13,3	14,0
Беседы специалистов-наркологов с родителями учащихся, студентов	10,8	10,3	11,0	12,1	10,9	9,7
Выступления бывших наркоманов	0,5	0,7	0,9	1,4	1,4	0,6
Итого	100	100	100	100	100	100

следует формировать осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков у молодежи, объяснять последствия такой зависимости и пути ее преодоления. К основным факторам, удерживающим молодых людей от употребления наркотиков, относятся осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков, ранняя смерть, опасность заболеть ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами В и С.

На основании проведенного анализа результатов исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации молодежной среды на территории Красно-

ярского края необходимо перечислить следующие факторы, оказывающие существенное влияние на состояние и динамику наркотизации молодежи.

Во-первых, социальные проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди по окончании школы и высшего учебного заведения. Речь идет о сложностях с трудоустройством и имеющихся существенных проблемах по их разрешению.

Во-вторых, низкое качество антинаркотических индивидуальных и массовых профилактических мероприятий, фрагментарность и бессистемность первичной профилактики.

В-третьих, неэффективность организации досуга молодежи, непопулярность многих форм организованного досуга, а также отсутствие навыков, умений и желания организовывать личный здоровый досуг.

В-четвертых, криминализация наркосреды, появление на наркорынке новых видов наркотических средств и психотропных веществ, имеющих повышенную опасность для подростков, изыскание и внедрение наркораспространителями новых, в том числе бесконтактных способов передачи наркотиков наркопотребителям.

В-пятых, появление сформировавшихся асоциальных установок в сознании молодых людей, рассматриваемых ими в качестве более простых для реализации в поведении — употребление за компанию, стремление получить удовольствие, отказ от непонимания вредности наркотиков для организма. Часто причинами начала употребления наркотиков являются неумение отказаться, желание быстрее стать взрослым, способным самостоятельно принимать решения.

В-шестых, неумение дружить и выбирать друзей, отсутствие навыков и опыта распознавания в навязываемом новыми случайными знакомыми общении опасности вовлечения в сферу проявления наркотической субкультуры.

Для минимизации данных факторов различным субъектам антинаркотической деятельности и субъектам реализации государственной молодежной политики целесообразно проводить работу, направленную на внедрение эффективных мер профилактики, популяризировать здоровый образ жизни в молодежной среде региона. Особое внимание важно уделить первичной профилактике, не допускать произвольной подмены ее скрытой рекламой наркотиков. Следует обратить внимание на внедрение в проводимые антинаркотические мероприятия и мероприятия здорового образа жизни креативных развивающих элементов, близких по духу и запросам современной молодежи с учетом их возрастных особенностей и потребностей.

Литература

1. *Латухина К.* Борьба со злом // Российская газета. 2020. 16 ноября.
2. *Шекк Е. А.* Региональный анализ состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России в 2018 г. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Н. Н. Цуканов. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. С. 116–120.
3. Доклад Международного комитета ООН по контролю над наркотиками за 2019 год [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций (ООН). Международный комитет по контролю над наркотиками. Вена, 2020. 172 с. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Russian_ebook_AR2019.pdf (дата обращения: 30.11.2020).
4. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр): утв. п. 1.3 протокола заседания Государственного антинаркотического комитета России от 15 фев-

- раля 2017 г. № 32 [Электронный ресурс] // Государственный антинаркотический комитет. 2017. 55 с. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site15/vzaimodestvie_so_vlastyu_i_msu_2017/Methodika_narkosituatsii.pdf (дата обращения: 30.11.2020).
5. Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации: постановление правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. № 485 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 26. Ст. 3808.
 6. Воронин М. Ю. Криминологическая политика защиты населения от наркотизации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 52 с.
 7. Шинкевич В. Е., Молоков В. В., Бен Е. Н. Включение социологических исследований в ежегодный мониторинг наркоситуации как средство оценки масштабов употребления наркотических средств в немедицинских целях: опыт Красноярского края // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 169–174.
 8. Комлев Ю. Ю. Тенденции наркотизации подростково-молодежной среды в Татарстане: монография. Казань, 2006. 63 с.
 9. Шинкевич В. Е., Коробицина Т. В. Оценка состояния, основных детерминант и профилактика наркопотребления в Красноярском крае // Социологические исследования. 2018. № 2 (406). С. 152–158.
 10. Невирко Д. Д., Шинкевич В. Е., Коробицина Т. В. Наркоситуация и основные направления профилактики наркомании в вузах Красноярского края // Социологические исследования. № 9. 2012. С. 109–113.
 11. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае: монография / В. Е. Шинкевич, Е. Н. Бен, Н. В. Маслодудова, С. А. Ступина, В. В. Молоков, Я. Н. Калиниченко. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. 180 с.

Контактные данные:

Калиниченко Я. Н.: 660131, Красноярск, Рокоссовского ул., д. 20; (391) 222-41-31; e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru.

Contact Details:

Kalinichenko Ya. N.: 20, Rokossovskiy Str., Krasnoyarsk, 660131, Russia; (391) 222-41-31; e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru.

Саенко В. Н.

Развитие социологических представлений о признаках манипуляции сознанием

Saenko V. N. Development of Sociological Concepts of Attributes of Consciousness Manipulation

В статье исследован процесс развития представлений социологов об определении и признаках манипулирования в рамках теории манипуляции сознанием. Установлено, что со второй половины XX в. изучение теории манипуляции сознанием является популярной и актуальной темой многих научных социологических исследований. Существует множество фундаментальных и прикладных трудов, посвященных данной теме, в которых манипуляция рассматривается с точек зрения социальной политологии, социальной психологии, социальной философии и социологии (ее разделов — социологии культуры, социологических процессов, социологии управления).

Ключевые слова: манипуляция, манипулирование, сознание, манипулятор, скрытое воздействие, признаки манипуляции.

The article studies the development of sociological opinions on the definition and signs of manipulation within the framework of the theory of manipulation of consciousness. The study of manipulation of consciousness has been a popular and relevant topic of many scientific sociological studies since the second half of the XX century. There are many fundamental and applied works on this topic, in which manipulation is studied from the points of view of social political science, social psychology, social philosophy and sociology particularly in its sections like sociology of culture, sociological processes, sociology of management.

Keywords: manipulation, consciousness, manipulator, hidden impact, signs of manipulation.

Исследования манипуляций, сознания и общественных движений охватывают разноплановую проблематику, относятся к психологии, социологии, политологии и требуют междисциплинарного изучения. Социологами ранее предприняты попытки изучить феномен манипуляции сознанием и представить научному сообществу свои представления о характерных признаках данного социального явления. В этой связи сегодня существует немало и методологически различающихся подходов, основанных на представлениях о манипуляции как системе, процессе, функции, структуре. Специфика описываемого явления, в частности возможность проявления манипуляций как в межличностных, так и межгрупповых отношениях, обуславливает необходимость изучения манипуляций на всех уровнях теоретической и эмпирической науки социологии.

Несмотря на множество работ, посвященных теме манипуляции сознанием, до сих пор отсутствует такое определение, которое бы совмещало в себе согласованность родовых признаков, определения и элементов манипуляции таким образом, чтобы можно было выделить манипуляцию сознанием как однозначно самостоятельную форму социального взаимодействия. Вследствие этого возника-

Саенко Виталий Николаевич — аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Саенко В. Н., 2020

ет необходимость анализа теоретического опыта ученых-социологов, на основании которого можно было бы агрегировать сильные стороны научных работ.

Манипуляции сознанием глубоко укоренились в современном обществе. На наш взгляд, они затрагивают не столько экономическую и политическую, сколько социокультурную сторону общественной жизни. На современном этапе социологическая наука и рассматриваемые ею проблемы — актуальный фактор развития общественных отношений.

Толкование определений манипуляции зависит от объекта манипуляции. Так, дефиниции понятия «манипуляция» варьируются от определения из толкового словаря Д. Н. Ушакова, представляя собой описание действий применительно к вещам («манипуляция, манипуляции, ж. (лат. *manipulatio*) (книжн.). 1. Движение руки (устар.). 2. Сложный прием, сложное действие над чем-н. Химик производил непонятные для непосвященных манипуляции. 3. Прodelка, махинация (неодобрит.)» [1]), до интересующего нас в контексте исследования определения манипуляции, приведенного в работе С. Кара-Мурзы [2, с. 16] со ссылкой на работу [3] Г. Франке. В последней дано следующее определение интересующего нас понятия: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама». С. Кара-Мурза описывает манипуляцию по ряду признаков:

- 1) носят характер психологического воздействия;
- 2) чтобы воздействие являлось манипуляцией, оно должно носить скрытый для объекта манипуляции характер;
- 3) манипуляция является продуктом интеллектуального процесса;
- 4) объект манипуляции рассматривается субъектом как вещь.

Следовательно, используя данные признаки, можно разделять действия на являющиеся манипуляциями и такие, которые к манипуляциям не относятся, представляя собой иные формы взаимодействия подобно прямой агрессии, обычной информационно-повествовательной интеракции, а также педагогического воздействия или других взаимодействий, которые по одному или более признакам могут соответствовать указанному выше определению манипуляции.

Если разбирать признаки манипуляции отдельно, то первый признак четко проводит границы между видами взаимодействий, определяя манипулятивные интеракции в разряд психологических форм взаимодействий. Любое психологическое взаимодействие требует материального воплощения объекта своего замысла, что, однако, не стирает разницу между физическими и психологическими воздействиями, где вторые описываются как «воздействие одного индивида на психику другого индивида (группы), которое в своей произвольной форме исходит из определенного мотива и преследует цель изменения или укрепления взглядов, мнений, отношений, установок и других психологических явлений» [4]. Итак, принципиальное значение имеет направленность воздействия на психику субъекта.

Второй признак разграничивает взаимодействия на основании того, известно ли объекту манипуляции об истинных намерениях субъекта. В частности, представляется возможным разграничить действия, где умысел так или иначе известен объекту, непосредственно транслируется объекту в целях повышения вероятности успеха интеракции (в то время как для манипуляции успешность повышается при искажении восприятия объектом истинных намерений) или остается неизвестным и/или не имеющим значения для субъекта.

Третий признак позволяет понимать, какие воздействия были результатом случайности, интуитивного обмана, а какие из них возникли в результате интеллектуальных процессов, будь то применение аналитических способностей, эру-

дированности, знания объекта манипуляции. Данный признак подчеркивает необходимость для манипулятора обладания определенным уровнем владения навыком манипуляций сознанием для достижения успешной манипуляции. Успешность, естественно, прямо зависит и от объекта манипуляций, его внушаемости, интеллектуального потенциала, умственных способностей, которые в совокупности формируют факторы манипуляции сознанием.

Четвертый признак, дополненный С. Кара-Мурзой в трактовке понятия манипуляции сознанием, определяет этическую и техническую сторону манипулятивного воздействия. С одной стороны, объект манипуляции сознанием, будто то отдельная личность, группа или общество, не воспринимается как личность, что может нарушать этические установки личности, группы и общества. С другой — в подобном подходе кроется технический аспект манипуляций, поскольку успешность манипуляции повышается именно при изначальном отношении и рассмотрении объекта манипуляции как вещи, наделенной характеристиками, статистическими показателями, реакциями на раздражители, которые при гуманном рассмотрении объектов были бы названы их положительными коннотациями подобно чувствам, эмоциям, личностным чертам.

Составляющие манипуляции рассматриваются и исследуются отдельно, что подчеркивает технологичность манипулятивного процесса. З. Н. Сергеева в своей монографии выделяет ряд элементов манипуляции: «При определении понятия “манипулирование”, как правило, учитываются следующие его составляющие:

- родовой признак манипулирования;
- субъект манипулирования;
- объект манипулирования;
- цель манипулирования;
- способы манипулирования» [5, с. 12].

З. Н. Сергеева подытоживает статью о социальной сущности манипуляции, перечисляя перечень обязательных признаков манипуляции: «Социальное манипулирование должно осуществляться скрыто от объекта, ненасильственным образом, целенаправленно, с использованием специфических инструментов и способов воздействия. При этом манипулятор должен обладать знаниями и ресурсами, превышающими знания и ресурсы объекта, или же убедить манипулируемого в этом» [6]. В данном определении социального манипулирования эклектично объединяются несколько подходов к определению манипуляции.

А. А. Ворошилова приводит свой список признаков, которые она выделила среди подходов к изучению определения манипуляции:

- 1) воздействие (психическое, психологическое), оказываемое манипулятором на манипулируемого;
- 2) отношение манипулятора к другому как средству достижения определенной цели;
- 3) стремление получить односторонний выигрыш;
- 4) скрытый характер воздействия (как факта, так и направленности);
- 5) игра на слабостях объекта;
- 6) мотивационное привнесение;
- 7) особое мастерство в осуществлении манипуляции [7].

А. А. Ворошилова рассматривает явление манипуляции сознанием и через функции, которые они выполняют в обществе, и относит манипуляции к коммуникативным функциям. Манипуляции как форма коммуникаций качественно отличается от иных своих форм по признакам неравенства участников социального взаимодействия, что выражается через постепенное превращение одного из участников в объект воздействия другого. Так, манипуляции как форма комму-

никации сравнима с коммуникациями, присутствующими в управленческих коммуникациях. Данное сходство обусловлено второй функцией, которую выполняют манипуляции — управление. Манипуляции выступают частью механизма социального контроля в обществе в связи с тем, что методы управления склонны нередко принимать форму манипуляций сознанием.

Третьей функцией А. А. Ворошилова называет историческую. Манипуляции, согласно ее взгляду, возникают в процессе развития общества и качественного изменения характера существующих в нем связей. Описывая историческую функцию манипуляций, А. А. Ворошилова делает вывод о том, что они *закономерны* для социальных отношений в обществе и являются естественными для него. Кроме того, автор соглашается с другими исследователями относительно вопросов психологического характера воздействия манипуляторов, закрытости воздействия на объект манипуляции и создания благоприятных условий для ведения манипулятивного воздействия. Приведем ее итоговое определение: «Манипуляция представляет собой скрытую форму воздействия на другое сознание, цель манипулятора отлична от первоначальных установок (намерений) ценностных ориентаций манипулируемого, при этом действия манипулятора не согласуются с фактами, т. е. с тем, что внешний наблюдатель манипуляционного акта считает истинным. В результате манипуляционного воздействия поведение манипулируемого не согласуется с его первоначальными установками и ценностными ориентациями» [7].

Манипуляция может быть представлена и как историческая категория, относящаяся к коммуникациям и управлению, которая деформирует данные процессы и возникает в обществе вследствие накопления изменений на определенном историческом этапе развития общества.

Первые определения термина «манипуляция» носят сугубо технический характер, описывающий физическое взаимодействие человека с физическими объектами. Характерной чертой современных определений является включение в список возможных объектов манипуляций ценностных ориентаций. Ценностные ориентации могут выступать в качестве одного из направлений манипулятивного воздействия ввиду их высокой ценности для людей в вопросе формирования мировоззрения, восприятия информации и становления характера личности. Об этом писал В. К. Потемкин: «Личностные ценности, потребности, отношения и конструкты являются для человека источниками и носителями значимых смыслов о понятии смысловых конструктов, характеризующих личность и задающимися присущими человеку потребностями и ценностями, причем один их полюс всегда “хороший”, желаемый и ценный, а второй — “плохой”» [8, с. 25]. Поведение человека зависит от диспозиционной и ситуационной мотивации, находится под влиянием внешних и внутренних детерминант.

М. А. Денисов и Н. В. Хорошева предлагают систематизацию определений понятия «манипуляция сознанием» через выделяемые ими ключевые признаки:

- 1) искусность воздействия;
- 2) выгодность для субъекта;
- 3) вредность для объекта;
- 4) скрытость воздействия;
- 5) искаженность информации;
- 6) умышленность воздействия.

Авторами предложено толкование, основанное только на двух последних признаках: «Манипулирование определяется как психологическое воздействие, в ходе которого осуществляется умышленное искажение информации» [9]. Указано на повышение интереса к манипуляциям по причине демократизации политики,

эгалитаризации культуры, повышение массовости информации и цифровизации коммуникаций.

Исследующий политическую разновидность манипуляций Е. А. Колесников перечисляет три основных отличительных признака. Скрытость воздействия, объект манипуляции — сознание, манипуляция преследует цель выгоды для субъекта: «Политическая манипуляция представляет собой специфический вид скрытого воздействия на политическое сознание и поведение индивидов, целью которого является формирование желательного для политических сил образа мышления и поведения для реализации собственных желаний и интересов» [10].

Признаки, которые использовали перечисленные авторы, характеризуются как видовые и атрибутирующие для определения манипуляции. Признак искусности воздействия представлен в определениях как использование опытности, мастерства, профессионализма, иных положительных коннотаций перечисленных качеств и противопоставляется топорности, непрофессионализму, ординарности и банальности в исполнении.

Исследуя этимологию слова «манипуляции», Е. Л. Доценко заявляет о необходимости отнесения искусности к числу видовых признаков манипуляции по той причине, что в этимологии слова «манипуляции» уже присутствуют видовые признаки: «В семантическом поле манипуляции признак искусности занимает весьма заметное место» [11, с. 58]. Дискуссионность искусности как видового признака возникает из-за искажения значения слов с течением времени за счет деформации дискурса, что создает семантический конфликт между единицей языка и объективным миром.

Еще одной препоной для отнесения искусности к видовым признакам служит ее зависимость от субъекта, который должен будет оценить степень искусности манипуляции. В таком случае возникает ситуация, когда даже условная объективность исследования и его результатов подвергается большому воздействию исследователя-реципиента, что может быть усугублено, в частности, при анализе манипуляций в СМИ, коммерческом и политическом манипулировании.

Противоположным взглядом на искусность является умозаключение С. Кара-Мурзы. Он отмечает [2, с. 17], что когда речь идет об общественных манипуляциях, где масштаб действий и опыт манипуляций высок, то манипуляция представляет собой сформированную технологию, которая включает в себя профессионалов, профессиональные знания и навыки, теоретические и эмпирические материалы. Таким образом, искусная манипуляция от неискусной будет отличаться за счет качества применения существующих возможностей. Если речь идет о манипуляции в широком смысле, то понимание искусности как характеристики, связанной с использованием выработанных технологий, вносит в исследование сумятицу, нарушает смысловые связи между субъектами исследования и его реципиентами, вычеркивает из числа манипуляций ряд межличностных, основанных на интуиции и импровизации примеров манипуляций.

Из вышеизложенного следует, что искусность не соответствует требованиям, выдвигаемым нашим исследованием об универсальности видовых признаков, которые отдельно выделяют манипулирование среди прочих явлений, не исключая часть из них ввиду чрезмерно субъективного характера данного признака. Следовательно, искусность применения манипуляции является опциональным, присутствующим рядом социальных и политических манипуляций, а не видовым признаком.

Признаки, упоминающиеся многими исследователями анализируемого нами понятия, в частности Т. М. Голубевой, Ю. А. Дидык, С. Г. Кара-Мурзой, Е. А. Колесниковым, А. В. Кузиным, Ю. В. Пую, отражают выгодность манипуляций для субъекта манипуляции, ущерб, приносимый в результате манипуляций объ-

екту манипуляции и осознанность действий манипулятора. Если объединить данные признаки в единое целое, то получим признак очевидного для субъекта манипуляции расхождения интересов субъекта и объекта манипулирования.

При подобном рассмотрении понятия манипуляции сознанием, когда ее определяет видовой признак расхождения интересов, возникает логический вывод о том, что при отсутствии конфликта интересов отсутствует и манипуляция, поскольку она лишена смысла и ее замещает иное явление. В трудах исследователей развитие мысли о конфликте интересов прослеживается у С. Г. Кара-Мурзы, обращающего внимание на всегда наносимый манипулируемому ущерб в случае успешной манипуляции. Социолог указывает на отрицательный этимологический окрас слова «манипуляция» и утверждает, что если результатом действий условного манипулятора является положительный для объекта результат, то факт манипуляции отсутствует и манипулятор не станет таковым ввиду наличия другого явления, которое может носить собственное название и место: «Какой же вид воздействия на наше поведение мы определим как манипуляцию? Ясно, что само это слово имеет отрицательную окраску. Им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы оказались в проигрыше, “а то и в дураках”. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: “Он мной манипулировал”. Нет, он дал вам дельный совет» [2, с. 15]. В данном примере рассмотрения границы «манипуляция — не манипуляция» не зависят целиком от воли и возможностей манипулятора. Манипуляцию и неманипуляцию разграничивает воля случая или субъективные ценностные ориентации исследователей о положительности или отрицательности воздействия манипулятора.

Отношение к вреду, который наносится манипулятором, как к видовому признаку разделяет всех исследователей манипуляции на разные группы в зависимости от их позиции по данному вопросу. А. А. Горбачев утверждает, что факт манипуляции возможен независимо от окраски результата для объекта: «...Манипуляция будет иметь место независимо от того, привела ли она к негативным последствиям для объекта манипулирования, поскольку факт скрытого управления никак не связан с моральными и этическими последствиями для объекта манипуляции» [12, с. 27].

Е. Л. Доценко о признаке конфликта интересов пишет, что ряд общественно полезных манипуляций осуществляется полностью или частично в интересах манипулируемых: «Признак “в интересах манипулятора”, как отмечалось, неточен, поскольку манипуляция может производиться и в интересах манипулируемого (по крайней мере отчасти). Например, чтобы кто-либо другой бросил курить, пить, порой употребляют самые изобретательные приемы, в том числе манипулятивные» [11, с. 52]. Однако и в этом случае наблюдается фактор субъективности суждения и ценностных ориентаций — при определении полезности для общества того или иного результата и признания за одним или другим явлением здоровья либо патологии.

Видимой альтернативой обязательности нанесения вреда объекту Е. Л. Доценко называет выгодность манипуляции для субъекта. Указание выигрыша манипулятора в качестве видового признака приводится ученым при помощи семантического анализа значения слова «выигрыш», которое одновременно является преодолением обстоятельств, добычей превосходства и заработком пользы. Е. Л. Доценко на примере возможных исходов манипуляции (win-win, win-lose, lose-lose) объясняет, что результативность для объекта опциональна, в то время как выигрыш манипулятора обязателен. Данный подход сомнителен, поскольку

вызван субъективностью, которой пронизана большая часть потенциальных видовых признаков. Польза, как и вред, — дискуссионные понятия, зависящие от воли и предпочтений исследователя. Поскольку факт принадлежности явления к манипуляциям возможен в таком варианте только при подтвержденном выигрыше для субъекта, то ставится затруднительная задача по определению представлений манипулятора о том, что считается для него положительным результатом.

Выгода субъекта и ущерб объекту — признаки, находящиеся в большой зависимости от сложно учитываемых субъективных факторов и оценочных суждений субъекта и объекта, исследователей. Признак же умышленности действий манипулятора подтверждается осязаемым наличием цели. Отношения между субъектом и объектом определяются за счет целесообразности и умышленности действий субъекта, а определенные тем самым отношения дифференцируются среди прочих как манипулятивные. В соответствии с вышеизложенным отнесение признака умышленности действий манипулятора к видовым целесообразно и не противоречит требованиям исследования.

Признак скрытости воздействия упоминается чаще всего, и неотнесение скрытости к обязательным характеристикам манипуляции следует квалифицировать, скорее, как исключение. Вопрос о том, является ли скрытость самым ключевым признаком для манипуляции, разделяет исследователей с учетом их позиции. Е. А. Колесниковым утверждается именно скрытость в качестве основного признака: «...Как можно понять, именно в скрытом характере оказываемого на объект влияния заключается смысл манипулятивного действия» [10, с. 5].

Е. Л. Доценко разделил признак скрытости на три сферы в зависимости от скрываемого объекта:

- повестки воздействия;
- факта воздействия;
- преследуемых целей.

Мнение исследователей разделяется в зависимости от того, сколько сфер должно быть, чтобы факт манипуляции подтверждался. Е. Л. Доценко, а также Н. С. Урсу и С. Г. Кара-Мурза стоят на позиции о том, что сокрыт должен быть факт воздействия и цели манипулятора. Все рассмотренные стороны скрытости воздействия считает обязательными Л. М. Месропян. Вместе с тем А. А. Данилова не считает обязательным сокрытие факта воздействия, а Е. А. Колесников, напротив, считает, что только сокрытие факта воздействия и определяет манипуляцию.

В настоящем исследовании ключевыми сторонами признаны сокрытие повестки и целей манипуляции, которые должны оставаться хотя бы частично скрытыми для отнесения действия к манипуляциям. Факт же воздействия может быть обнажен для объекта, если этого потребует манипулятивная тактика. Относительно открытия повестки и целей субъекта становится очевидным тот факт, что тактика может предполагать или, по крайней мере, не ограничивать возможность частичного открытия. Но они не могут быть в полном объеме переданы объекту, поскольку при таком ходе манипуляции либо объект перестает соответствовать своей роли, либо манипуляция перестает быть манипуляцией как таковой. Существует потенциальная возможность открытия полностью всей повестки и целей субъекта объекту, так как, во-первых, способ передачи данной информации объектом может быть сам по себе манипулятивным и двусмысленным, во-вторых, в данном взаимодействии важным фактором является способность восприятия объекта. Последний, может быть, и не способен адекватно и в полной мере оценить полученную информацию или самостоятельно в ходе ее анализа придет к ложным выводам. Возможность делиться с объектом частью информации

позволяют подходы, которые могут при этом использоваться — полностью искренняя информация способна служить целям манипуляции.

Важен для понимания тот факт, что скрытость в манипуляции не сводится лишь к сокрытию информации, недосказанности и попыткам уйти от внимания объекта. Скрытость манипуляции предполагает сокрытие истинности необходимой информации, составляющей структуру манипуляции сознанием. Истина для объекта скрывается посредством самых разнообразных способов, главный критерий которых ограничен одним требованием — успехом сокрытия истинности. О способах искажения истинности писали А. А. Данилова и Н. О. Королев в таких вариантах, как программирование мнений, введение в заблуждение [13, с. 23] и структурирование мира, доведение до самообмана [14, с. 27].

По итогам анализа скрытости как видового признака возникает вопрос о том, является ли искажение частным случаем скрытости или скрытость — частный случай искажения. В первом случае скрытость можно однозначно отнести к видовому признаку манипуляции, во втором — возникает риск сужения манипуляций до очень узконаправленных действий, находящихся внутри группы воздействий, объединенных по признаку искажения информации и восприятия. Если искажение является частным случаем скрытости, то такая расстановка позволяет органично вписать в качестве искажения способ сокрытия, как и скрытость в качестве неотъемлемого признака манипуляций. Однако в последнем случае возникают сложности практической доказательности для исследователей, поскольку доказать искажение информации путем проверки фактов — легко реализуемое действие, и это объективно, а выяснение истинных мотивов манипулятора и соотнесение их с его методами воздействия представляет собой по большей части теоретизирование и высказывание гипотетических сценариев, которые могут быть истинными или ложными.

Подводя итог краткому исследованию развития научных и философских взглядов на феномен манипуляции сознанием, трактовку исследуемого понятия и взгляды на характерные признаки, можно дать следующее определение, которое будет, полагаем, соответствовать современному пониманию данного социального явления и однозначно выделять его на фоне иных форм социального взаимодействия. Манипуляция сознанием — это социальный процесс целенаправленного прямого или косвенного воздействия на сознание одного или нескольких человек (общества, представленного группой лиц), носящий частично или полностью скрытый характер и заключающийся в достижении субъектом манипуляции своих целей. Манипуляция сознанием в обществе служит одной из форм социального управления, применяемой в самых разных масштабах, от межличностного взаимодействия до международных отношений. По уровню технической и организационной подготовки манипуляции могут различаться от осуществляемых интуитивно до реализуемых по подготовленным методическим материалам; манипуляции могут преследовать одну или несколько целей, противоречить или не противоречить целям и благополучию объекту манипуляции.

Структура манипуляции сознанием включает в себя:

- 1) объект манипуляции;
- 2) субъект манипуляции;
- 3) цель манипуляции;
- 4) методы манипуляции;
- 5) окружающую среду.

Объект манипуляции — сознание. В зависимости от направленности манипуляции сознание как объект может быть представлено сознанием отдельного человека, а в случае с массовыми манипуляциями под сознанием имеется в виду обще-

ственное сознание. Для социологических наук интерес представляет прежде всего феномен социального сознания, включенный в систему общественных отношений, отражающий субъективные представления людей о себе, обществе, мире и зависящий от внутренних и внешних условий, личных наклонностей и интересов, устоев и традиций, характерных для общества. Для манипуляций связанных с общественными движениями в качестве объекта манипуляции выступает социальное сознание отдельных или всех членов общественного движения, а также общественное сознание в части представлений отражающих восприятие общественных движений и сознание потенциальных новых членов общественных движений.

Субъект манипуляции может быть представлен одним лицом или группой лиц, которое в достаточной степени планомерно и осознанно ведет манипулятивную деятельность. Субъект может быть представлен практически любым членом или группой общества, поскольку определение манипуляции позволяет отнести к ней даже самые незначительные взаимодействия, что открывает возможность быть субъектом манипуляции и рядовому гражданину, и влиятельной политической организации. Субъектом манипуляции сознания в общественных движениях может быть лицо или группа лиц, целенаправленно осуществляющие такую манипуляцию, которая, согласно их соображениям, служит целям развития общественного движения или использует общественные движения как метод достижения своих целей, связанными, возможно, с общественными движениями или не связанными с ними.

Цель манипуляции — сознательные представления субъекта манипуляции об ожидаемых результатах его деятельности, целенаправленного процесса. Методы манипуляции — способ достижения целей субъекта, представленный совокупностью сознательных и бессознательных действий, направленных на достижение цели манипуляции. Окружающая среда — совокупность внешних и внутренних материальных, духовных условий и обстоятельств, доступных восприятию субъекта и способных оказывать влияние на объект манипуляции. Традиции, эмоциональный фон, физические условия, убеждения, происходящие события, социальные факты.

Родовыми признаками манипуляции сознания на основании данного нами определения являются социальный характер, скрытость, целенаправленность (умышленность), сознательное воздействие объектом на субъект (сознание). Социальный характер в качестве атрибутирующего признака транслирует принадлежность манипуляции сознанием к категории социальных воздействий и акцентирует внимание на отличии используемого определения манипуляции от его сугубо технических вариаций.

Признак скрытости, если возвратиться к ранее рассмотренным представлениям исследователей о феномене манипуляции сознанием и его родовых признаках, отражает суть разнонаправленной скрытости манипуляций, в которых от восприятия манипулируемым могут быть сокрыты цели, средства, намерения, отношение манипулятора к манипулируемому, факт наличия манипуляции как таковой. В целях соответствия манипуляции данному признаку необходимо сделать так, чтобы скрытой была часть всей структуры манипуляции. За счет сложности организации манипулирования субъект способен раскрывать по собственной воле отдельные аспекты своей деятельности, включая итоговую цель, если понадобится. Подобные действия не прервут и даже не нарушат процесса манипуляции, что создает большой потенциал для маневрирования своей деятельностью субъектом.

Целенаправленность (умышленность) манипулятивной деятельности как признак означает, что для манипуляции характерно наличие видения субъектом предполагаемых результатов своей деятельности и средств к ее достижению, что дает возможность отличать манипуляции от случайной деятельности, которая по нескольким критериям может совпадать с манипуляцией сознанием.

Признак сознательности, как и признак целенаправленности, отличает манипуляцию от иных форм социальных взаимодействий, в которых один из участников взаимодействия может оказывать воздействие на сознание других, формировать их мировоззрение, стимулировать деятельность или принятие решений. При этом влияние первого им не осознается и (или) не планировалось как таковое.

Вследствие анализа опыта теоретического изучения феномена манипуляции сознанием, подходов к определению данного явления, анализа исторических предпосылок проведения социальных исследований к выделению данной отдельной формы социального взаимодействия, подходов к определению родовых признаков явления нами предложено концептуально новое определение понятия «манипуляция сознанием». Названы элементы структуры манипуляции и ключевые родовые признаки, выделен принципиально новый элемент системы манипуляции, постоянно присутствующий в ходе манипулятивного процесса (окружающая среда), которые могут быть использованы в дальнейшем в ходе исследований социального явления манипуляции сознанием.

Литература

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Хит-книга, 2017. 959 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
3. Франке Г. Манипулируемый человек. М.: Политиздат, 1964. 362 с.
4. Ковалев Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 477 с.
5. Сергеева З. Н. Технологии социального манипулирования: монография. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуд. технического ун-та, 2017. 268 с.
6. Сергеева З. Н. К вопросу об экспликации содержания понятия «социальное манипулирование» // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 2. С. 107–115.
7. Ворошилова А. А. Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 6 (13). С. 296–300.
8. Потемкин В. К. Личностный фактор в территориальной организации производственной деятельности. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России, 2014. 222 с.
9. Денисов М. А., Хорошева Н. В. Проблема определения термина «манипулирование» в работах российских исследователей // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 94–101.
10. Колесников Е. А. Механизмы легитимации технологий политического манипулирования: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2011. 169 с.
11. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во Московского госуд. ун-та, 1997. 344 с.
12. Горбачев А. А. Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 204 с.
13. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; Книжный дом «Университет», 2011. 232 с.
14. Королев Н. О. Политическое манипулирование в процессе коммуникации власти и общества: дис. ... канд. полит. наук. Волгоград, 2012. 183 с.

Контактные данные:

Саенко В. Н.: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 794-57-56; e-mail: saenkomail@mail.ru.

Contact Details:

Saenko V. N.: 21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 794-57-56; e-mail: saenkomail@mail.ru.

Терехин А. С.

Влияние дистанционного формата обучения на мотивацию студентов бакалавриата

Terekhin A. S. Influence of Distance Learning Format on the Motivation of Undergraduate Students

В статье рассмотрены особенности влияния дистанционного формата обучения на мотивацию студентов бакалавриата при обучении по программам высшего образования. Проведен анализ научного дискурса по теме мотивации студентов, а также исследований о дистанционном образовании. Эмпирическое исследование автора направлено на выявление изменений в мотивации студентов и характерных особенностей указанных изменений. Установлено негативное влияние дистанционного образования на мотивацию студентов к обучению. Составлен прогноз дальнейшего развития дистанционного образования и его роли в развитии института высшего образования в целом.

Ключевые слова: дистанционное образование, высшее образование, мотивация, студенты, бакалавриат.

The article examines the features of the influence of the distance learning format on the motivation of undergraduate students to study in higher education programs. The analysis of scientific discourse on the topic of student motivation is carried out. The studies of distance education have been analyzed. An empirical study aimed at identifying changes in the motivation of students and the characteristic features of these changes has been carried out. The negative influence of distance education on the motivation of students to study has been revealed. A forecast of the further development of distance education and its role in the development of the institution of higher education in general has been made.

Keywords: distance learning, higher education, motivation, students, undergraduate studies.

Вызовы, связанные с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, поразившей большинство стран мира в 2020 г., в значительной степени актуализировали ряд социальных проблем, являющихся объектами изучения широкого спектра наук о человеке. Карантинные меры, введенные в Российской Федерации (РФ) для предотвращения распространения коронавирусной инфекции, послужили причиной изменения характера межличностных взаимодействий, возникающих в рамках разнообразных социальных ситуаций.

Ограничение непосредственных контактов между членами семей, работниками и работодателями, студентами и преподавателями также послужило катализатором развития дистанционных форм коммуникации. Указанные формы вносят специфику во взаимодействия индивидов и групп.

Ситуация вынужденного перехода широкого ряда предприятий и учебных заведений на дистанционный формат — перспективное поле для исследований в рамках социологической науки, в первую очередь с применением эмпирических методов. В связи с введением карантинных ограничений и повсеместным введением дистанционного формата образования система высшего образования пре-

Терехин Александр Сергеевич — аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Терехин А. С., 2020

терпевает значительные изменения. Несмотря на отсутствие крупномасштабных институциональных изменений в системе высшего образования, дистанционный формат проведения занятий в значительной степени сказывается на всех процессах, протекающих внутри университета.

Представляется возможным утверждать, что карантинные меры, предпринимаемые в связи с пандемией, ускорили процесс информатизации образования, тенденция к которому наблюдается в России с начала 2000-х гг. Дискуссия о характере протекания этого процесса в России, его характерных особенностях и возможных последствиях продолжается в социологической, педагогической, психологической и других науках в течение всего указанного периода.

Так, согласно определению, данному этому процессу в Концепции информатизации сферы образования Российской Федерации 1998 г., «информатизация образования понимается как процесс, направленный на реализацию замысла повышения качества содержания образования, проведение исследований и разработок, внедрение, сопровождение и развитие, замену традиционных информационных технологий на более эффективные во всех видах деятельности в национальной системе образования России» [1, с. 30–32]. Уже в 2010 г. исследователь З. Д. Девтерова называет информатизацию образования условием становления эффективной системы дистанционного образования в России. Исследователь отмечает ряд позитивных черт дистанционного образования. Среди них — возможность получать образование, находясь в любой точке мира, возможность внедрения технологий, делающих процесс обучения более увлекательным для студента [2, с. 38]. Подобная позиция прослеживается также в исследованиях К. С. Савранской, Л. И. Краснопахтовой, Я. О. Беловол и других [3, с. 191]. Полагаем, что с течением времени указанные понятия приобретают в социально-педагогическом научном дискурсе неразрывную связь.

Ряд авторов выявляют отрицательные черты дистанционного образования как части процесса информатизации. В числе этих минусов — отсутствие личного контакта между преподавателем и студентами, отсутствие разграничения у студента между рабочим и свободным временем, а также отсутствие университета как особой среды, позволяющей организовать обучение студента [4, с. 46]. Особый интерес в контексте данного дискурса представляет тезис о том, что дистанционное образование является следующим этапом развития указанного института как такового, и в ближайшие десятилетия аудиторное образование может быть полностью заменено образованием с использованием дистанционного обучения и электронных образовательных технологий [5, с. 85]. Представляется, что такая позиция не имеет под собой достаточных оснований, что доказано в рамках нашего эмпирического исследования.

Проблемы дистанционного образования поднимаются и в контексте формирования сферы мотивации студента. Так, П. А. Преображенский и О. Н. Чопоров оценивают мотивацию студентов как многогранный процесс, одну из центральных ролей в котором играет непосредственное взаимодействие студентов друг с другом в процессе обучения; таким образом, на первый план выходит университет как физическая среда, обеспечивающая это взаимодействие [6, с. 111]. Н. В. Щиголева подчеркивает значение университетской среды как фактора социализации студенческой молодежи, причем социализация и общение студентов друг с другом называются одним из основных факторов их мотивации к обучению [7, с. 489].

Тем не менее вопрос влияния вынужденного перехода университетов на дистанционный формат на мотивацию студентов к обучению оказался в целом обойден вниманием научного сообщества. Сложившаяся в 2020 г. эпидемическая обстановка, обусловившая эти изменения, может быть воспринята как ситуация,

позволяющая отследить все особенности полностью дистанционного режима образования, сделать выводы о его эффективности и влиянии на мотивационную сферу психики студента.

Гипотеза исследования заключается в том, что дистанционное образование в рамках высшей школы не способно заменить аудиторный, очный формат, поскольку университетское образование представляет собой не только передачу знаний и опыта от преподавателей к студентам, но и сферу взаимодействия и социализации студентов. Указанные процессы дополняют друг друга, обеспечивая студенту адекватный уровень мотивации к обучению и, как следствие, являясь основой для его дальнейшей успешной профессионализации. Следовательно, согласно данной гипотезе, полностью дистанционный режим негативно сказывается на мотивации студентов к обучению в университете.

В качестве метода исследования нами выбран анкетный опрос. Тип выборки — случайная. Выборка составила 252 обучающихся первого и второго курсов бакалавриата крупных университетов Санкт-Петербурга — Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургского горного университета.

Итак, за счет привлечения студентов разнопрофильных университетов удалось добиться репрезентативности выборки. Студенты младших курсов выбраны в качестве объекта эмпирической части исследования по причине свойственной им живой заинтересованности в вопросах учебы, поскольку студенты старших курсов, как правило, в большей степени заняты вопросами трудоустройства. Этот тезис подтверждает, в частности, исследование Е. В. Желниной и М. А. Попчихиной, составивших социальный портрет современного работающего студента и сделавших выбор о третьем и четвертом курсах бакалавриата как о периоде обучения, в котором интересы студентов смещаются в сторону поиска путей самореализации в профессиональной сфере [8, с. 62–64].

Опрошенные отнеслись к заполнению анкеты с большим энтузиазмом. Соответственно, тема исследования для студентов особенно актуальна и вызывает у большинства из них эмоциональный отклик, что подтверждается подробными и развернутыми ответами на открытые вопросы анкеты. Отдельными респондентами предприняты попытки самостоятельно проанализировать состояние своей мотивации к обучению и предложить варианты улучшения ситуации. 56,4 % респондентов составили девушки, 44,6 % — юноши. Возраст большинства опрошенных (76 %) — 18–19 лет. Остальные 24 % — респонденты в возрасте 16, 20, 21 и 22 лет.

Первый вопрос «С какой целью (в первую очередь) Вы обучаетесь в университете?» добавлен в анкету с целью выявления осознанного взгляда студентов на причину, по которой они имеют указанный статус. Респондентам предоставлен выбор из шести вариантов, а также возможность вписать собственный вариант — графа «другое». Ответы в основном распределились между двумя вариантами: 46 % опрошенных видит в качестве главной мотивации получение полезных в работе и в дальнейшей жизни навыков, 42,5 % называют получение диплома, необходимого при трудоустройстве, главной причиной их поступления в университет. Остальные 11,5 % респондентов называют главной мотивацию формирования круга знакомых (4,4 %), 1,6 % — настоящие родители, 1,2 % сформулировали мотивацию словосочетанием «так принято». Остальные ответы близки к

указанным выше вариантам либо демонстрируют затруднение респондента выявить главную мотивацию нахождения в статусе студента.

Ответы на следующий вопрос — «Считаете ли Вы, что обучения в дистанционной форме хватает для Ваших целей?» — распределились иначе. 63,9 % ответили отрицательно, 32,1 % — положительно. Остальные 4 % респондентов, как правило, в эмоциональной форме выразили недовольство дистанционным форматом. Не удалось выявить корреляции между целью пребывания респондента в статусе студента и его удовлетворенностью сложившейся ситуацией. Так, многие респонденты, указавшие в качестве главной причины обучения в университете необходимость получения диплома, отметили, что дистанционной формы не хватает для удовлетворения их потребностей.

Следующий вопрос анкеты — «Что, по-вашему, является главным плюсом дистанционной формы обучения?» — носил открытый характер. В качестве положительных черт абсолютное большинство опрошенных (94 %) называет экономию времени, связанную с отсутствием необходимости тратить время на дорогу. К этой же категории ответов относится утверждение об увеличении качества и количества ночного сна. Остальные 6 % опрошенных не видят плюсов в дистанционном обучении.

Аналогичный вопрос о минусах дистанционной формы обучения продемонстрировал более широкое разнообразие ответов. Формулировки, в которых студенты подвергают критике данную форму обучения, в основном касаются именно отсутствия мотивации к обучению. В качестве причин падения мотивации и, как следствие, качества образования, студенты называют сложности с концентрацией, невозможность поддерживать самодисциплину, находясь дома, отсутствие прямых контактов с одногруппниками, ощущение изоляции и нарушенного контакта с педагогами. Около 20 % опрошенных жалуется на падение качества преподаваемого материала и технические неполадки, связанные с системами дистанционного обучения в их университетах. Ряд студентов сетуют на появившиеся в период дистанционного обучения проблемы со здоровьем, в частности со зрением. Некоторые в своих ответах указывают на «обезличенность» студентов и преподавателей в процессе прохождения занятий.

Следующий вопрос, представленный в виде шкалы, затрагивает тему оценки качества образования. Респондентам было предложено оценить, насколько страдает качество образования в дистанционном формате, выставив указанному параметру балл: 1 — «совсем не страдает», 4 — «сильно страдает». 7,1 % опрошенных поставили 1 балл, 27,8 % — 2 балла, 34,9 % — 3 балла, а 30,2 % опрошенных оценили снижение качества образования по максимальному баллу — 4.

Одним из ключевых является вопрос «Как обучение в дистанционной форме влияет на Вашу мотивацию, желание учиться?». 58,7 % респондентов оценивают влияние дистанционного формата на свою мотивацию однозначно негативно, 19,4 % — положительно. Остальные 21,9 % опрошенных полагают, что сложившаяся ситуация не повлияла на сферу их мотивации.

Наконец, в финальном открытом вопросе анкеты респондентам, посчитавшим, что в их мотивации произошли некоторые изменения, предложено высказать причины таких изменений. Респонденты, отрицательно оценившие характер влияния дистанционного режима на свою мотивацию, в качестве причин называют в основном трудности с концентрацией и самодисциплиной, возникающие при таком формате. В целом ответы студентов на данный вопрос дублируют их ответы на вопрос о минусах дистанционной формы обучения. Студенты, положительно оценившие влияние дистанционного формата на мотивацию, называют в качестве причин такого изменения комфортные условия обучения в домашней атмосфере.

Из полученных данных представляется возможным сделать ряд выводов. Так, тезис о дистанционном формате обучения как об основе «университета будущего», приведенный в первой части исследования, на фоне полученных данных выглядит несостоятельным. Несмотря на то, что ряд технических вопросов, с которыми связано падение мотивации студентов к обучению, относятся к категории решаемых, проблема негативных изменений в мотивационной сфере обучающихся находится глубже, фактически в основе самой концепции дистанционного формата образования. Это — проблема отсутствия университета как среды, мотивирующей студентов к полноценному исполнению социальной роли студента. Итак, сложившаяся ситуация доказывает позицию И. Гоффмана, одного из классиков социологической науки, о влиянии «сцены» — то есть социальной среды — на характер поведения индивида [9, с. 16, 110, 284].

В условиях пандемии приоритетным является сбережение здоровья преподавателей и студентов. Таким образом, в сложившейся ситуации дистанционный формат обучения — единственный возможный вариант минимизировать риски распространения коронавирусной инфекции. Тем не менее, представляется, что в будущем данный формат будет носить в большей степени вспомогательный характер. Университетская среда, прямой контакт с преподавателями и другими студентами, режим посещения и дисциплина — это ключевые компоненты мотивации студента, обеспечивающие эффективность получения высшего образования и дальнейшей профессионализации.

Литература

1. Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации. М.: ГНИИСИ, 1998. 322 с.
2. Девтерова З. Р. Информатизация образования как условие становления дистанционного обучения // Гуманизация образования. 2010. № 2. С. 36–42.
3. Саевранская К. С., Краснопахтова Л. И. Технологии дистанционного образования // Вопросы науки и образования. 2018. № 3. С. 190–195.
4. Белюченко О. П., Ждамирова И. В., Котова Е. И. Дистанционное образование: «За» и «Против» // Academy. 2020. № 5. С. 44–48.
5. Валгуцкова Д. А. Перспективы дистанционного образования в России // Профессиональная ориентация. 2019. № 1. С. 83–85.
6. Преображенский А. П., Чопоров О. Н. Особенности мотивации студентов // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. Т. 10. № 10. С. 109–113.
7. Щиголева Н. В. Социализация и адаптация студентов в культурно-образовательном пространстве высшей школы // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 7. С. 487–490.
8. Желнина Е. В., Панчихина М. А. Социальный портрет современного работающего студента: социологический анализ // Научный вектор Балкан. 2019. Т. 3. № 3. С. 59–66. DOI: 10.34671/SCH.SVB.2019.0303.0015
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.

Контактные данные:

Терехин А. С.: 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30/32; (812) 310-19-04; e-mail: alex_terekhin07@mail.ru.

Contact Details:

Terekhin A. S.: 30/32, Emb. Kanala Griboyedova, St. Petersburg, 191023, Russia; (812) 310-19-04; e-mail: alex_terekhin07@mail.ru.

Бородин В. В., Букаев Н. М., Чепрасов М. Г.

Профилактика правонарушений несовершеннолетних в результате воздействия информационных ресурсов

Borodin V. V., Bukaev N. M., Cheprasov M. G. Prevention of Juvenile Delinquency as a Result of Influence of Information Resources

Статья посвящена изучению влияния информационных ресурсов на такую категорию граждан, как несовершеннолетние. Авторы обращаются к научным трудам зарубежных ученых по данной тематике и отечественных специалистов. Проведен анализ по критериям совершенных административных правонарушений несовершеннолетними, а также по критерию воздействия информационных технологий на совершение правонарушения несовершеннолетними. Выявлены некоторые аспекты сети Интернет, отрицательно влияющие на несовершеннолетних.

Ключевые слова: административные правонарушения, воздействие сети Интернет, защита несовершеннолетних, информационные ресурсы, новые технологии, причинение вреда несовершеннолетним.

The article is devoted to the study of the influence of information resources on such a category of citizens as minors. The work uses scientific works of foreign scientists on this topic and domestic specialists. An analysis was conducted on the criteria of administrative offenses committed by minors, as well as on the criteria of the impact of information technologies on the Commission of an offense by minors. Some aspects of the Internet that negatively affect minors have been identified.

Keywords: administrative offences, impact of the Internet, protection of minors, information resources, new technologies, harming minors.

В современном мире информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни для каждого человека. Интернет — деталь жизнедеятельности населения в целом. Сеть — это реализатор в большинстве случаев всех нужд человека, и в этом можно убедиться на пирамиде потребностей

Бородин Виктор Васильевич — профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Букаев Николай Михайлович — профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН.

Чепрасов Михаил Геннадьевич — доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук.

© Бородин В. В., Букаев Н. М., Чепрасов М. Г., 2020

по А. Маслоу [1, с. 284]. Все чаще удовлетворить физические потребности в пище можно при помощи заказа определенных наборов блюд из различных точек предоставления питания. Безопасность тоже осуществима путем применения программы «Умный дом», которая может защитить от проникновения злоумышленников и самостоятельно вызывать сотрудников полиции.

Наиболее яркое свое назначение интернет получил в социальном аспекте, помогая каждый день коммуницировать с огромным количеством людей для делегирования определенных полномочий в работе, используя деловые сети (*LinkedIn*) для общения с близкими людьми, находящимися в отъезде, путешествии, в разных жизненных ситуациях. Более того, сеть способна помочь найти для человека спутника жизни, чтобы реализовать его потребность в полезности, значимости, философском понятии «любовь». Четвертую ступень, отвечающую признаку признания, стремления к престижу, можно найти в отражении создания социальной страницы, которая полностью описывает все заслуги данного индивида. Например, все чаще мы видим такие описания человека: «Тренер своего собственного духа и тела», «Путешественник, исколесивший весь мир», «Помощь для тебя — консультации врача онлайн». Вышеизложенное способствует успешной реализации потенциала личности, дает возможность приобретения уверенности в себе и дальнейшего развития.

Последней ступенью становится потребность в самореализации. В частности, личность с использованием телекоммуникационной сети может ежедневно писать мотивирующие письма, послы целевой аудитории, успешно созданной на предыдущих уровнях. Это прослеживается в написании различных очерков об истории своей жизни. Впоследствии такой индивид ищет развитие в других сферах, например, при переходе из творчества в политику, что сегодня часто наблюдается. Все пять ступеней нашли свою полную фиксацию в информационных ресурсах. Следовательно, без интернета человек теряет координацию и ориентиры, что негативно сказывается на его психике и развитии.

Общество, обычно характеризующееся иерархической структурой государственных и общественных институтов и имеющее иерархическую систему действующих правовых норм, быстрыми темпами преобразуется в «сетевое общество», в котором основополагающие социальные структуры и мероприятия построены вокруг электронных информационных сетей.

Поводом для беспокойства становится тот факт, что развитие коммуникации у современных детей с использованием сети Интернет происходит все интенсивнее с каждым годом. Это объясняется тем, что дети быстро усваивают новые технологии и окружающую информацию ввиду того, что они рождены в такой век и автоматически становятся пользователями с раннего возраста. Они с легкостью осваивают основы взаимодействия с техническими средствами, приобретают определенный навык в применении информационных сервисов, не всегда понимая свойственных для информационной сети угроз, опасностей.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под информационной безопасностью детей понимается состояние защищенности детей, характеризующееся отсутствием риска, связанного с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Информационная продукция для несовершеннолетних — это продукция, которая соответствует тематике, содержанию и художественному оформлению физическому, психическому, духовному и нравственному развитию детей [2].

Для существующего поколения несовершеннолетних жизнь невозможно представить без всемирной сети. Ежедневно дети обращаются к своим техническим

устройствам в процессе игры со сверстниками. Обычные игры во дворе или на детской площадке не представляют для них большого интереса. Для общения, чтобы узнать домашнее задание, ребенку не составит труда нажать пару клавиш и сообщение будет отправлено. Из этого следует, что ребенок не может осуществить коммуникацию вживую, как было у предшествующего поколения.

Можно выделить четыре основные черты интернет-ресурсов, пользующиеся широким спросом среди современных детей:

- 1) доступное средство общения для каждого;
- 2) разносортная информация с развлекательным характером, которая преподносится в юмористической форме с целью привлечения все большего внимания;
- 3) простота изложенной информации не требует особых усилий в ее понимании, что говорит о направленности на массовую аудиторию, в которой возрастной диапазон варьируется от детей дошкольного возраста до несовершеннолетних более старшего возраста;
- 4) широким спросом пользуются игровые контенты, которые становятся средством времяпрепровождения подростка; такие сайты одновременно могут способствовать росту агрессивности подростка.

Сеть Интернет по своей сути может нести негативные источники воздействия на неокрепшую психику несовершеннолетних, что приводит к различным противоправным отклонениям в поведении и взаимодействии с окружающими его людьми. В итоге совершаются различные противоправные деяния, регулируемые Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, иногда преступления, которые несут для несовершеннолетнего более тяжкие последствия. Все чаще наблюдаются у подростков приступы необоснованной агрессии и жестокости, выражающиеся в девиантном поведении, которое подразумевает какое-либо несоответствие определенных действий человека или группы лиц ценностям и правилам, имеющим общепризнанный характер поведения. Как правило, такое поведение обычно выходит за рамки и правовых, и моральных норм.

Например, несовершеннолетними чаще всего совершаются правонарушения, предусмотренные ст. 6.8 «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» Кодекса РФ об административных правонарушениях [3]. Данный факт объясняется тем, что при помощи интернета и специальных программ несовершеннолетний может найти любую информацию, в том числе о запрещенных наркотических средствах на территории России, их изготовлении.

О незаконных действиях несовершеннолетних говорится и в ст. 6.9 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» Кодекса РФ об административных правонарушениях [3]. Как правило, такие действия совершаются подростком для самоутверждения среди сверстников, которые и являются побудителями к выполнению такого поступка. Результат употребления наркотического средства может быть размещен в интернете для демонстрации, чтобы привлечь внимание несовершеннолетних к совершению аналогичного действия.

Нередко совершается правонарушение, предусмотренное ст. 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества» Кодекса РФ об административных правонарушениях [3], которое набирает так называемую отрицательную популярность среди подрастающего поколения. Тем более что все чаще компьютерные игры, в основе сюжета которых находится стратегия на убийство или уничтоже-

ние живого, внушают ненависть, злобу ко всей окружающей среде и к близким. Подросток, сам того не осознавая, выполняет установки, диктуемые программой игры. Его психофизическое состояние испытывает привыкание, в дальнейшем развивается зависимость от эмоциональных ощущений, формируемых виртуальным миром игры. Следовательно, вне пространства интернета он не находит тех впечатлений, к которым привык его организм, потому и совершает такой вид правонарушения.

Рассмотрим мнения ученых, занимающихся исследованием влияния пространства всемирной сети на несовершеннолетних, чтобы понять сущность анализируемой проблемы. Зарубежный ученый биолог Арик Сигман (Лондон) занимается изучением воздействия интернета на здоровье человека и его психические качества. По его мнению, пагубный интерес к интернету и его контентам впоследствии вредит здоровью из-за сокращения общения с реальными людьми. Такой недостаток взаимодействия отрицательно влияет на работу иммунной системы организма, влечет дисгармонию в гормональный баланс, в будущем предрекает риск появления и развития таких болезней, как рак, сердечнососудистые заболевания [4]. В таких условиях в перспективе указанные заболевания будут формироваться с малых лет у пациента, что приведет к ухудшению здоровья нации.

Доктор Химаншу Тяги утверждает: «Интернет и его социальные сети отвечают за формирование у подростка ложного впечатления происходящего в мире. При помощи быстрого нажатия клавиши в одно мгновение можно избавиться от близкого человека, удалить или вовсе уничтожить свой профиль, заменить его на более приемлемый, создать себе ложную репутацию, присвоить себе чужое имя. Все это ведет к деформации личности подростка. Психиатр указал, что подросткам, привыкшим к стремительному течению интернет-жизни, реальность может показаться слишком скучной, и они могут попытаться «скрасить» ее при помощи импульсивных поступков, в частности, совершая правонарушение, так как он не в силах ценить ценности обыденной жизни [5, с. 132].

Кимберли Янг, психолог Питтсбургского университета, считает, что причина, по которой человек впадает в зависимость от сети, кроется в возможности свободного высказывания своей точки зрения и отстаивания ее, так как осуждение реального общества не будет осуществлено по причине недостижимости личности говорящего и замаскированности профиля. Логично предположить, что подростки, привыкшие к такому феномену, открыто совершают правонарушения, не боясь последствий. Но в существующих реалиях нарушение закона скрыть почти не представляется возможным, и он понесет ответственность за совершенное противоправное действие [6, с. 26].

Современные отечественные ученые активно исследуют рассматриваемый проблемный вопрос. Так, исследование, проведенное Г. В. Солдатовой, О. С. Гостимской, сделало возможным определение круга потребностей подростков, удовлетворяющихся при помощи интернета. Основополагающими из них считаются автономность и самостоятельность, что, как правило, проявляется в стремлении к независимости от родителей; самореализация и широкое признание в кругу сверстников; удовлетворение коммуникации при помощи общения, принадлежности к группе по интересам; обладание новыми знаниями реализует, что признание со стороны сверстников. В результате у несовершеннолетнего формируется ложное ощущение полного контроля над происходящей ситуацией в интернете, что способно удовлетворить потребность в безопасности [7, с. 177].

Не менее интересна точка зрения Н. А. Кузнецовой, А. Ю. Егорова, Е. А. Петровой, изучавших особенности личности подростков с интернет-зависимостью. Выводом их исследования послужило то, что среди интернет-зависимых преоб-

ладают подростки с шизоидной акцентуацией характера [8, с. 20]. Подростки с таким проявлением психического отклонения обычно страдают эмоциональной холодностью, замкнутостью. Слабое звено личности — невозможность устанавливать эмоциональные контакты с окружающими, что активно компенсируется ими в пространстве всемирной сети. При исследовании выявлено большое число лиц с истероидной акцентуацией. Указанные подростки стремятся к нахождению «на виду», тем самым они проявляют свои демонстративные черты посредством интернета. Несовершеннолетние правонарушители с такой аномалией характера в существующих условиях, поставленных перед подростком, вкупе с интернет-влиянием совершают преступление и правонарушение как представленную возможность для привлечения внимания.

Суммируя точки зрения специалистов и ученых, отметим, что воздействие интернет-ресурсов на подрастающее поколение в большей степени несет отрицательные черты, чем положительные, поскольку для подростка ввиду специфики его психофизического развития именно запрещенная информация представляет наивысший интерес. Она содержит в себе деструктивное начало, следовательно, на ранней стадии формирования положительных характеристик у несовершеннолетнего, наоборот, идет приобщение к негативным факторам современного мира. Впоследствии нарушается психологическая безопасность несовершеннолетнего, под которой понимается состояние конкретной среды, например, семейной или образовательной, не зависящее от проявлений психологического насилия и проявляющееся в удовлетворении потребностей подростка в личностно-доверительном общении. Ресурсы сети вторгаются в жизнь ребенка, овладевают его вниманием и свободным временем, перемещают на второй план отношения с родителями и близкими людьми, снижают качество обучения в образовательных организациях. Он полностью отдает свои нераскрытые потенциалы, которые в будущем могли бы помочь для социализации, в пользу виртуального мира, определяющего целиком его предназначение и отвечающее за дальнейшее «программирование» психики несовершеннолетнего.

Важно отметить, что у рассматриваемого вопроса имеется ряд проблематичных аспектов, без указания которых невозможно продолжить исследование. Во-первых, среди этих аспектов — социальные сети, сайты знакомств. Общение посредством интернета уменьшает коммуникативные способности ребенка, впоследствии усложняющие процесс реального общения. Как отмечают ученые, в переписке режима реального времени несовершеннолетний допускает более резкие и несвойственные для себя высказывания, использование непристойной речи, выраженной в нецензурной брани. Анонимность, на которую рассчитывают подростки в сети, на самом деле таковой не является, порождает заблуждение. Но главной опасностью становится прямая угроза жизни и здоровью несовершеннолетних от незнакомых людей, цель которых — личные встречи, перерастающие в вовлечение совершения различных видов правонарушений, вплоть до уголовно наказуемых преступлений.

Второй фактор — сайты-форумы потенциальных самоубийц, с последовательным описанием действий, обязательных для совершения. Подросткам предлагается к изучению особого рода литература, которая несет в себе прямое руководство к самоубийству или нанесению опасных телесных повреждений для всего организма. Если подросток хочет закончить «игру», кураторы применяют угрозы, выражающиеся в информации о знании места жительства несовершеннолетнего, сообщении информации его родителям и сверстникам о проблемах, в которые подросток посвятил куратора «игры». Для отказа от дальнейшего участия в «игре» требуется совершить правонарушение либо преступление, выраженное в убийстве. Только после этого участие прерывается.

Третьим аспектом можно назвать свободный доступ на страницы наркосайтов, несмотря на то, что за ними регулярно осуществляют мониторинг сотрудники прокуратуры. В киберпространстве в огромном количестве содержатся различные рецепты и советы для изготовления наркотических средств, психотропных веществ, информация о псевдопользе употребления этих веществ, благоприятного влияния на организм, указание прямого предложения и способа приобретения таких средств и веществ.

Завершающим фактором негативного воздействия на несовершеннолетнего становятся интернет-порталы. Их цель — пропаганда насилия и увеличение спроса на развитие девиантных форм поведения. Помощником в формировании образа преступного поведения несовершеннолетнего являются такие игры, как «Мафия», «GTA». Специфика игр состоит в нарушении закона, проявляющемся в угоне транспортного средства, его незаконной продаже, неповиновении сотрудникам правоохранительных органов, а также в умышленном нанесении тяжкого вреда здоровью, распространении наркотических средств и т. п.

Перечень отрицательных факторов всемирной сети Интернет, воздействующих на подростков, далеко не исчерпывающий. Нами указаны лишь основные критерии рассматриваемой проблематики. Совершение указанных действий в интернете говорит о том, что у подрастающего поколения много свободного времени, которое он не в силах правильно организовать, поскольку родители все чаще покупают технические средства для ребенка, чтобы он не затруднял для родителей выполнение каких-либо важных задач либо не препятствовал их отдыху после трудового дня. Ребенок становится представленным самому себе, а интернет с развлекательным контентом, который не всегда носит положительный характер, служит основным способом времяпрепровождения, оказывает глубокое проникающее воздействие в мозг ребенка, формирует и развивает отрицательные модели поведения.

Для полного рассмотрения проблемы обратимся к зарубежному опыту, который успешно реализует программы для профилактики снижения правонарушений среди несовершеннолетних. Зарубежными исследователями Великобритании J. V. Funk, J. Brouwer, K. Curtiss, E. McBroom разработана анкета, позволяющая понять, насколько тесно контактируют современные дети с техническими средствами, имеющими выход в интернет. В ней представлены вопросы, нацеленные на познание медиапредпочтений детей и использование ими медиасредств, методов контроля родителями за использованием технических средств и мнений о воздействии медиаисточников на процесс формирования личности детей [9].

По результатам исследования выявлено, что дошкольники проводят 13 часов 42 минуты в неделю во взаимодействии с различными медиаустройствами. Преобладает время, проведенное ребенком перед экраном телевизора, и в совокупности оно составляет восемь часов в неделю. Исследуя результаты, Funk и его коллеги пришли к выводу в том, что времяпрепровождение детей до шести лет, связанное с просмотром передач по телевизору, осталось на том же уровне, что и семь лет назад. Однако количество использования технических средств, включающих в себя выход в интернет, увеличилось с 12 до 13 часов 42 минут. Более того, анкета выявила то, что детьми (более 40 % респондентов) в процессе взаимодействия с техническими устройствами могут быть использованы несколько видов устройств одновременно (*media multitasking*).

Это положение свидетельствует о том, что современные средства технического прогресса охватывают в аспекте воздействия маленькую по возрастному критерию категорию. Дети, начиная с трех лет, вовлечены в виртуальный мир. Указанный фактор негативно сказывается на их развитии, несмотря на то, что

в процессе взаимодействия с техническим средством, имеющим выход в интернет, они могут просматривать обучающий контент.

Однако не всегда развивающая программа несет в себе положительные аспекты. В частности, это может проявляться во вредоносной рекламе, возникающей в процессе обучения или игры ребенка, что может таить в себе скрытое программирование ребенка на формирование в нем негативных личностных качеств, а также усложняет возможность контроля использования технических устройств со стороны родителей.

Jianan Xi из государственного университета Сан-Франциско предлагает применить специальную профилактику по уменьшению вредоносного влияния интернета на подрастающее поколение путем родительского контроля и родительской поддержки. Родительский контроль подразумевает строгий мониторинг использования ресурсов интернета, а также включает в себя установку программного фильтра, проверку журнала просмотров определенных сайтов. Такие действия впоследствии преобразуются в определенный перечень правил пользования интернета. Однако в связи с постоянной занятостью родителей такая процедура может не выполняться качественно либо вовсе игнорироваться, что в конечном итоге преобразуется в деформацию ребенка посредством всемирной сети [10].

Концепция родительской поддержки считается более эффективной, так как включает в себя помощь ребенку посредством доверительного общения, которое предполагает определение основных аспектов использования интернета. Таким образом, родители могут создать безопасную и приватную для ребенка интернет-среду, которая известна родителю как не создающая угрозы для когнитивных функций ребенка. Это свидетельствует о взаимодействии членов семьи при помощи советов, применяющихся несовершеннолетним активно, а не пассивно. Поэтому игнорирование строгих мер в отношении использования интернета и его всестороннего ограничения при взаимодействии с несовершеннолетним будут действовать лучше, чем тотальный контроль со стороны родителей, порождающий только напряженную ситуацию между ними.

Россия ведет мониторинг в отношении количества несовершеннолетних, ставших зависимыми от интернета или его использующих. Об этом свидетельствует статистика по анализируемому вопросу. Рассмотрим данные Федеральной службы государственной статистики, представленной в таблице 1, по критерию «Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения в Российской Федерации».

Таблица 1

**Административные правонарушения, совершенные несовершеннолетними
в Российской Федерации**

Год	Кол-во несовершеннолетних
2016	243 214
2017	233 941
2018	221 531

Статистика показывает, что количество несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, существенно сократилось на 21 638 человек, что говорит о положительной тенденции по состоянию на указанные годы. Следовательно, различные мероприятия по осуществлению профилактики совершения правонарушений среди данной категории лиц успешно реализуются государством.

Вместе с тем целесообразно привести данные, свидетельствующие о распределении населения России, использовавшего сеть Интернет по возрастным группам (15–18 лет), которые отражены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

**Население, использовавшее сеть Интернет, в течение последних трех месяцев
(группа 15–18 лет)**

Год	Кол-во несовершеннолетних, %
2016	8,1
2017	7,5
2018	7,2

Таблица 3

**Население, использовавшее сеть Интернет ежедневно или почти каждый день
(группа 15–18 лет)**

Год	Кол-во несовершеннолетних, %
2016	9,6
2017	9,1
2018	8,2

Итак, пик использования сети Интернет приходится на 2016 г. среди возрастной категории 15–18 лет. Сегодня ситуация иная, в которой доля несовершеннолетних сократилась на 0,9 % по первому критерию и на 1,4 % — по второму.

Согласно приведенным показателям, можно предположить, что наибольшее количество совершенных правонарушений зарегистрировано в 2016 г., как и показателей в процентном соотношении по использованию несовершеннолетними сети Интернет по состоянию на 2016 г. Очевидна некая тенденция, свидетельствующая о том, что использование сети Интернет характеризуется отрицательным аспектом контента и косвенно влияет на состояние совершения определенного незаконного действия подростками.

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что, во-первых, в настоящее время определенного механизма, отвечающего понятию полной защиты несовершеннолетних от вредоносной информации, которая программирует подростков на деструктивное мышление, не существует. Даже такое нововведение в популярной социальной сети «ВКонтакте», которая пользовательским соглашением предопределяет, что зарегистрироваться возможно только лицу, достигшему 14 лет, не исполняется в полной мере, поскольку подростки намеренно указывают неверную дату рождения. Это позволяет им беспрепятственно зарегистрироваться в данном контенте и пользоваться им в полном объеме. Подобная тенденция наблюдается и в зарубежных контентах. Например, регистрация пользователей младше 13 лет в Google-сервисах формально считается запрещенной, о чем сообщается в пункте правил использования сервисов. Однако в современных условиях вычислить настоящий возраст регистрируемого пользователя при сегодняшних объемах аудитории крупных онлайн-сервисов практически не представляется возможным.

Из этого следует, что предпринятая попытка со стороны уменьшения воздействия интернет-сети на подрастающее поколение путем приведенного выше спо-

соба неэффективна. В итоге несовершеннолетний получает любую информацию, которая соответствует его поисковому запросу, регистрируется в социальных сетях, скрывающих в себе массу опасностей на развитие детской психики.

Во-вторых, указание возраста подростка, не соответствующего реальному, а также совершение действий от чужого имени создают определенное чувство вседозволенности в сети. У подростка формируется ложное представление о его безответственности за совершенные действия в виртуальном пространстве, которые ввиду привычки отражаются затем в действиях вне рамок сети Интернет. Например, в виде появления в общественных местах в состоянии опьянения, которое впоследствии может перерасти в совершение административного правонарушения. Объяснение кроется в особенностях психофизиологического развития несовершеннолетнего, так как именно запрещенная информация, полный перечень которой дан в ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», представляет для него наибольший интерес и несет больше вреда, чем пользы [2].

Подводя итог, можно предложить следующую систему в области профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними под воздействием сети Интернет. Требуется тщательная блокировка информации, содержащая в себе вредоносный фактор влияния на несовершеннолетнего. Сотрудниками прокуратуры постоянно осуществляется мониторинг за интернет-страницами, в которых прослеживается незаконная информация. Однако злоумышленники «прорабатывают» более усовершенствованные способы защиты такого сайта, что делает работу органов прокуратуры неэффективной. В таком случае необходимо, чтобы была разработана автоматизированная система на базе искусственного интеллекта, способного вычислять различные вариации одного и того же вредоносного контента для его последующего блокирования.

Именно институт семьи предполагает воспитание и формирование личности подрастающего поколения, способствует его социализации в обществе. Родители способны оперативно реагировать на изменение поведения своего ребенка, что на данном этапе играет роль быстрого пресечения «зачатков» противоправного влияния интернета на несовершеннолетних. Родительское доверительное и благожелательное отношение к детям формирует тесное взаимодействие между ними. Интересующую информацию ребенок может без труда узнать у родителей, без помощи всемирной сети. Следовательно, он узнает ровно столько, сколько предназначено ему знать с учетом его возраста, либо такая информация возможна для рассмотрения, но вместе с родителями, внимательно изученная ими предварительно на предмет негативного воздействия.

Необходимо предусмотреть такое положение, в котором все интернет-ресурсы, предназначенные для детей, включающие в себя различные обучающие игры и иной образовательный контент, проверялись бы с целью выявления скрытых угроз. Это представляется возможным при помощи этапа контроля таких ресурсов детскими психологами, поскольку иногда информация нередко завуалирована под безобидные, на первый взгляд, игры и развивающие программы. Такое тесное сотрудничество медиарынка и детских психологов позволит сформировать качественное интернет-пространство, отвечающее по всем признакам безопасной информации, направленной на несовершеннолетних.

Поколение несовершеннолетних, взаимодействующих с раннего возраста с интернет-ресурсами, говорит о становлении постиндустриального общества, о быстром автоматизировании существующих систем, используемых человеком. Одновременно данное положение дает основание беспокоиться о том, что современным детям чужды понятия традиций и морали, которые постепенно утрачивают значение под воз-

действием интернета. В целях уклонения от отрицательной тенденции воздействия всемирной сети следует предусмотреть в ней создание таких информационных ресурсов, которые будут пропагандировать сохранение ценностей, сформированных еще нашими предками, для развития многогранной личности, способной понимать и анализировать процессы без помощи всемирного сетевого пространства.

Литература

1. *Маслоу А. Х.* Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью или развитию [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/185886/> (дата обращения: 15.03.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.03.2020).
4. Ученые считают, что общение в социальных сетях грозит слабоумием [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2009. 20 февраля. URL: <https://ria.ru/20090220/162706965.html> (дата обращения: 16.03.2020).
5. *Тончева А. В.* Проблема киберкоммуникативной зависимости в подростковом возрасте // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 131–136.
6. *Янг К. С.* Диагноз — интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.
7. *Шабалин О. М.* О необходимости исследования влияния Интернета на делинквентное поведение несовершеннолетних // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 175–180.
8. *Егоров А. Ю., Кузнецова Н. А., Петрова Е. А., Кузнецова Н. А.* Особенности личности подростков с интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. № 2. С. 20–28.
9. *Funk J. B., Brouwer J., Curtiss K., McBroom E.* Parents of preschoolers: expert media knowledge, media-effects beliefs, and monitoring practices // Pediatrics. 2009. Vol. 123. No. 3. P. 981–988. DOI: 10.1542/peds.2008-1543
10. *Jianan Xi.* The Impact of the Internet on Children [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/9646348/The_Impact_of_the_Internet_on_Children (дата обращения: 16.03.2020).

Контактные данные:

Бородин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: vitya.borodin.56@list.ru.

Букаев Н. М.: 460000, Оренбург, Комсомольская ул., д. 50; (3532) 31-25-43; e-mail: bukaev_nm@mail.ru.

Чепрасов М. Г.: 460018, Оренбург, пр. Победы, д. 13; (3532) 91-21-74; e-mail: mihail1708@rambler.ru.

Contact Details:

Borodin V. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: vitya.borodin.56@list.ru.

Bukaev N. M.: 50, Komsomol'skaya Str., Orenburg, 460000, Russia; (3532) 31-25-43; e-mail: bukaev_nm@mail.ru.

Cheprasov M. G.: 13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia; (3532) 91-21-74; e-mail: mihail1708@rambler.ru.

Шамраева И. Л., Волкова Л. В.

Сущность и черты лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности

Shamraeva I. L., Volkova L. V. The Essence and Features of Deprivation of Parental Rights as a Measure of Family Legal Responsibility

Статья посвящена одной из актуальнейших тем семейного права — лишению родительских прав. Выделяются характерные, специфические признаки, присущие данному правовому институту. Авторами анализируются материалы судебной практики, сделаны выводы о практике применения лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности.

Ключевые слова: ребенок, родители, права и интересы несовершеннолетних, права и обязанности родителей, лишение родительских прав, мера семейно-правовой ответственности.

This article is generally devoted to one of the most relevant topics of family law — deprivation of parental rights. The characteristic, specific features inherent in this legal institution are highlighted. The article analyzes the materials of judicial practice, draws conclusions on the practice of applying the deprivation of parental rights measures of family legal responsibility.

Keywords: child, parents, rights and interests of minor children, parental rights and obligations, deprivation of parental rights, measure of family legal responsibility.

Родители играют самую главную роль в жизни ребенка. С учетом правовых аспектов, в частности ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации (РФ), можно утверждать, что они — лица, которые должны и обязаны воспитывать своих несовершеннолетних детей, заботиться о них, имеют на это равные права и обязанности [1]. В п. 1 ст. 63 Семейного кодекса (СК) РФ [2] закреплена самая главная родительская обязанность, суть которой заключается в том, что в первую очередь родители должны заботиться о здоровье, нравственном, психическом и физическом развитии детей, что составляет основу семейного воспитания, является приоритетным направлением государственной семейной политики России и одним из главнейших принципов семейно-правового регулирования.

Семейный кодекс РФ (п. 1 ст. 64) обязывает родителей выполнять функции по защите прав и интересов своих детей. Этот вопрос, к сожалению, остается злободневным и в настоящее время, поскольку ввиду неблагоприятного стечения обстоятельств, а иногда с учетом воспитания, образа жизни, неопытности или страха перед возникающей ответственностью, родители (либо один из родителей) отказываются от выполнения обязанностей по заботе и воспитанию ребенка, в лучшем случае оставляя его родным, бабушкам и дедушкам, а в худшем — не уделяя ему внимания, оставляя его на произвол судьбы. Такое поведение родителей может стать переломным моментом при формировании детской психики, разрушить детские представления о семье или даже помешать им сложиться.

Шамраева Ирина Леонидовна — доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского университета кооперации, экономики и права, кандидат юридических наук.

Волкова Лина Вячеславовна — старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Белгородского университета кооперации, экономики и права.

© Шамраева И. Л., Волкова Л. В., 2020

Закрепляя приоритет в воспитании и содержании детей за их родителями, семейное законодательство РФ провозглашает, что родители не могут осуществлять свои права в противоречии с правами и интересами ребенка. Это означает, что родители не должны наносить какой-либо вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а методы и способы воспитания не могут быть жестокими, грубыми, должны исключать унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (п. 1 ст. 62, п. 1 ст. 65 Семейного кодекса РФ). Исходя же из норм п. 1 ст. 65, ст. 69, ст. 73 Семейного кодекса РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [3] следует, что родители, которые осуществляют родительские права в ущерб правам и интересам ребенка, могут быть ограничены судом в родительских правах или лишены родительских прав.

В качестве одной из самых известных обществу мер семейно-правовой ответственности и наказания выступает такой правовой институт, как лишение родительских прав. Этот вид ответственности применяется к родителям, которые не выполняют или ненадлежащим образом исполняют родительские обязанности по отношению к несовершеннолетним детям. Данной мере ответственности присущи специфические, только для нее характерные черты. Рассмотрим их подробнее.

Первая определяющая черта подразумевает следующее. Лишь в отношении несовершеннолетнего ребенка может быть осуществлено лишение родительских прав. Только наука семейного права дает определение понятию «ребенок», в семейном законодательстве РФ оно не представлено. Для установления значения этого термина обратимся к международно-правовому документу — Конвенции ООН «О правах ребенка», определяющей, что ребенок — это «человеческое существо до достижения восемнадцатилетнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [4].

Вторая черта заключается в индивидуальном характере при возникновении вопроса о лишении родительских прав. Иными словами, только суд, рассматривая дела по существу и выявляя все обстоятельства конкретного дела, принимает решение в каждом случае, что и будет служить основанием для предъявления иска.

Так, например, решением № 2-199/2017 от 1 февраля 2017 г. Октябрьского районного суда г. Белгорода лишены родительских прав мать и отца З. А. А. [5]. Ребенок с нарушением психики в течение нескольких лет находился в областном государственном казенном учреждении здравоохранения (ОГКУЗ) — специализированном Белгородском доме ребенка, где содержатся дети с органическим поражением центральной нервной системы. Мальчик был переведен в данное медицинское учреждение из родильного дома. За время его пребывания в организации родители ни разу не навестили сына, не проявляли заботы о нем, не интересовались состоянием его здоровья и развития, материальной помощи на его содержание не оказывали. Из этого следует, что они не выполняли обязанности по воспитанию и содержанию ребенка. Проведено обследование жилищно-бытовых условий, по итогам которого составлен акт, подтверждавший в суде тот факт, что родители (ответчики) по месту жительства характеризуются отрицательно, ведут аморальный образ жизни, в их квартиру постоянно приходят посторонние люди, где они распивают спиртные напитки. Связь с работниками Управления социальной защиты населения не поддерживали, дверь представителям органа опеки и попечительства не открывали. Более того, в судебное за-

седание родители не явились, хотя надлежащим образом были уведомлены о его проведении. Суд принял решение лишить родителей З. А. А. родительских прав и взыскать с них алименты на содержание ребенка.

Особый индивидуальный характер данной черты выражается в том, что судебный орган рассматривает вопрос о лишении родительских прав в отношении каждого ребенка в отдельности, а не всех детей, проживающих в семье. Кроме того, каждый родитель в отдельности лишается родительских прав.

Третья отличительная черта семейно-правовой ответственности — ее субъект. В данном правовом контексте, с учетом требований ст. 69 СК РФ, становится очевидным то, что субъектом лишения родительских прав может быть только лицо, чьи родительские права основаны на факте рождения конкретного ребенка, что подтверждается актовой записью о рождении ребенка в качестве родителя. На общих основаниях могут утрачивать родительские права и лица, которые приобрели родительские права и обязанности в случаях установления отцовства, если сделана соответствующая запись об отце ребенка. Итак, не имеет правового значения обстоятельство о том, состоят ли родители ребенка в законном браке или не состоят. Вместе с тем не могут быть лишены родительских прав граждане, которые ввиду действующего законодательства приравниваются к родителям, или лица, заменяющие их родителей. Речь идет об усыновителях, опекунах, приемных родителях.

Четвертая черта связана с основанием возникновения и использования семейно-правовых санкций в виде утраты прав в качестве родителя. В данном случае речь идет о семейно-правовом правонарушении, т. е. виновно совершенном противоправном деянии (действии или бездействии), нарушающем нормы национального законодательства. Несовершеннолетний, его права и законные интересы выступают объектом семейно-правового правонарушения. В подтверждение указанного выше признака приведем пример из судебной практики, отражающий одно из оснований (злоупотребление родительскими правами), по которым лица могут быть лишены родительских прав. Ханты-Мансийский районный суд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры указал в своем решении по делу, что родители привлекали несовершеннолетнего сына к совместному употреблению алкогольных и спиртных напитков, а также наркотических средств и психотропных, опасных психоактивных, одурманивающих веществ [6].

Сущность пятой черты заключается в том, что лишение родительских прав наступает только в случае совершения виновным лицом именно противоправного правонарушения. Статья 69 СК РФ содержит исчерпывающий перечень этих правонарушений. Понимать под противоправностью следует «юридическое выражение общественной опасности деяния, его вредности для общества» [7]. Если совершается семейно-правовое правонарушение, то общественная опасность угрожает прежде всего несовершеннолетним членам семьи как участникам семейных правоотношений.

В случае противоправного поведения родителей установление факта наступления вредных последствий для ребенка не имеет значения. Часто отрицательные последствия очевидны, в меньшей степени вред детям не причиняется. В подтверждение этого рассмотрим решение № 2-4272/2016 от 8 июня 2016 г. по делу № 2-4272/2016 Октябрьского районного суда г. Белгорода. По данному судебному делу ответчик С. В. И. лишен родительских прав в отношении дочери Екатерины 2002 года рождения. Родители состояли в зарегистрированном браке до марта 2009 г., воспитывали дочь совместно. Позднее отец ушел из семьи и перестал участвовать в жизни ребенка как физически, так и материально. У ответчика образовалась крупная сумма задолженности по алиментам, т. е. матери-

ально дочь он не содержит, в ее воспитании не принимает участия, не интересуется физическим состоянием и развитием дочери, не звонит, не приходит, не навещает, не поздравляет с праздниками, даже с днем рождения, подарков дочь от отца не получала. За систематическое уклонение от уплаты алиментов дочери родитель трижды привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса РФ.

Тем не менее суд установил, что мама Екатерины создала надлежащие условия для проживания, обучения и развития девочки. Суд, исследовав обстоятельства дела, представленные доказательства, решил лишить С. В. И. родительских прав в отношении дочери [8]. Приведенный пример показывает, что очевиден реальный вред несовершеннолетнему, проявившийся в том, что с психологической точки зрения ребенок был лишен возможности общаться с отцом, чувствовал ненужность. Однако эти последствия проявились не настолько явно, учитывая, что мама девочки смогла создать необходимые условия для ее развития и обучения.

При рассмотрении гражданского дела о лишении родительских прав гражданина В. А. А. Тихвинским городским судом Ленинградской области принято решение об удовлетворении заявленного требования. Судом установлено, что несовершеннолетняя З. отца фактически не помнит. Отец, гражданин Узбекистана, более двух лет ребенка не навещал, не звонил, в жизни девочки не участвовал. Его место жительства в последнее время было не известно. Девочка не помнит генетического отца, т. е. отца по закону, а своим отцом считает мужа матери. О том, что есть биологический отец, она знает, но на этот факт не реагирует и хочет, чтобы новый муж матери ее удочерил, чтобы носить общую фамилию с матерью и ее мужем [9].

Содержание шестой черты сводится к тому, что лишение родительских прав — крайняя, исключительная мера, влекущая правовые последствия как для родителя, так и для его ребенка. Разумеется, применение этой меры ответственности допустимо, если шансов изменить поведение родителя в лучшую сторону невозможно, и суд приходит к выводу о том, что никакие меры не позволяют наилучшим образом защитить права и интересы ребенка.

Так, например, решением Королевского городского суда Московской области гражданин Б. в отношении несовершеннолетней дочери был лишен родительских прав. В суде в качестве доказательства была представлена персональная лечебно-диагностическая карта пациента, где указано, что ответчик давно является больным хроническим алкоголизмом, не желает лечиться, ведет аморальный образ жизни. В судебном заседании установлено, что ответчик не один год от уплаты алиментов на содержание дочери уклоняется, жизнью дочери не интересуется, проявляет полное равнодушие к ее воспитанию [10].

Седьмая черта проявляется в том, что применение института лишения родительских прав характеризуется бессрочным характером. Лишение не имеет временных ограничений. Правовое содержание ст. 72 СК РФ позволяет родителям впоследствии восстановить свои родительские права, и только в судебном порядке. Если родители выразят такое желание и заявят о нем, восстановление произойдет только в случае установления судом всех имеющихся для этого оснований.

К сожалению, дел соответствующей категории очень мало. Одно из них, например, рассмотрено в г. Самаре Красноглинским районным судом. В этот суд обратилась истица Г. С. А. с заявлением о восстановлении ее в родительских правах в отношении несовершеннолетнего сына, который в настоящее время находится под опекой Я. Е. А. Ранее, в 2016 г., истица была ограничена в родительских правах в отношении ребенка, а спустя полгода лишена родительских

прав по причине отказа забрать его из детской больницы, из-за того, что воспитанием сына не занималась, в содержании его участия не принимала. Ребенка передали в приемную семью Я. Е. А., где он и находился на момент рассмотрения дела.

С конца 2016 г. поведение истицы Г. С. А. изменилось. Она стала регулярно навещать сына, приносить ему подарки и угощения, отрицательного влияния на ребенка не оказывала. По адресу проживания истицы был составлен акт обследования жилищно-бытовых условий, из которого следовало, что санитарно-гигиеническое состояние жилого помещения удовлетворительное, в доме созданы условия для проживания ребенка. В ходе судебного заседания мать пояснила, что трудится на рынке продавцом, но неофициально, ее заработная плата составляет 20–24 тыс. рублей. Истица Г. С. А. является собственником 1/3 жилого помещения. Согласно представленной справки, выданной участковым уполномоченным, на профилактическом учете она не состоит, а некоторое время назад признана инвалидом третьей группы. Ребенок истицы не был усыновлен, а находился в приемной семье. В судебном процессе установлены обстоятельства, подтверждающие положительные изменения в поведении и образе жизни истицы Г. С. А., в ее отношении к воспитанию сына. В итоге судом принято решение об удовлетворении заявленных исковых требований гражданки Г. С. А. и восстановления ее в родительских правах в отношении малолетнего сына [11].

Анализируя п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [12], можно сделать вывод о том, что, рассматривая требования о восстановлении в родительских правах, суд исходит из ч. 1 ст. 72 СК РФ, проверяя, реально ли изменились поведение и образ жизни родителей, которые ранее были лишены родительских прав, и их отношение к воспитанию и содержанию ребенка. Но возникают ситуации, когда иски о восстановлении в родительских правах не могут быть удовлетворены судом, даже в вышеперечисленных случаях, если ребенок усыновлен и усыновление не было отменено, а также если ребенок, достигший возраста десяти лет, возражает против этого, независимо от мотивов, по которым он не согласен (п. 4 ст. 72 СК РФ).

Восьмая черта проявляется в следующем: ввиду прямого указания закона в ст. 69 СК РФ перечислено всего шесть оснований, вследствие наступления которых родители могут быть лишены родительских прав. Список, содержащий такие случаи, можно признать емким и исчерпывающим, поскольку он включает в себя сегодня все отрицательные методы и способы воспитания «неправильного», незаконного воспитания и несодержания своего ребенка (детей), а также формы невыполнения родителями прямых обязанностей, предусмотренных Конституцией РФ и СК РФ, что приводит к нарушению родителями норм о защите прав и интересов детей.

Большая часть отношений, возникающих между родителями и детьми, не поддается правовому регулированию со стороны семейного законодательства. Следовательно, этот комплекс остается за рамками правовых норм, но строится на нормах морали и нравственности, в чем и выражается лично-доверительный характер родительских и в целом семейных отношений. В заключение анализа характерных черт института лишения родительских прав как одной из ключевых мер семейно-правовой ответственности отметим, что речь идет о санкции за неправомерное поведение родителей в отношении их несовершеннолетних детей, которая направлена в первую очередь на защиту прав и интересов несовершеннолетних, а по возможности и на исправление, перевоспитание родителей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
4. Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
5. Решение № 2-199/2017 от 1 февраля 2017 г. Октябрьского районного суда г. Белгорода [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V0frfoyzTWxV/?regular-txt> (дата обращения: 15.11.2020).
6. Решение Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 2-539/2019 от 21 февраля 2019 г. № М-86/2019 от 21 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/i6q8uYXzvlR/?regular-txt> (дата обращения: 15.11.2020).
7. Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. 204 с.
8. Решение № 2-4272/2016 от 8 июня 2016 г. по делу № 2-4272/2016 Октябрьского районного суда г. Белгорода [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZJl7CFO8t2J2/?regular-xt=> (дата обращения: 15.11.2020).
9. Решение № 2-58/2019 от 23 января 2019 г. по делу № 2-58/2019 Тихвинского городского суда Ленинградской области [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FoxT0rBm3YQR/?regular-txt=> (дата обращения: 15.11.2020).
10. Решение Королёвского городского суда Московской области № М-3131/2017 от 13 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lnuR5OxCNkru> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Решение № 2-1244/2017 от 2 августа 2017 г. по делу № 2-1244/2017 Красноглинского районного суда г. Самары (Самарская область) [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hq2D2MOD0pmK/?regular-txt> (дата обращения: 15.11.2020).
12. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

Контактные данные:

Шамраева И. Л., Волкова Л. В.: 308023, Белгород, Садовая ул., 116а; (4722) 26-49-16; e-mail: topolinay13@yandex.ru, nlv13@yandex.ru.

Contact Details:

Shamraeva I. L., Volkova L. V.: 116/A, Sadovaya Str., Belgorod, 308023, Russia; (4722) 26-49-16; e-mail: topolinay13@yandex.ru, nlv13@yandex.ru.

Борзунова Н. Ю., Максимова К. Л., Цечоев А. М.

Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве и проблемы его реализации

Borzunova N. Yu., Maksimova K. L., Tsechoev A. M. The Principle of Presumption of Innocence in Criminal Proceedings and Problems of Its Implementation

В статье рассмотрены специфические особенности принципа презумпции невиновности, проблемы его реализации в России и Соединенных Штатах Америки (США), а также теоретические вопросы, связанные с этим понятием. Представлены материалы практики, отражающие факты нарушения принципа презумпции невиновности, приведены различные мнения ученых, юристов о реализации принципа презумпции невиновности. Проанализированы соответствующие примеры, в том числе по делам, имеющим большой общественный резонанс: уголовное дело в отношении двух футболистов Павла Мамаева и Александра Кокорина, решение Страсбургского Европейского Суда по правам человека по делу «Федоренко против России» и уголовное дело в отношении известного американского продюсера Харви Вайнштейна. Рассмотрена «сделка о признании вины», которая применяется в США.

Ключевые слова: принцип презумпции невиновности, недоказанная виновность, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), «сделки о признании вины», ограничение конституционных прав гражданина.

Принцип презумпции невиновности давно является предметом дискуссий различных ученых в мире. Одни из них высказывают положительное к нему отношение, считают гарантом соблюдения прав и законных интересов в современном уголовно-процессуальном праве в России и правовых системах других стран. Другая группа

The article deals with the specific features of the presumption of innocence principle and the problems of its implementation in Russia and the United States of America, as well as theoretical issues of this concept. The materials of practice reflecting violations of the principle of presumption of innocence are presented, and various opinions of legal scholars on the implementation of the principle of presumption of innocence are given. Examples from practice are analyzed, including cases that have a high public profile: the criminal case against two football players Pavel Mamaev and Alexander Kokorin, the decision of the Strasbourg European Court of human rights in the case “Fedorenko V. Russia” and the criminal case of the famous American producer Harvey Weinstein. The article analyzes the “plea bargain” that is used in the United States of America. The problems of implementing the principle of presumption of innocence and ways to solve them are outlined.

Keywords: the principle of presumption of innocence, unproven guilt, Criminal procedure code, “plea deals”, restriction of constitutional rights of a citizen.

Борзунова Наталья Юрьевна — старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, подполковник внутренней службы.

Макимова Кристина Леонидовна — старший преподаватель кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России.

Цечоев Адам Махмудович — учащийся магистратуры Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России.

© Борзунова Н. Ю., Максимова К. Л., Цечоев А. М., 2020

юристов-правоведов сомневаются прежде всего в том, что его можно неотступно исполнять, не нарушая границ, конституционных прав лиц еще до вынесения приговора, не будучи “De jure” признанными виновными судом.

Данный принцип закреплен в международных документах ООН и других документах международных организаций, а также в Основном законе нашей страны — Конституции Российской Федерации. Вышеуказанный принцип считается обязательным и общепризнанным не только в России, но и во всех современных развитых государствах.

Следует согласиться с мнением В. К. Бабаева, определяющего презумпцию как «...закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [1, с. 6]. В данном контексте справедливо сделать вывод о том, что в процессе следствия предположения о виновности лица могут оцениваться вероятностными, прогностическими, а не истинными фактами, хотя и в этом случае они носят естественный характер. В. К. Бабаев справедливо отметил: «...эти предположения основаны на реальной связи с происходящими процессами и подтвержденным предшествующим опытом». В этом заключается их основное научное и практическое значение, как, какими средствами и в какой последовательности будет выражаться предположение о наличии юридических фактов, будет зависеть эффективность правовой презумпции и ее место среди других предположений. Ю. В. Деришев и И. Ю. Мурашкин считают, что «...презумпция невиновности как объективное общеправовое положение выступает надпроцессуальной категорией, действие которой во многом определяется моделью построения уголовного судопроизводства (его досудебной части) и правовым положением как лиц, подвергаемых уголовному преследованию, так и органов, выполняющих данную функцию. Возможность приостановления (ограничения) его действия при определенных (исключительных) условиях допускается лишь при развитой и устоявшейся системе демократического правосудия» [2, с. 47].

А. Ю. Кирьянов пишет: «Обоснована особая роль презумпции невиновности в системе назначения и принципов уголовного судопроизводства. Устанавливая исходное правовое состояние привлекаемого к уголовной ответственности лица, как состояние «невиновности», презумпция невиновности влияет на построение всего уголовного процесса: определяет направленность и правила уголовно-процессуального доказывания, на протяжении всего процесса обуславливает и гарантирует неотъемлемость принадлежащих обвиняемому прав и свобод, невозможность их ограничения без достаточных оснований и сверх оправданной необходимости» [3].

Опираясь на принцип презумпции невиновности, можно говорить о том, что суждения о виновности, исходящие из положений обвинительного приговора, не только должны базироваться исключительно на доказанности, но и обязаны быть обеспечены неоспоримыми доказательствами со стороны обвинения. Нет необходимости, как нам кажется, цитировать ст. 14 УПК РФ. Но из вышеизложенных рассуждений ясно, что данный принцип уголовного процесса призван служить одним из гарантов «безопасности» для всех граждан, поскольку он четко указывает на то, что недоказанная виновность означает невиновность.

Однако на практике, при производстве по делу, ситуация неоднозначна. Выделим основные проблемные вопросы реализации в современных условиях рассматриваемого принципа, вызывающие постоянные споры среди ученых-процессуалистов: 1. Является ли эта презумпция объективным правовым положением лица, выражающим отношение закона к вопросу о виновности привлеченного к уголовной ответственности, или это субъективное мнение отдельных участников процесса по данному вопросу? 2. На кого распространяется принцип презумпции невиновности: на об-

виняемого или на любое лицо, привлеченное к расследованию преступления? 3. Как следует формулировать, понимать презумпцию невиновности: лицо «считается» или «предполагается» либо «не считается виновным»? 4. Что следует понимать под законодательным определением «...в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»? 5. На каких стадиях процесса сохраняет свое действие указанный принцип (на всех, включая пересмотр приговоров, вступивших в законную силу, или его действие прекращается после вступления приговора в законную силу) [4, с. 22].

Итак, если рассмотреть применение некоторых мер пресечения в ходе производства по уголовному делу, можно увидеть, что нарушение данного принципа происходит непосредственно при их назначении. Из положений УПК РФ следует, что при избрании меры пресечения «заключение под стражу» она может быть применена не только при наличии оснований, позволяющих полагать, что обвиняемый или подозреваемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, не имея постоянного места жительства, его личность не установлена, даже если у него нет семьи и постоянного места работы. Даже эти факты могут стать причиной применения к лицу данной меры, сильно ограничивающей свободу и конституционные права гражданина [5]. Вспомним резонансное уголовное дело в отношении двух футболистов Павла Мамаева и Александра Кокорина, а также Кирилла Кокорина. Медийные известные личности стали участниками драки, которая произошла в кафе в центре Москвы 8 октября 2018 г. У двух из этих граждан имелась хорошая, даже престижная работа, постоянное место жительства, семья. Скорее всего, именно публичность данных людей не позволила бы им продолжить заниматься преступной деятельностью или скрыться от следствия и суда. Однако суд посчитал иначе — и фигуранты дела просидели в изоляторе временного содержания восемь месяцев [6]. В это время многие средства массовой информации постоянно освещали случившееся, т. е. еще до вынесения обвинительного приговора, создавая у общественности определенное мнение об участниках дела. Соответственно, пострадала их деловая репутация, произошли колоссальные финансовые потери. Если учитывать и режим пребывания в изоляторе временного содержания, то становится очевидным тот факт, что речь идет о строгой изоляции и ограничении множества конституционных прав человека еще до суда.

Обратимся к решению Страсбургского Европейского Суда по правам человека по делу «Федоренко против России». В соответствующем постановлении заявитель указывает на то, что нарушен п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что к нему применена мера пресечения в виде заключения под стражу, и в утвердительной форме уже было заявлено, что он совершил уголовное преступление, что нарушало презумпцию невиновности. Фрагмент ст. 6, относящийся к данному делу, гласит: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком» [7].

Таким образом, заявитель утверждал, что еще до окончания предварительного расследования, до того, как его дело было рассмотрено судом, до того момента, как ему было предъявлено уголовное обвинение, суд в этот период становится жестким обвинителем, что уже заранее предопределяет негативный для заявителя исход уголовного дела. Как видим, на данном этапе уже нарушается принцип презумпции невиновности. Отметим, что в указанной части рассматриваемой жалобы Европейский Суд по правам человека встал на сторону заявителя и признал нарушение п. 2 ст. 6 Конвенции [8].

Конечно, система судопроизводства не без изъянов и в других государствах. Так, например, в законодательстве США не упоминается принцип презумпции

невиновности, а существует такой порядок судопроизводства, как «сделка о признании вины». Как известно, «сделка о признании вины» предполагает некое соглашение, которое заключается прокурором и обвиняемым по уголовному делу. Если говорить о нашем уголовном процессе, то данный порядок чем-то похож на дознание в сокращенной форме, где оно проводится в краткий срок, но для этого обвиняемый должен полностью признать ущерб и все обвинения, дать согласие на такую форму предварительного расследования. «Сделка о признании вины» также экономит время и средства на судебное производство, поскольку обвиняемый все признал как будто «заранее».

Между тем существует некоторая противоправность, поскольку в обоих случаях обвиняемый еще до вынесения судом обвинительного приговора признается виновным. Самое негативное, на наш взгляд, в таком случае — остановка интереса субъектов, производящих расследование, заострение их внимания на каких-то еще возможных обстоятельствах и эпизодах дела: «Обвиняемый признал свою вину полностью по какому-то одному эпизоду... — зачем расследовать дальше?» [9]. К сожалению, сегодня в США данная форма производства так и остается одной из основных целей судопроизводителей. Так, например, А. А. Иванов в своей научной статье «Правовое регулирование сделок о признании вины в США» пишет о том, что с 1920 г. и до нашего времени в США сделки о признании вины составляют 80–90 процентов от общего количества дел. Аналогичного мнения придерживается и Ю. В. Кувалдина, которая в диссертационном исследовании проанализировала «сделки о признании вины». По окончании анализа правоприменительной практики она говорит примерно о таком же количестве процентов [10, с. 282].

Главная проблема состоит в том, что и в США, если не применяется «сделка о признании вины» и если недостаточно доказательств для обвинения лица, то его все равно могут считать виновным, очернить его репутацию. Так, например, недавнее уголовное дело в отношении американского продюсера Харви Вайнштейна, которого обвиняют в бесконечном количестве сексуальных домогательств, как к начинающим, так и к состоявшимся актрисам. Известное американское издание публикует мнение о том, что из данного продюсера сделали настоящего преступника еще до вынесения обвинительного приговора, испортили деловую репутацию, лишили возможности нормально работать, свободно передвигаться [11].

В заключение, обобщая определенные проблемы при реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе, можно сделать следующие выводы. На основе анализа ряда эпизодов практики проведения предварительного расследования в России, а также в процессе изучения большого количества материалов, завершенных еще на стадии возбуждения уголовного дела постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, в ходе анализа ряда материалов прекращенных уголовных дел на стадии предварительного расследования, наблюдается четкая тенденция нарушения прав и свобод человека и гражданина, которые связаны с несоблюдением принципа презумпции невиновности на данных досудебных стадиях.

Эти негативные последствия для обвиняемого могут проявляться в разных формах: при потере доверия со стороны окружающих, возможной потере работы, упущенной выгоде, ограничении свободы вследствие применения мер процессуального принуждения. Влияние негативного общественного мнения по отношению к обвиняемому может быть субъективным, возможно одностороннее исследование доказательств по уголовному делу лицами, производящими предварительное расследование. Это, по сути, заставляет подозреваемых и обвиняемых доказывать свою невиновность. В данном случае мы понимаем, что лицо еще не признано виновным, а негативные последствия уже наступают, следовательно, человек испытывает на себе наказание.

Изучение судебной практики вызывает и вопрос о том, означает ли вынесение обвинительного приговора судом первой инстанции окончание действия принципа презумпции невиновности. В соответствии с УПК РФ у осужденного есть еще возможность пересмотра приговора по жалобе в апелляционной, кассационной инстанции, а также возможен пересмотр судебных решений в порядке надзора. С учетом вышеизложенного логично предположить, что в первой инстанции не происходит окончательного принятия решения о виновности или невиновности лица, поскольку этот вопрос может продолжать решать вышестоящая судебная инстанция. Следовательно, действие принципа презумпции невиновности продолжается, а не приостанавливается в первой инстанции. К тому же вторая инстанция может признать лицо невиновным. В итоге можно прийти к выводу о том, что приговор первой инстанции формальный, не окончательный и не всегда отражает истину.

На наш взгляд, в законодательстве целесообразно разъяснить границы презумпции невиновности на судебных стадиях, закрепить положения о том, когда принцип перестает действовать, а когда его действие пролонгируется. Чтобы решить соответствующие вопросы, необходимо расширить содержательную часть презумпции невиновности в п. 1 ст. 14 УПК РФ: слова «вступившим в законную силу» дополнить словами «до исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты» [12]. В отношении соблюдения принципа презумпции невиновности на досудебных стадиях, на наш взгляд, следует установить такой запрет: не предавать широкой огласке сведения, содержащиеся в еще не дошедшем до суда уголовном деле, дабы не формировать негативное мнение о подозреваемом, обвиняемом, подсудимом, поскольку сегодня ряд средств массовой информации часто дают обществу недостоверную или еще не подтвержденную информацию, формируя неадекватное действительности общественное мнение.

Принцип презумпции невиновности несет морально-положительный смысл в законодательстве, который призван оградить гражданина от произвола со стороны большой и могучей судопроизводственной мощи государства. Вместе с тем иногда не понятно, где та грань, через которую нельзя переступать, чтобы не ограничить конституционные права человека, находящегося в статусе подозреваемого или обвиняемого. Конечно, временное ограничение этих прав имеет высокую цель. Речь идет о защите общества от преступных посягательств. Но как сделать так, чтобы данные ограничения не стали угрозой для жизни и здоровья гражданина, угрозой для его репутации? Как «не перегнуть палку», не принимая во внимание принцип презумпции невиновности еще до вынесения обвинительного приговора? Это вопросы и для законодателей, и для компетентных лиц, которые осуществляют производство по уголовному делу. Уместно вспомнить слова Рамсея Кларка, в прошлом министра юстиции США: «Обвиняемые, ожидающие суда, должны быть освобождены из-под стражи. Ведь мы заявляем, что они презюмируются невиновными, и эту презумпцию надлежит уважать, нельзя человека заключить в тюрьму, только на основании подозрений, равно как и держать в ней в ожидании расследования и суда, только из-за того, что он беден или даже заслуживает презрения» [13, с. 278].

Литература

1. *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве: учеб. пособие. Горький: Изд-во Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. 124 с.
2. *Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю.* Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 44–48.

3. *Кирьянов А. Ю.* Проблемы реализации презумпции невиновности в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 20 с.
4. *Буторова О.* Реализация конституционного принципа презумпции невиновности в уголовном процессе // *Право и жизнь*. 1998. № 18. С. 22–30.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/50cc4ba5b9174a79ff3a7c8fe091aed08316c8f9/ (дата обращения: 18.09.2020).
6. *Андреев И.* Дело Александра Кокорина и Павла Мамаева. Все эпизоды [Электронный ресурс] // Спорт-Экспресс Интернет. 2019. 17 сентября. URL: <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/delo-aleksandra-kokorina-i-pavla-mamaeva-draki-zaderzhanie-sizo-sud-koloniya-tyurma-vse-epizody-1534909/> (дата обращения: 18.09.2020).
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]», подписанным в г. Париже 20 марта 1952 г., «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней», подписанным в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г., «Протоколом № 7», подписанным в г. Страсбурге 22 ноября 1984) // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 18.09.2020).
8. Постановление Страсбургского Европейского Суда по правам человека № 39602/05 по делу «Федоренко против России» от 20 сентября 2011 г. // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70117288/> (дата обращения: 18.09.2020).
9. *Ализаде В. А., Волевода А. Г.* Правовой институт сделки о признании вины в уголовном процессе США // *Уголовное и уголовно-процессуальное право иностранных государств*. 2018. № 2. С. 21–24.
10. *Иванов А. А.* Правовое регулирование сделок о признании вины в США // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2012. № 2 (1). С. 282–286.
11. *By Eric Levenson, Lauren del Valle, Sonia Moghe* Harvey Weinstein sentenced to 23 years in prison after addressing his accusers in court [Электронный ресурс] // CNN. 2020. March 11. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/11/us/harvey-weinstein-sentence/index.html> (дата обращения: 18.09.2020).
12. Презумпция невиновности или работает ли данный принцип? // *Яндекс Дзен*. 2019. 14 июня. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d02878b26147800b8efb503/prezumpciia-nevinovnosti-ili-rabotaet-li-danniy-pr-5d039ca6f5dc000f8d03e13a> (дата обращения: 19.10.2020).
13. *Кларк Р.* Преступность в США. М.: Прогресс, 1975. 422 с.

Контактные данные:

Борзунова Н. Ю.: 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149; (812) 388-86-39; e-mail: ats75@inbox.ru.

Максимова К. Л.: 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149; (812) 388-86-39; e-mail: tp@igps.ru.

Цечоев А. М.: 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149; (812) 388-86-39; e-mail: ad_nemesis@mail.ru.

Contact Details:

Borzunova N. Yu.: 149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russia; (812) 388-86-39; e-mail: ats75@inbox.ru.

Maksimova K. L.: 149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russia; (812) 388-86-39; e-mail: tp@igps.ru.

Tsechoev A. M.: 149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russia; (812) 388-86-39; e-mail: ad_nemesis@mail.ru.

Кузнецов А. В.

Конституционно-правовые ограничения в странах Европейского союза в условиях пандемии COVID-19

Kuznetsov A. V. Constitutional and Legal Restrictions in the European Union Countries in the Context of the COVID 19 Pandemic

Автором исследованы нормы международного права и законодательства стран Европейского союза (ЕС). Представлен перечень основных положений конституционно-правовых ограничений в странах ЕС. Изложен вопрос о применении норм Конвенции о правах человека. Рассмотрен принцип реализации нормативно-правовых актов в условиях пандемии COVID-19. Проведен сравнительный анализ правовых ограничительных мер в государствах ЕС.

Ключевые слова: конституционно-правовые ограничения, нормы международного права, Конвенция о правах человека, нормативно-правовые акты, пандемия COVID-19.

The article examines the norms of international law and the legislation of the EU countries. The list of main provisions of constitutional and legal restrictions in the European Union countries is presented. The application of the norms is described Human rights conventions. The principle of implementing legal acts in the context of the COVID-19 pandemic is considered. A comparative analysis of legal restrictive measures in the States of the European Union is carried out.

Keywords: constitutional and legal restrictions, international law, Convention on human rights, regulations, COVID-19 pandemic.

Статья посвящена проблеме конституционно-правовых ограничений в странах Европейского союза (ЕС) в условиях пандемии COVID-19 и определению такого понятия, как локдаун. Стоит отметить, инфекционное заболевание COVID-19 нарушило повседневную жизнь ЕС по многим аспектам.

В ЕС введены ограничительные меры в области передвижения, которые установили конституционно-правовые ограничения для граждан ЕС. Такие сложности сводятся к тому, что возникают проблемы с выездом на работу, в том числе вводится дистанционная работа на дому и перед отдельными государствами стоит вопрос о введении полного локдауна. На дистанционное обучение переходят учебные заведения, в том числе детские сады, школы, колледжи, вузы. По мнению экспертов, ограничительные меры направлены на централизацию в подходах государств-членов к проблеме COVID-19. Принятые меры создают прозрачность и предсказуемость действий государств для граждан и организаций.

Нормативно-правовые акты основаны на следующем принципе: ограничительная мера для беспрепятственного передвижения в целях защиты здоровья населения должна быть равноправной и справедливой. Как только позволит эпидемиологическая ситуация, такая мера должна ослабевать или отменяться.

Для предотвращения полного локдауна страны ЕС обязаны каждую неделю предоставлять Европейскому центру профилактики и контролю заболеваний (ECDC) необходимые сведения: официальное число зараженных COVID-19 на

Кузнецов Аркадий Владимирович — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Кузнецов А. В., 2020

100 тыс. населения за последние 14 дней, а также общее количество примененных тестов на COVID-19 за последние 7 дней на 100 тыс. населения и процент тестов с положительным результатом за последнюю неделю [1]. Так, на основании статистических данных ECDC публикует раз в семь дней карту Европейского союза с делением стран на регионы для помощи властям государств ЕС принимать последовательные решения по борьбе с COVID-19.

Зоны по степени эпидемиологической ситуации с COVID-19 на карте ЕС отмечаются зеленым, оранжевым и красным цветами, обозначающими число заражений COVID-19 на 100 тыс. человек населения. Вводится и серый цвет, который обозначает, что используется недостаточное количество тестов на COVID-19.

Так, ECDC подчеркивает, что государства — члены ЕС не вправе ограничивать граждан ЕС в свободном перемещении в зеленые зоны или из данных зон. Чтобы ограничения были введены, необходимо учитывать эпидемиологические различия между красными и зелеными зонами эпидемиологической обстановки для принятия пропорциональных мер. В соответствии с договором о ЕС (ст. 3 ч. 2) «союз предоставляет своим гражданам пространство свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ, в рамках которого обеспечивается свободное передвижение лиц...» [2].

В договоре государства — члены ЕС не должны отказывать во въезде гражданам других стран ЕС. Если страны какого-либо государства ЕС вводят ограничения, то они могут потребовать от приезжих из неблагополучных зон, кроме зеленых, либо отправиться на карантин до 14 дней, либо произвести тестирование на месте по прибытии [2]. Путешественникам предоставляется возможность предъявить тест, проведенный до их приезда в определенную часть ЕС.

Государства — члены ЕС могут также запросить, [3] чтобы въезжающие на их территорию граждане заполняли определенные эпидемиологические бланки с указанием своего местоположения. Предлагается разработать общий европейский и российский эпидемиологический бланк, который будет применяться совместно в странах ЕС и Российской Федерации (РФ). Таким образом, граница ЕС и РФ пересекается и логичным решением видится введение единого эпидемиологического бланка, который сможет дать информацию о здоровье приезжающих граждан в принимающую страну, в том числе Россию. В качестве примера можно привести действие Европротокола для оформления дорожно-транспортного происшествия без сотрудников государственной автомобильной инспекции на территории РФ. Стоит отметить, что Европротокол введен во Франции. Изначально он помогает сторонам придти к совместному соглашению и без полиции Французской Республики решать вопрос о страховых выплатах во внесудебном порядке.

Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) представляет собой международный договор, закрепляющий основные права и свободы человека и действует для стран Совета Европы, в том числе России. Страны, которые подписали и ратифицировали данный договор, должны следовать зафиксированным в нем положениям. Более того, права и свободы, гарантированные Конвенцией, носят абсолютный характер. Другими словами, можно высказать предположение о том, что такие права и свободы не могут быть ограничены ни при каких условиях [4]. Таким образом, Конвенция — это единый свод законов для подписавших и ратифицировавших ее государств.

Обратим внимание на существенные ограничения, которые не учитываются в отношении ответственности при осуществлении права на жизнь. Речь идет о ст. 2 Конвенции и одновременно обязательстве по отмене смертной казни (ст. 1, 2, 3 Протокола № 6; ст. 1, 2 Протокола № 13 к Конвенции). Как правило, суще-

ствуют исключения в виде гибели людей в результате правомерных военных действий, а также запрета любых пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 3 Конвенции). Так, согласно п. 1 ст. 4 Конвенции, введен полный запрет рабства и систематических принуждений человека к каким-либо действиям либо бездействию в интересах других лиц, проживающих на конкретных территориях, созданных в результате долговой кабалы или крепостного права и т. д. Статья 7 Конвенции запрещает осуждать человека за противоправное деяние, которое в момент его осуществления не являлось истинным уголовным преступлением. Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции сообщает о том, что вводится запрет за повторное осуждение или наказание в уголовном праве.

Рассматривая ограничительные меры, обратимся к ст. 5 Протокола № 7 к Конвенции, которая гласит, что государству разрешается принимать такие ограничительные меры, которые следует соблюдать для «интересов детей». Пункт 2 статьи 8 Конвенции указывает на ограничение в праве на частную жизнь лишь в тех случаях, если такое «ограничение предусмотрено законом и обязательно к исполнению в демократическом обществе в потребностях национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц» [5]. В п. «е» ст. 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» Конвенции раскрывает содержание ограничения о законном заключении под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, в том числе COVID-19.

Обобщая все изложенное выше об ограничениях, резюмируем, что данные ограничения предусмотрены в интересах общества в целом, а не отдельных его элементов. В частности, такие ограничительные меры созданы для различных нестандартных правовых ситуаций, в том числе чрезвычайных ситуаций, военных действий, инфекционных заболеваний и других.

Обратим внимание на тот факт, что Конвенция имеет норму отступления от обязательств по особому основанию, в частности в связи с чрезвычайными ситуациями. В п. 1 ст. 15 говорится о том, что в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву [6]. При этом исключительные ситуации Европейский суд характеризует как кризисные. Данное положение применимо к ситуациям, когда граждане не защищены злоупотреблениями от властей государств.

Как следует из ст. 15 Конвенции, отступление от обязательств по соблюдению прав возможно только при выполнении целого ряда условий. Следует привести в качестве примера такие условия, которые не относятся к числу абсолютных. Первое условие — наличие войны между государствами или иных чрезвычайных ситуаций, которые угрожают жизни людей. Европейский суд по правам человека (далее — Суд, ЕСПЧ) определил чрезвычайные ситуации как «исключительную ситуацию недостатка или высокого уровня угрозы, затрагивающую все население, которая представляет угрозу мирной жизни населения», о чем говорится в постановлении ЕСПЧ по делу *Lawless v. Ireland* от 1 июля 1961 г. (жалоба № 332/57, § 28). Угроза должна быть настолько значительной, что обычные меры, которые допустимы в сходстве с Конвенцией, оказываются явно неудовлетворяющими

ситуации. Оценка же угроз определяется Судом на основе определенных обстоятельств конкретного дела.

Итак, чрезвычайные ситуации (ЧС) — это такие ситуации, которые представляют опасность для всего общества. ЧС в основном возникают в случаях гражданской войны или военных действий. ЧС созданы для введения особой зоны и введения комендантского часа с ограничением появления людей в определенное время, а также местах, объявленных зоной ЧС. Например, в деле «А. и другие против Соединенного Королевства» Суд дал оценку угрозе террористических актов как достаточному основанию для уклонения страны от ответственности, считая конкретную угрозу неминуемой на основании того, что данные акты нападения могут произойти практически в любой момент. Вместе с тем в фазе отступления от ответственности террористических актов не было произведено заключение на территории Соединенного Королевства, но Суд в этом деле вынес решение. Суд пояснил, что требование наличия опасности применимо в данном случае в отношении грядущих угроз и не может быть истолковано до такой степени узко. Следовательно, Суд хотел внести обязательство, т. е. ждать наступления бедствия до того момента, как принимать меры по его преодолению (постановление ЕСПЧ от 19 февраля 2009 г. по делу *A. And others v. United Kingdom*, жалоба № 3455/05, § 177).

Рассматривая вопрос об отступлениях от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях в соответствии со ст. 15 Конвенции, Суд наделяет Высокие Договаривающиеся Стороны, входящие в Конвенцию, большой свободой действий для принятия окончательного распоряжения о характере и объеме ослабляющихся мер, следуемых для прогнозирования чрезвычайной ситуации. Итак, Суд будет давать оценку, являлись ли эти меры «строго обязательными». Известны примеры, когда отступающая мера воздействует на основное право Конвенции.

Суду необходимо убедиться, что примененная мера абсолютна оправдана важными условиями чрезвычайной ситуации, в том числе гарантированы адекватные обязательства против злоупотреблений Конвенции. Это и есть право на свободу и личную неприкосновенность (постановление ЕСПЧ от 19 февраля 2009 г. по делу *A. And Others v. the United Kingdom*, жалоба № 3455/05, § 184).

Предлагаем проанализировать конституционно-правовые ограничения в странах ЕС, которые введены в сентябре — октябре 2020 г. В Европейском союзе появилось новое понятие «локдаун»: *lock* в переводе с английского означает «запирать», а *down* — «усилить». Вместе два слова в переводе на русский язык означают «изоляция». Многие европейские и российские политики используют данный термин. По нашему мнению, анализ правовых характеристик этого понятия необходим для рассмотрения конституционно-правовых ограничений, выявления теоретических и практических проблем реализации данных ограничительных мер.

Охарактеризуем положительные и отрицательные критерии локдауна. К положительным критериям можно отнести замедление распространения инфекции, что позволяет правительствам стран получить время для приведения в порядок системы здравоохранения. В числе отрицательных критериев — потеря рабочих мест, обнищание населения и значительные убытки для бизнеса.

Швейцарская Конфедерация ввела обязательный масочный режим. Маски обязательны во всех общественных местах, которые доступны для общества, включая транспорт и автобусные остановки. Запрещены любые собрания более 15 человек. Исключение составляют политические и общественные акции. Речь идет не о полном, а о частичном локдауне.

По распоряжению правительства Итальянской Республики бары должны закрываться в 18 часов, рестораны и другие заведения — в полночь. Официанты могут обслуживать только клиентов за столиками и не более шести посетителей за одним столом. Отменены все уличные выставки и массовые мероприятия. Правительство Итальянской Республики наделило регионы, в частности мэров итальянских городов, правом самостоятельно вводить ограничения в своих субъектах. По информации экспертов, власти страны могут в ближайшее время усилить карантинные меры. В Итальянской Республике введены жесткие меры по борьбе с вирусом, но речь идет о частичном локдауне.

Перейдем к опыту Словении в борьбе с COVID-19 и установлениям ограничений, в том числе попыткам введения локдауна. Правительство Республики Словения на 30 дней вводит режим «самоизоляции», который позволяет правительству усилить мероприятия, направленные против распространения вируса. В начале пандемии правительство Словении не исключало возможности закрытия непродовольственных магазинов, которые не продают товары первой необходимости, введения дополнительных ограничений на въезд в Словению из соседних государств, в том числе стран ЕС [7].

Во Французской Республике за неделю, с 5 по 11 октября 2020 г., выявили на 53 % больше новых случаев COVID-19, чем неделей ранее. В Париже и остальных крупных городах начал действовать режим самоизоляции. Вводится ограниченный режим перемещений для граждан по самым необходимым делам, при покупке продуктов питания и лекарственных средств. Разрешены прогулки не более часа в районе одного километра от места проживания [8]. Меры, принятые во Французской Республике за данный период, можно классифицировать как введение локдауна.

В Великобритании более мягкие ограничения по сравнению с Францией. Введена система региональных ограничений, принятая правительством премьер-министра Бориса Джонсона, на основании которой мощность ограничительных мер в районе зависит от уровня заболеваемости вирусом. Так, Правительство Великобритании планирует перевести город Манчестер в зону с очень высоким уровнем заболевания COVID-19. Таким образом, власти Великобритании решили наделить регионы полномочиями по введению локдауна на конкретных территориях.

В заключение обратим внимание на то, что страны ЕС каждую неделю предоставляют статистические данные в Европейский центр профилактики и контроля заболеваний по числу заражений COVID-19. На территории ЕС введены специальные зоны, которые отмечены зеленым, оранжевым, красным цветами. Зеленый цвет означает благоприятную обстановку, красный — говорит о высоком уровне заражения, соответственно, в таких зонах вводятся конституционно-правовые ограничения.

На основании анализа Европейской Конвенции о правах человека нами сделан вывод о том, что ее положения предусмотрены в интересах общества в целом, а не отдельных его элементов. Статья 5 Конвенции гласит о правах на свободу и личную неприкосновенность. В данной статье раскрываются ситуации, когда могут наступать правовые ограничения. Нами рассмотрено понятие чрезвычайных ситуаций, которые вводятся в основном в военное время. Проанализировано новое понятие «локдаун», пришедшее к нам из-за рубежа. Предусмотренные меры ограничений в мирное время необходимы в качестве профилактики инфекций, в частности COVID-19. Ограничительные меры устанавливаются, по нашему убеждению, для разрешения различных нестандартных правовых ситуаций, в том числе чрезвычайных ситуаций.

Литература

1. Совет ЕС одобрил рекомендации по ограничениям свободы передвижения из-за пандемии [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2020. 14 октября. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/74147> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Четвериков А. О. Договор о Европейском союзе (новая редакция) [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73664449/> (дата обращения: 10.11.2020).
4. Осипов А. Границы в ЕС: Евросоюз разделен на эпидемиологические зоны из-за коронавируса [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2020. 13 октября. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/217194/4303293> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Ограничение прав граждан в странах Совета Европы на фоне пандемии вируса COVID-19 [Электронный ресурс] // Комитет против пыток. 2020. 15 апреля. URL: <https://www.rutkam.net/sites/default/files/obzor.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).
6. Европейская конвенция по правам человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 10.11.2020).
7. Борисов (Подгорица) А., Гасюк А., Долгополов Н., Забродина Е., Ковалева Д. COVID-19.10.20. Европа вводит более жесткие ограничения, пытается остановить коронавирус // Российская газета. 2020. 19 октября.
8. Прокофьев В. Во Франции 30 октября вновь введут режим самоизоляции // Российская газета. 2020. 28 октября.

Контактные данные:

Кузнецов А. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: kuznetsov-ark@yandex.ru.

Contact Details:

Kuznetsov A. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: kuznetsov-ark@yandex.ru.

Левин В. В.

Особенности судебной практики в России как основы прецедента

Levin V. V. Features of Judicial Practice in the Russia as the Basis of Precedent

Статья посвящена анализу судебной практики как основы правотворческой деятельности в Российской Федерации (РФ), на базе которой возможно создание прецедента. Прецедентное право в России носит рекомендательный характер и не является обязательным актом правоприменительной практики. Признаки прецедентного права отражены в мотивированной части решений судов в России, а также в определениях Конституционного Суда РФ и постановлениях Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ.

Ключевые слова: судебная практика, прецедент, правотворчество, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, Европейский суд по правам человека.

The article is devoted to the analysis of judicial practice as the basis of law-making activity in the Russian Federation, on the basis of which it is possible to create a precedent. Case law in Russia is Advisory in nature and is not mandatory for law enforcement practice. Courts use the signs of case law in their decisions in the reasoned part. Signs of case law is a ruling of the constitutional court of the Russian Federation and regulations of the armed forces of the Russian Federation.

Keyword: judicial practice, precedent, law-making, the constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration court of the Russian Federation, European court of human rights.

Особенности и природа практики судебной деятельности всегда были в центре внимания ведущих юристов-правоведов. Большое количество аналитических суждений относительно судебной практики представлено уже в литературных источниках дореволюционного периода.

В трудах Д. Д. Грима содержатся высказывания о том, что практика судебной деятельности в итоге может привести к формированию совершенно новых правовых норм, исходя из того, что уже была прежде создана судебная правовая практика, которая толковала те или иные нормы, либо в силу авторитетности высшего суда, от которого практика исходит [1, с. 154]. В качестве самостоятельного источника права судебная практика признавалась Н. М. Коркуновым, считающим ее чем-то средним между обычаем и законом [2, с. 298].

Независимую оценку по вопросу судебной практики выражал Ю. С. Гамбаров, полагая, что практика судебной деятельности как источник права имеет своеобразную природу ввиду того, что лишена с формальной точки зрения статуса обязательности, однако все равно имеет возможность быть признанной в качестве таковой, в отличие от единичного судебного решения [3, с. 340].

Существовали и противоположные мнения. К примеру, Г. Ф. Шершеневич не относил судебную практику к источникам гражданского права и утверждал в

Левин Владимир Владимирович — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Левин В. В., 2020

своих трудах, что данная практика является ознакомительной и не является обязательной [4, с. 42]. Чрезвычайно интересным в данном аспекте выглядит анализ судебной практики в России со стороны В. Батлера. В своей статье «Роль прецедентного права в российской правовой системе» он заключает, что по сравнению с существующими правовыми системами, которые ориентируются на прецедентное право Англии, США, страны европейского региона, в России не сложилась такая практика ввиду отсутствия каких-либо предпосылок к этому [5, с. 337]. В свете предпосылок к созданию прецедента В. Батлер проводит анализ понятий образования и юридической профессиональной деятельности, которые в своей основе и формируют прецедентную правовую систему [5, с. 337].

Если провести анализ образования и юридической профессии в России, становится объяснимым, почему не сложились предпосылки к практике прецедента. Во-первых, образовательные ведущие организации появились только в 1755 г. в Москве и в 1802 г. в Санкт-Петербурге. Речь идет об университетах, в которых анализировали юридическую практику и готовили юристов. Система власти, т. е. управления, в Российской империи была отделена от исполнения судебных функций вплоть до 1864 г., хотя на тот момент институт профессиональной адвокатуры был уже сформирован. Кроме того, законы не публиковались в печати до 1649 г., а судебная практика не находила своего освещения до 1866 г. Только со второй половины XIX в. начали выходить в свет в печатных изданиях сборники постановлений департаментов Сената [6, с. 141–189]. Значит, если юридическая практика как основа прецедента не находила в публикациях своего освещения, значит, она и не имела значимой роли в деятельности юристов и судей [5, с. 337].

В эпоху СССР тематика судебной практики интересовала многих авторов, но ее содержание было направлено на прикладные аспекты и в большей мере в отраслевое русло [7]. К числу наиболее значимых трудов того времени можно отнести работы под редакцией С. Н. Братуся «Судебная практика в советской правовой системе» (1975) и «Судебная практика как источник права» (1997). Исходя из анализа трудов, посвященных проблематике судебной практики, несложно обнаружить различные мнения о ее интерпретации.

В одних исследованиях практику подразделяли на два подвида. К первому относили судебную деятельность, ко второму — результаты данной практики. Такое толкование можно встретить в трудах видного деятеля в сфере права С. С. Алексеева [8, с. 84]. Интерес представляют авторитетные мнения, которые трактуют судебную практику в широком и узком смыслах. В работах В. А. Туманова и Г. Т. Тшкелиадзе, в одном толковании, к судебной практике относилась вся совокупность деятельности судебных органов по различным направлениям. В более узком понятии практика понималась как деятельность, формирующая определенные нормы, обобщения и правила, которые были в дальнейшем обязательны [9].

Говоря о формирующих основах системы прецедентного права, в которые входят результаты судебной практики, можно увидеть в данном аспекте расхождение мнений исследователей. В своих трудах С. С. Алексеев указал на тот факт, что правовоположения как итоговая результативная часть судебной практики служит одной из ее форм, наряду с суждениями и подзаконными формами применения норм права. К своим комментариям автор дополняет мысль о том, что внешними формами выражения судебной практики являются как отдельные судебные акты, принятые по тому или иному делу, так и акты практики толкования норм высшими судебными органами [8, с. 91]. В трудах С. В. Бошно к пониманию результативной части деятельности судов высшей инстанции относятся и постановления Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, и письма высших

судебных инстанций по определенным делам, имеющим принципиальное значение, кроме того, еще и письма судей Высшего Арбитражного Суда с приложениями [10, с. 28].

Однако существуют менее развернутые представления в анализе судебной деятельности как практики нормотворчества. Н. А. Рогожин, занимающийся правовой деятельностью в сфере предпринимательской деятельности, к итоговой части судебной практики относил только акты высших судебных инстанций и не включал в данную сферу практику решения по конкретным делам [11, с. 7]. Между тем А. Б. Венгеров и С. Н. Братусь относили к основам судебной практики момент возникновения необходимости к толкованию норм права, чтобы правильно их применять. Такая точка зрения высказана ими в их статье, вошедшей в сборник судебной практики в советской правовой системе [12, с. 8]. В своей работе С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров не относят к судебной практике решения судов и определения надзорных и кассационных инстанций.

Итак, анализируя работы исследователей в области права, нельзя не обратить внимание на разнообразное толкование понятия судебной практики. Одни исследователи говорят о судебной практике как о деятельности судебной системы в целом и ее результатах. Другие относят к практике лишь результативную часть деятельности судов, которая приводит к образованию правовых основ по итогам толкования или конкретизации норм закона. Остальные исследователи подразумевают под судебной практикой только деятельность судов высшей инстанции [6, с. 141–189].

Несмотря на разнообразие элементов, характеризующих понятие судебной практики в широком или узком значении, бесспорным является тот факт, что авторитетность и значимость судебной практики исходят из ее убедительности, напрямую зависящей от авторитета инстанции, которая ее вырабатывает. Данное заключение сделано С. И. Вильнянским, размышляющим о прочности и силе правоположений, которые вырабатывают судебные инстанции, имея в виду авторитетность и иерархичность судов [13, с. 242].

Судебная практика не может являться источником права, особенно при правовых системах, входящих в число систем общего права. Но определенные вырабатываемые позиции в ходе судебной практики важно учитывать и попытаться определить, возможно ли в нашей правовой системе найти основания для закрепления этих позиций в качестве источников права, создающих прецедент. В большинстве случаев практики прецедента источниками права признаются решения высших судов. Следовательно, целесообразно проанализировать судебную практику высших инстанций судебной власти, рассматривая ряд актов Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

Наряду с анализом судебной практики высших судебных инстанций очень важно и необходимо обратить внимание на особенности правоприменительной практики в области прав человека, которые регламентируются Конвенцией о защите прав человека. В данном направлении российской судебной практике нужно осуществлять правотворчество исходя из актов Европейского суда по правам человека. В российскую систему судов не включен Европейский суд по правам человека, но Российская Федерация приняла решение о вступлении в Совет Европы. Данное обстоятельство означает, что с периода такого вступления, с 1996 г., к обязательным требованиям права в России стали относиться и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., а также последующие нормативные требования к ней.

С учетом того, что Россия исходит из политики следования общепризнанным принципам и нормам международного права и международных договоров, Евро-

пейский суд стал частью правовой системы российского государства в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Вследствие данного факта все решения, принимаемые Европейским судом по делам о нарушении конвенциональных прав со стороны государства, которые принимаются в соответствии с заявлениями физических и юридических лиц, являются обязательными к исполнению, так как Российская Федерация наряду с многими государствами подчинила себя юрисдикции вышеуказанного независимого наднационального судебного органа [6, с. 141–189].

Из вышеизложенного следует, что судебная система РФ, к задачам которой относится и соблюдение прав и свобод личности, дополнена еще и международным судебным контролем. Значит, теперь деятельность судов в России и Европейского суда, направленная на разрешение претензий по поводу нарушений в области прав и свобод человека, стала тесно взаимосвязанной. Данная взаимосвязь подчинена единой основной задаче, на которую нацелено международное и государственное судопроизводство, — защите прав и основных свобод личности при соответствующем уровне охраны правопорядка.

Вместе с тем может возникнуть вопрос по поводу того факта, что правосудие в европейском судопроизводстве формирует основные положения конвенциональных требований в постепенном порядке и закрепляет права и свободы человека не только исходя из текста Конвенции, но и еще и из практики решений Суда. Следовательно, Европейский суд по правам человека действует на основе принципов прецедентного права и признает его. В этом случае уместен вопрос о том, не будет ли российская судебная практика противоречить прецедентной деятельности Европейского суда. Ввиду ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которой все общепризнанные нормы и принципиальные позиции международно-правовых стандартов становятся неотъемлемой частью правовой системы нашей страны, можно однозначно утверждать следующее: все правовые позиции, которые определяются Европейским судом по правам человека, его толкования положений Конвенции и Протоколы к ней, а также сами прецеденты по правам человека, создаваемые судом, в отношении Российской Федерации носят обязательный характер [14].

Кроме того, вышеизложенное дает основание предполагать, что правовая судебная практика Европейского суда является в настоящее время составной частью российского права, и с юридической точки зрения сила правовых норм, зафиксированных в решениях Европейского суда по правам человека, соразмерна с силой норм нашей Конституции. Итак, прецедент в данной части является источником права в России.

Рассматривая судебную практику высших судебных органов, сначала проанализируем деятельность и акты Конституционного Суда РФ. В сравнении с другими судами в нашей стране Конституционный Суд РФ в соответствии с Конституцией России и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1991 г. [15] занимает определенное положение и имеет отличия. Если исходить из позиций характеристик функциональной направленности Конституционного Суда РФ, то очевиден тот факт, что в основе деятельности этого органа судебной власти находится процесс конституционного судопроизводства, а значит, в соответствии с порядком организации деятельности государственной власти в Российской Федерации и правовым регламентом самой направленности Конституционного Суда, его деятельность является преобладающей [16, с. 24]. Природа принимаемых актов по позициям соблюдения конституционности в нашей стране вызывает споры у юристов. Одни из них считают данные акты источниками права, другие — нет [6, с. 141–189].

Но и среди приверженцев утверждения о том, что судебная практика Конституционного Суда РФ предвещает практику создания источников права, мнения разделяются. Часть исследователей считают акты Конституционного Суда РФ прецедентом, другие относят данные акты всего лишь к природе нормативных актов [17, с. 124–125].

Чтобы разобраться в этом вопросе по существу, необходимо рассмотреть характерные признаки прецедента как источника права. Во-первых, в прецеденте все решения по конкретным делам должны в дальнейшем быть пригодны для рассмотрения дел идентичной направленности. Во-вторых, чтобы такой принцип продолжил свое существование, он должен быть признан государством, что может выражаться в последующей практике применения норм, отнесенных к источникам права. Наконец, для прецедента значим и принцип общей доступности. Кроме того, очень важно понимать разницу между понятиями обязательности принятого решения (резольютивной частью) и принципом обязательности, который заложен в принятое решение.

Посредством анализа данных позиций в актах Конституционного Суда РФ нами установлено, что их правовая природа отличается. Если говорить об обязательности принимаемых Конституционным Судом РФ решений (резольютивной части), которая регламентируется ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», то она не будет являться основанием того, чтобы признавать данные решения прецедентами. Такая особенность регламентируется особым статусом Конституционного Суда РФ в общей системе органов государственной власти.

Исходя из особой статусной позиции Конституционного Суда РФ, важно обратить внимание на отличительные особенности решений, которые принимаются данным судом по делам о несоответствии требованиям Конституции тех или иных правовых норм. Все эти решения по своей природе гораздо ближе к нормативным актам, поскольку чаще всего Конституционный Суд РФ не рассматривает дело, по поводу которого принят акт, выносимый в дальнейшем на рассмотрение Конституционного Суда РФ для определения его соответствия требованиям Конституции. Однако в своей практике Конституционный Суд РФ осуществляет процесс рассмотрения сути вопроса, который ставится перед судом, не выходя за его рамки.

Следует обратить внимание на так называемый признак верховенства над законом решений Конституционного Суда РФ, который резко расходится с системой прецедента. Прецедентное право не предусматривает возможности отмены закона, хотя закон обладает такой возможностью для отмены прецедента. В случае с решениями Конституционного Суда РФ ситуация выглядит иначе. Если Конституционный Суд РФ в процессе заседания признает ту или иную норму не соответствующей Конституции, то своим решением он с юридической точки зрения признает ее недействительной и необязательной к исполнению, и иные новые принятые правовые положения и нормы не способны будут такое решение отменить. Следовательно, все решения Конституционного Суда обладают с юридической точки зрения более высоким статусом, нежели нормы закона.

Для прецедентной правовой системы в основах заложен подзаконный характер источников права, что можно наблюдать в системе права стран, которые опираются на прецедент как источник права (в США, Великобритании) [6, с. 141–189]. Кроме того, характерная особенность прецедента связана с приемлемостью принятой нормы по определенному делу для других судов того же уровня или нижестоящих по схожим делам. С этих позиций решения Конституционного Суда не приемлемы. Все решения о признании нормы закона соответствующей

или несоответствующей положениям Конституции РФ, которые принимаются Конституционным Судом, по статусной природе не могут приниматься другими судами по аналогичным делам [18].

Итак, акты Конституционного Суда РФ не могут являться прецедентом ввиду того, что при принятии таких решений отсутствует иерархия судов, которые могут принимать аналогичные решения, а это один из признаков прецедента. Очевидна нормативная суть решений Конституционного Суда РФ, и их нельзя отнести к основам прецедентного права. Допускаем возможность лишь вести речь о решениях по спорам о компетенции. Однако акты такого порядка очень редки, и говорить об их отношении к системе прецедента сложно.

Анализируя судебную практику Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, необходимо сразу отметить, что полемика о правовой природе актов данных судебных инстанций, в частности относительно постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, для российской науки — явление традиционной направленности. Упомянув об анализе судебной практики Высшего Арбитражного Суда РФ, не имеющего полномочий в настоящее время в связи с его упразднением, подчеркнем, что правовая практика до сих пор позволяет ссылаться на решения данного суда. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и Прокуратуре Российской Федерации» с 6 августа 2014 г. Высший Арбитражный Суд РФ упразднен, а все его юрисдикционные полномочия переданы в ведение Верховного Суда РФ, с приданием ему статуса единоличного высшего судебного органа. Сегодня полномочия для решения споров в сфере экономических отношений переданы Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (так называемой второй кассации). Кроме того, Федеральный конституционный закон закрепляет в настоящем обязанность Верховного Суда РФ осуществлять надзор за деятельностью судов и давать разъяснения по вопросам судебной практики. При этом Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» установлено, что юридические значения постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ сохраняют силу, а судьи Верховного Суда РФ смогут ссылаться на них в своих решениях.

Анализируя судебную практику Верховного Суда РФ и его решения, охарактеризуем признаки прецедента и сравним их с актами вышеуказанной инстанции. Исходя из особенностей правовой природы постановлений высших судебных инстанций, в частности Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, которые в своих исследованиях анализируют правоведа, нельзя не заметить, что к данным актам применяется понятие «правоположения». Такое понятие исследователями воспринимается в качестве общего положения, которое сложилось в процессе судебной практики и неоднократно применялось судами по схожим делам [19, с. 10].

В своих комментариях С. С. Алексеев определяет правоположения как «объективированные сгустки правосознания», называя их специфическим явлением права, которое находится на границе норм права и правосознания [8, с. 94]. В исследованиях других ученых в области права существуют иные толкования. О правоположениях как об обычае высказался В. И. Леушин [20, с. 13], а В. П. Ретов называл их прообразами норм [21, с. 10]. В. В. Лазарев писал о правоположениях как о «поднормативных средствах правового воздействия на отношения в обществе» [22, с. 7]. С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров в своих работах ведут речь об отсутствии санкций в правоположениях, что, по их мнению, является основанием не считать их нормами права [23, с. 25–26]. Но, исходя из положений те-

ории государства и права, можно заключить, что в правовой системе существуют нормы, которые не имеют санкций, однако находят свою реализацию и успешно функционируют [24].

Из содержания теории права следует, что нормы, закрепленные в постановлениях Пленумов, становится возможным отнести к нормам права. Нельзя не согласиться с мнениями, которые однозначно включают разъяснительную практику Пленумов в сферу профессиональной деятельности одних лишь судей и лиц, связанных с судебными органами [25, с. 53]. Несмотря на то, что Верховный Суд РФ порой выносит постановления об определенных нормативно-процессуальных основах, данный факт не означает, что такие разъяснения приемлемы только для судей и не нужны тем, кто не связан с судами. В данной ситуации пришлось бы утверждать, что большое количество положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», положения Гражданского процессуального кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ, иных нормативных актов имеют отношение лишь к работникам суда.

Сравнивая деятельность высших инстанций судебной власти с признаком признания со стороны государства, как необходимого элемента прецедента, становится очевидным, что такое признание со стороны государства присутствует в виде закреплений в статьях кодексов (ч. 4 ст. 170 АПК РФ). Кроме того, все решения Пленумов ввиду своего авторитета характеризуются высокой степенью признанности и исполнительности со стороны судов и других инстанций [26, с. 49]. Наличие же признака общеизвестности не отрицается, постановления подлежат опубликованию. Таким образом, можно констатировать, что постановления Пленумов Верховного Суда РФ являются источником права. Однако по своей сути они представляют собой подзаконные нормативные акты, но не относятся к прецедентам.

Характеризуя решения высших судов по конкретным делам, многие авторы признают, что нижестоящие суды всегда учитывали опубликованную практику высших судов в качестве ориентира в вопросах правоприменения и толкования права, устранения пробелов и применения закона или права по аналогии [27]. Вместе с тем уникальность российской системы права заключается в том, что судебная практика, постановления Пленумов Верховного Суда РФ не могут толковаться судами буквально и порой позволяют допускать своеобразную интерпретацию. Иногда подобная правоприменительная практика способна вызывать недоверие к суду в обществе.

Законы в некоторых случаях имеют различную степень разночтений при толковании. Поэтому система прецедента могла способствовать, на наш взгляд, процессу четкого закрепления принятых законов посредством судебной практики, которая в настоящее время не может относиться к системе прецедентного права. Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и акты Конституционного Суда РФ необходимо переводить в разряд источников самостоятельного права, которое можно использовать как прецедентное. Такая правовая политика позволит в дальнейшем закреплять акты высших судебных инстанций в форме норм права, а значит, избегать неправильного их толкования.

Подводя итоги анализа судебной практики и мнений о наличии в российской системе права основ прецедента, справедливо сделать вывод о том, что к источникам права прецедентной направленности возможно отнести лишь решения Европейского суда по правам человека. Анализ практики других высших судебных органов власти не дает оснований говорить о системе прецедента, хотя это вполне объяснимо с точки зрения правовой системы, су-

ществующей в России. В современном обществе ведутся дискуссии об участии судебной власти в правотворческом процессе. Данный процесс необходимо увязать с требованиями Конституции РФ. Для осуществления правотворчества Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ должны обладать правом законодательной инициативы и иметь полномочия по внесению в Государственную Думу РФ проектов законов, которые касаются предмета их ведения. Такое направление может осуществляться, на наш взгляд, посредством оформления выводов о недостатках законодательства с преобразованием последнего в форму законопроектов для передачи на рассмотрение в Государственную Думу РФ. Полагаем, законодателю следует учитывать и такую возможность закрепления правовой практики.

Литература

1. *Гримм Д. Д.* К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 154–155.
2. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: магазин Н. К. Мартынова, 1909. 354 с.
3. *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 780 с.
4. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. 480 с.
5. *Butler W. E.* The role of case-law in the Russian legal system // Judicial records, law reports, and the growth of case law / ed. by J. H. Baker. Berlin: Duncker & Humblot, 1989. 352 p.
6. *Лозовская С. В.* Правовой прецедент: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 241 с.
7. *Орловский П.* Значение судебной практики в развитии советского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9; *Исаев М. М.* Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник уголовного права // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР. 1947. Вып. V. С. 75–88; *Безина А. К.* Судебная практика и развитие советского трудового права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971. 131 с.; *Соболев С. А.* Судебная практика как источник трудового права // Вестник Удмуртского университета. 1996. № 1. С. 39–46; *Головина С. Ю.* Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 178 с.
8. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: курс лекций. В 2 т. Т. 2. Свердловск, 1973. 401 с.
9. *Туманов В. А.* Роль судебной практики в развитии советского права // СССР-Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения: сб. ст. М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1987. С. 35–43; *Ткешелидзе Г. Т.* Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 175 с.
10. *Бошно С. В.* Судебная практика: способы выражения // Государство и право. 2003. № 3. С. 19–29.
11. *Рогожин Н. А.* Судебная практика как источник правового регулирования предпринимательской деятельности // Юрист. 2003. № 10. С. 6–10.
12. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. М.: Юрид. лит. 328 с.
13. *Вильнянский С. И.* Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР. Вып. 9. 1947. С. 239–290.
14. Решение по вопросу приемлемости жалобы № 67578/01 «Николай Дмитриевич Рошка против Российской Федерации» // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 120; Решение по вопросу приемлемости жалобы № 31697/03 «Леван Валерьевич Бердзенишвили против Российской Федерации» // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 129.

15. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
16. *Эбзеев Б. С.* Конституционный Суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции // Комментарий к постановлениям Конституционного Суда в Российской Федерации. Т. 1. М.: Юрист, 2000. С. 24–25.
17. *Лучин В. О., Доронина О. Н.* Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1998. 258 с.
18. *Сокерин К.* Прецедент в России [Электронный ресурс] // ЮрКлуб. URL: <http://vurclub.ru/docs/theory/article5.html> (дата обращения: 20.08.2020).
19. *Венгеров А. Б.* Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 18 с.
20. *Леушин В. И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 22 с.
21. *Реутов В. П.* Юридическая практика и развитие законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 21 с.
22. *Лазарев В. В.* Правоположение: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
23. *Братусь С. Н., Венгеров А. Б.* Понятие и содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М.: Юрид. лит., 1975. С. 8–74.
24. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2001. 755 с.; Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, ИНФРА-М, 2010. 815 с.
25. *Загайнова С. К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002. 176 с.
26. *Лившиц Р. З.* Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49–57.
27. *Жуйков В. М.* Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. 320 с.; *Иванов С. А.* Судебные постановления как источник трудового права // Судебная практика как источник права. М.: Ин-т государства и права РАН, 1997. С. 24–33; *Зеленин С.* Пределы допустимой защиты // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 43–45.

Контактные данные:

Левин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Contact Details:

Levin V. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Полунина А. В.

Государственные органы государств — членов ЕАЭС в сфере миграции: понятие и основные направления деятельности

*Polunina A. V. State Bodies of the EAEU Member States in the Field
of Migration: Concept and Main Areas of Activity*

В статье рассмотрены вопросы взаимодействия государственных органов государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в области миграции. В частности, автор конкретизирует основные формы сотрудничества государственных органов государств — членов ЕАЭС в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. На основе проведенного анализа предлагается создание единой информационной базы сегментации вакансий на рынке труда ЕАЭС.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека и гражданина, взаимодействие государственных органов государств — членов ЕАЭС, правовые основы защиты прав и свобод мигрантов, единая информационная база.

The article deals with the issues of interaction of state bodies of the EAEU member States in the field of migration. The author specifies the main forms of cooperation between the state bodies of the EAEU member States in the field of protection of human and civil rights and freedoms on migration issues. Based on the analysis, it is proposed to create a unified information base for segmentation of vacancies in the labor market of the EAEU.

Keywords: protection of human and civil rights and freedoms, interaction of state bodies of the EAEU member States, legal framework for the protection of migrants' rights and freedoms, unified information base.

Деятельность участников межрегионального и приграничного взаимодействия государственных органов государств — членов ЕАЭС (далее — государственные органы) в сфере миграции носит синергетический характер. Данное обстоятельство, дополняемое аспектом повсеместного внедрения цифровизации, электронного документооборота, порождает научный и практический интерес. Ввиду динамично изменяющихся факторов жизнедеятельности сегодня представляется малоизученным вопрос о приоритетных формах и выборе основных направлений межведомственного взаимодействия государственных органов в сфере миграции.

Помимо государственных органов к ключевым субъектам межрегионального и приграничного взаимодействия в рамках ЕАЭС по вопросам миграции следует отнести органы муниципальной власти, общественные организации, бизнес и граждан государств-членов. В процессе практического взаимодействия и с учетом аспекта исторической общности интеграционного объединения ЕАЭС определены конкретные формы сотрудничества указанных субъектов:

- принятие межгосударственных, межрегиональных и межмуниципальных соглашений по основным направлениям деятельности на соответствующих уровнях, как в двустороннем, так и многостороннем порядке;

Полунина Анастасия Викторовна — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Полунина А. В., 2020

- проведение государственными органами совместной работы, направленной на разработку эффективных программ деятельности по основным пунктам сотрудничества;
- разработка стратегии деятельности координирующих органов в целях расширения сотрудничества;
- проведение различного уровня встреч, саммитов участников ЕАЭС с привлечением молодежных групп и молодых специалистов;

На территории постсоветского пространства невозможно представить современные интеграционные процессы в сфере миграции без доверительного сотрудничества органов государственной власти различного уровня на постоянной основе. При более детальном изучении деятельности государственных органов по взаимодействию в вопросах миграции целесообразно дать оценку степени активности данного взаимодействия. Примером межправительственного взаимодействия государств — членов ЕАЭС в области миграции, направленного на развитие межрегионального и приграничного сотрудничества, являются приоритетные межправительственные соглашения:

- Соглашение между Правительством Республики Армения и Правительством Республики Беларусь о взаимных безвизовых поездках граждан Республики Армения и граждан Республики Беларусь от 6 июня 2002 г.;
- Соглашение между Правительством Республики Армения и Правительством Республики Казахстан о взаимных поездках граждан от 6 ноября 2006 г.;
- Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Кыргызской Республики о порядке пребывания граждан Республики Казахстан на территории Кыргызской Республики и граждан Кыргызской Республики на территории Республики Казахстан от 11 мая 2012 г.

В целях регулирования работы, направленной на поддержание законности пересечения границ и пребывания на территории государства — члена ЕАЭС, важным результатом является подписание соглашения о реадмиссии. Соглашения по данному направлению заключены между Правительством Республики Беларусь и Правительством Кыргызской Республики, Правительством Республики Армения и Правительством Республики Казахстан, Правительством Республики Армения и Правительством Республики Беларусь.

Согласно предварительным данным, которые предоставила Федеральная служба государственной статистики, на 1 января 2019 г. численность населения Российской Федерации (РФ) составила 146,8 миллионов человек [1]. В 2018 г. количество жителей сократилось на 93,5 тысяч человек. Среди причин — уменьшение числа прибывших в РФ граждан и рост числа уехавших из страны. В 2019 г., по сравнению с 2017 г., миграционный прирост в России снизился на 41,1 %. Стоит отметить, что в 2019 г. территориальные органы Министерства внутренних дел РФ предоставили временное убежище 6,0 тысяч человек, кроме того, наблюдалось снижение численности беженцев и вынужденных переселенцев (например, 2017 г. — 10,4 тысяч человек) [2].

Таким образом, организация порядка привлечения и приема на рынок труда рабочей силы с территорий постсоветского пространства составляет важный аспект унификации правил в соответствующем направлении. Процесс гармонизации законодательства в области миграции затрагивает такие вопросы, как защита прав и свобод трудящихся-мигрантов, взаимодействие при решении вопросов в области управления миграционными процессами и создание необходимой миграционной инфраструктуры, социально-экономическое развитие. Соответственно, осуществление таких изменений возможно только при согласованном подходе

государственных органов, направленном на урегулирование внешних миграционных потоков с учетом решения вышеупомянутых задач.

В связи с этим при условии взаимодействия уполномоченных государственных органов целесообразно предложить создание единой информационной базы сегментации вакансий на рынке труда ЕАЭС с дифференциацией по отраслям. Наличие общего доступа к соответствующей информации повысит эффективность применения трудовых ресурсов на территории Евразийского союза. При условии предоставления возможности доступа к соответствующей информации о вакансиях будет достигнуто наличие единого правового обеспечения миграционных процессов, а также более прозрачного метода контроля со стороны общественности за предоставлением соответствующих льгот для трудовых мигрантов и членов их семей.

В современном мире важнейшим аспектом стабильного экономического развития общества является сфера инновации, что предполагает и необходимость государственного регулирования процессов в этой сфере, в частности сфере цифровой экономики. Значимость этого в настоящее время признается во многих странах мира, в том числе и в России [3]. Премьер-министр Правительства РФ Михаил Мишустин предложил создать на пространстве Евразийского экономического союза специализированную информационную систему в сфере трудовой миграции. Глава российского правительства считает важным привлечь Евразийский банк развития к проработке цифрового проекта для поиска вакансий, работа над которым уже начата Евразийской экономической комиссией. Реализация проекта обеспечит доступ к информации о вакансиях и соискателях на соответствующих ресурсах государств — членов союза [4].

Коэффициент эффективности трудовой деятельности в государствах — членах ЕАЭС напрямую зависит от ее разделения по категориям в соответствии с уровнем квалификации трудовых мигрантов. Данное разделение наблюдается в Соединенных Штатах Америки, где трудовые иммигранты подразделяются на ряд основных категорий: категорию приоритетных рабочих; лиц, имеющих ученую степень; квалифицированных работников; инвесторов и некоторые другие категории [5]. Вместе с тем основания, с учетом которых привлекаются специалисты, разделяются в зависимости от уровня экономического развития конкретного государства. Математика, медицина, компьютерное программирование, микробиология — наиболее приоритетные отрасли для зарубежных работников в США. В России значительной популярностью среди мигрантов пользуется деятельность в области строительства и недвижимости, оптовой и розничной торговли.

Создание баз данных по различным направлениям органов исполнительной власти государств — членов ЕАЭС представляется необходимым условием для урегулирования потоков трудовой миграции. Одним из ключевых условий создания совместного рынка рабочей силы на территориальном пространстве Евразийского союза видится систематизация данных налоговых, миграционных, социальных государственных органов ЕАЭС. В приоритетном порядке основу информационной базы должны составлять сведения о потребностях по конкретным специальностям; об уровне социальной поддержки; экономический уровень развития, как в отношении стран ЕАЭС, так и в отдельных регионах. База данных может предусматривать количественные и качественные показатели о мигрантах, характер их занятости, уровень социального обеспечения. Структурирование таких данных впоследствии напрямую отразится на повышении объективности в системе сбора данных, а также на повышении уровня миграционной статистики.

Положительный аспект в создании информационной базы — непрерывная информированность исполнительных органов и, как следствие, обоснованность

принимаемых решений в сфере миграционных процессов. Создание такого проекта, трактуемого временем цифрового прорыва, обусловлено прежде всего возможностью обмена соответствующей информацией среди государств — членов ЕАЭС.

Залогом эффективности предлагаемого общего рынка труда Евразийского союза может стать развитие специализированного международного органа по координации основополагающих направлений деятельности в сфере миграции и контролю за исполнительными институтами государств — членов ЕАЭС в рассматриваемой области правоотношений. Данная система предоставит новые возможности, при которых функционирование контрольного механизма миграционных процессов будет исходить из потребностей как отдельных государств, участвующих в миграционных процессах, так и интеграционного объединения ЕАЭС в целом.

Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК, Комиссия), включая представителей всех государств — членов интеграционного объединения ЕАЭС, представляет собой важный институт, деятельность которого направлена на рассмотрение вопросов взаимодействия с национальными государственными органами. ЕЭК в первую очередь рассматривает вопросы, относящиеся к системе функционирования и развития ЕАЭС, а также предлагает варианты развития Союза.

Целесообразно представить первостепенные направления деятельности Комиссии:

- зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин;
- установление торговых режимов в отношении третьих стран;
- статистика внешней и взаимной торговли;
- макроэкономическая политика;
- конкурентная политика;
- промышленные и сельскохозяйственные субсидии;
- энергетическая политика;
- естественные монополии;
- государственные и (или) муниципальные закупки;
- взаимная торговля услугами и инвестиции;
- транспорт и перевозки;
- валютная политика;
- охрана и защита результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ и услуг;
- трудовая миграция;
- финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок, рынок ценных бумаг);
- таможенно-тарифное и нетарифное регулирование;
- таможенное администрирование и др. [6, с. 170].

Необходимо отметить, что ввиду наличия сопутствующих неформальных, коммерческих интересов решения ЕЭК не всегда исполняются. В целях создания условий для неукоснительного исполнения соответствующих решений на национальном уровне представляется целесообразным рассмотрение вопроса о создании Единого исполнительного органа по контролю за сферами, относящимися к деятельности ЕЭК. В данном случае с большой долей вероятности возможно появление реальной ответственности за исполнение решений ЕАЭС на наднациональном уровне.

Договор о ЕАЭС (раздел XXVI), регламентируя правовое регулирование трудовой миграции, закрепляет положение, предусматривающее, что все го-

сударства — члены ЕАЭС взаимодействуют в целях однородной политики по вопросам привлечения мигрантов для реализации трудовой деятельности ими на пространствах Евразийского союза и регулирования трудовой миграции. Такое взаимодействие происходит путем сотрудничества государственных органов государств — членов ЕАЭС в разносторонних формах, например, с помощью обмена передовым опытом по результатам применения нормативных правовых источников, а также в поиске единых подходов и принципов в сфере трудовой миграции.

Судебная практика государств — членов ЕАЭС имеет широкий спектр решений в области применения основополагающих принципов и прав по вопросам занятости и труда. Так, Конституционный суд Республики Армения усмотрел в статьях 73 и 75 Трудового кодекса Республики Армения противоречие Конституции Республики Армения в части предоставления права на проведение забастовок и митингов только в связи с неурегулированными положениями трудового коллективного договора, ограничения проведения таковых при возникновении новых обстоятельств. Более того, в государстве предусматривался запрет на реализацию права забастовки на протяжении периода действия коллективного договора [7].

Исследовательский интерес представляет постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде», разъясняющего судам положение о том, что, согласно ст. 60 Конституции Республики Беларусь, в судебные органы по вопросам оспаривания отказа работодателя в заключении трудового договора имеют право обращения не только граждане Беларуси (перечень лиц регламентирован в ст. 16 Трудового кодекса Беларуси), но и лица, посчитавшие отказ в приеме на работу незаконным. В случае признания необоснованным отказ в приеме на работу суд постановляет об обязательстве работодателя заключить трудовой договор. При этом суд определяет срок исполнения данного решения [8].

В России на основании судебной практики суды учитывают тот факт, что при наличии факторов дискриминационного характера запрещается отказывать в заключении трудового договора, преимущественно беременным женщинам или при наличии детей. Однако вопрос о присутствии дискриминации в момент отказа в заключении трудового договора решается судом в индивидуальном порядке [9].

В ходе проведения анализа трудового законодательства государств — членов ЕАЭС в сравнительно-правовом аспекте, регламентирующего основные принципы и права по вопросам труда и занятости, можно отметить значительное влияние Концепции достойного труда Международной организации труда (МОТ) на правовое обеспечение ведения коллективных переговоров и признания права на свободу объединения. Так, в Российской Федерации, Республике Беларусь, Кыргызской Республике расширен правовой статус профессиональных союзов ввиду внесения изменений в законодательство данных государств, а Республика Казахстан и Республика Армения приняли новые законы о профессиональных союзах. Кроме того, в России, Республике Армения и Кыргызской Республике сформировано специальное законодательство по регулированию деятельности объединений работодателей.

Реализация принципов концепции достойного труда МОТ представляет собой основополагающий аспект в области применения трудового законодательства государств — членов ЕАЭС, оказывая положительное влияние и при взаимодействии государственных органов государств — членов ЕАЭС.

Литература

1. Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.10.2020).
2. Миграция населения в России: статистика за 2020 г. [Электронный ресурс] // Topmigrant. URL: <http://topmigrant.ru/migraciya/obshhaya-informaciya/statistika-migrantov-za-2015.html> (дата обращения: 11.10.2020).
3. Воскресенская Е. В., Ворона-Сливинская Л. Г., Лойко А. Н. Теоретико-правовое исследование цифровой технологии // *Colloquim-Journal*. 2019. № 3–4 (27). С. 28–30.
4. ЕАЭС: В России создадут единую информационную систему по трудовой миграции [Электронный ресурс] // Яндекс Дзен. 2020. 23 июля. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dbd347f1febd400b1f335b7/eaes-v-rossii-sozdadut-edinuiu-informacionnuiu-sistemu-po-trudovoi-migracii-5f1920f46f0f33101012bf96> (дата обращения: 11.10.2020).
5. Ткаченко М. Ф., Мигранян А. А., Тер-Акопов А. А. Регулирование миграционных процессов. Опыт Евросоюза // *Обозреватель*. 2016. № 1 (312). С. 103–125.
6. Огнева В. В. ЕАЭС: противоречивая поступь интеграции // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2016. № 1 (222). С. 168–172.
7. Решение Конституционного суда Республики Армения SDO-677 от 7 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] // Конституционный суд Республики Армения. URL: www.concourt.am (дата обращения: 03.11.2020).
8. О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/natsionalnyy-reestr/natsionalnyy-reestr-pravovykh-aktov-respubliki-belarus/> (дата обращения: 03.11.2020).
9. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2007. № 3.

Контактные данные:

Полунина А. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 462-19-10; e-mail: a.polunina90@mail.ru.

Contact Details:

Polunina A. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 462-19-10; e-mail: a.polunina90@mail.ru.

Шишкин М. Г.

К вопросу об асимметрии субъектов Российской Федерации

*Shishkin M. G. On the Issue of Asymmetry of the Subjects
of the Russian Federation*

В статье рассмотрены причины возникновения асимметрии субъектов Российской Федерации (РФ). Проблематику исследования составляют отношения между РФ и ее субъектами в период становления современного российского государства. Указанный период, по мнению автора, охватывает срок с введения в СССР политики «перестройки» до начала 2000-х гг. Исследованы работы отечественных и зарубежных специалистов относительно заявленной проблематики. Согласно авторской позиции, асимметрия субъектов РФ основана на неравномерном распределении экономических благ. Научная новизна заключается в том, что выводы в статье представляют собой синтез не только формально-юридических, но и экономико-прикладных и аналитико-экономических исследований.

Ключевые слова: Конституция, федерализм, федеративные отношения, асимметрия, законодательство, территориальное устройство, сепаратизм, парад суверенитетов, парад договоров.

The article considers the reasons for the formation of asymmetry in the subjects of the Russian Federation. The research is focused on the relations between the Russian Federation and its subjects during the formation of the modern Russian state. This period, according to the author, covers the period from the introduction of the “perestroika” policy in the USSR to the beginning of the 2000s. The author studies the works of domestic and foreign experts on the stated issues. The author believes that the asymmetry of the subjects of the Russian Federation is based on an uneven distribution of economic benefits. The scientific novelty lies in the fact that the author’s conclusions are a synthesis of not only formal legal, but also applied and analytical economic research.

Keywords: Constitution, federalism, federal relations, asymmetry, legislation, territorial structure, separatism, parade of sovereignties, parade of treaties.

Идея подлинного, а не декларативного федерализма понадобилась еще в конце 1980-х гг. высшему руководству СССР в лице М. С. Горбачева. Рост сепаратизма в союзных республиках, требование РСФСР для себя автономии, затянувшийся экономический кризис в стране — вопросы, для решения которых необходимо было осуществлять структурные реформы в отраслях промышленности, в государственном устройстве и управлении. По словам А. П. Семитко, идеей федерализма союзное руководство воспользовалось исключительно с целью удержания власти и отчаянной попытки сохранения территории союзных республик, поскольку было не в состоянии найти иные способы сохранить государство в условиях существовавшего политического кризиса [1, с. 20].

Федеративные отношения в Советском Союзе были основаны на идеологической концепции В. И. Ленина, согласно которой территорию Российской Империи искусственно разделили на части. Ленинские постулаты применили затем в пере-

Шишкин Максим Геннадьевич — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Шишкин М. Г., 2020

устройстве РСФСР. Вместе с тем, по мнению Д. Кемптона, выбор Россией федеративного способа организации власти на своей территории не являлся чем-то необычным, поскольку еще в начале XX в. федерализм рассматривался как слабая и временная форма правления [2, с. 202].

При этом к началу 1980-х гг. Россия представляла собой федерацию, в которой субъектами, согласно Конституции РСФСР 1978 г., считались только составные части, образованные по национальному признаку. Остальные наделялись статусом административно-территориальных образований.

Вместе с тем федерализм существовал только на бумаге. В действительности партия большевиков, создавшая подразделения на территории страны, принимала решения по всем вопросам внутренней и внешней жизни государства, будучи главной политической силой. Хотя это положение зафиксировали в Конституции СССР 1977 г. (ст. 6) и Конституции РСФСР 1978 г. (ст. 6) на исходе существования СССР, фактически в течение всего так называемого советского федеративного периода органы государственной власти занимались утверждением решений партии и их исполнением.

Дж. Кан, специалист в области федеративных отношений, а также развития постсоветского пространства, в одной из своих работ отмечал, что изучение записей заседаний Политбюро ЦК КПСС подтверждает отсутствие конкретно сформулированных предложений по проведению федеративной реформы в СССР [3, с. 376]. Размывание коммунистической идеологии в совокупности с отказом от ведущей и определяющей роли коммунистической партии, неспособность политической элиты адекватно воспринимать действительность обусловили начало демократических преобразований на территории союзных республик в конце 1980-х гг., которые привели к «параду суверенитетов».

Противоречия между руководством Советского Союза и РСФСР выразились в борьбе за власть между Президентом СССР М. С. Горбачевым и Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным. Учитывая отсутствие политической воли у руководства СССР и его неспособность к адекватной реакции на сложившуюся ситуацию в стране, Б. Н. Ельцин стремился использовать все ресурсы для реализации своих политических амбиций, которые включали в себя управление «новой» независимой Россией.

Итогом противостояния стало принятие первым Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Решение Съезда ускорило распад СССР, а главное, заложило основы будущих проблем Российской Федерации, поскольку документом (п. 9) провозглашалась необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей и автономных округов, равно как краев и областей РСФСР [4]. Действия Б. Н. Ельцина, одержавшего победу на выборах Президента России в 1991 г., привели к значительной автономии субъектов РФ и утрате федеральным центром контроля над регионами [5, с. 720]. Первый президент России не создавал своего мощного, «единого» федеративного государства [3, с. 374].

В 1990–1991 гг. большинство автономных республик и многие автономные области провозгласили себя суверенными государствами в составе РСФСР. Ряд республик требовали выхода из состава Федерации, особенно среди них выделялись Татарстан и Чечня. Четвертый Съезд народных депутатов РСФСР, прошедший 21–25 мая 1991 г., исключил из названия республик термин «автономная», тем самым определив их конституционно-правовой статус в качестве «республики в составе Российской Федерации».

«Парад суверенитетов» после развала СССР неизбежно должен был перекинуться на Россию, особенно после обещания Б. Н. Ельцина дать субъектам стра-

ны «столько суверенитета, сколько смогут унести». Вследствие захвата республиканских органов власти 27 октября 1991 г. главой Чечни стал Джохар Дудаев, провозгласивший независимость Чеченской Республики Ичкерия. В Татарстане в начале 1992 г. ввели собственную валюту, а 21 марта 1992 г. провели референдум о независимости. Произошло возвышение статуса всех, за исключением Еврейской, автономных областей до уровня автономных республик, которые затем провозглашали себя союзными.

Такое развитие событий предполагало их выход из состава соответствующих краев. Разделение на области и края потеряло всякий юридический смысл, поскольку в 1920-х гг. подчеркивалось, что край отличается от области наличием в своем составе национальных образований. На протяжении трех месяцев после подписания «Беловежских соглашений» в спешном порядке велись переговоры с представителями регионов с целью удержать их в составе единого государства. 31 марта 1992 г. подписаны три договора о разграничении предметов ведения и полномочий. Во всех указанных документах одной из сторон выступали федеральные органы государственной власти РФ, а второй стороной поочередно — органы государственной власти суверенных республик в составе РФ; органы государственной власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга РФ; органы власти автономной области, автономных округов в составе РФ. Отказались от подписания Чечня, Ингушетия и Татарстан. Три указанных договора образовали Федеративный договор, утвержденный постановлением Съезда народных депутатов РСФСР [6].

Положения документа были включены в Конституцию РСФСР. Федеральной властью с республиканскими органами власти также подписан специальный протокол, по которому представительство республик в одной из палат высшего законодательного органа России должно составлять не менее пятидесяти процентов от общего числа мест.

Как утверждает А. В. Усягин, руководство Башкортостана склонило федеральное правительство составить Особое приложение к Федеративному договору. Приложением предусмотрено, что «Республика Башкортостан самостоятельно определяет общие принципы налогообложения и сборов в бюджет с учетом принятых в республике законов», что прямо противоречило действовавшему законодательству РФ [7, с. 142]. Нормы Договора, определяющие взаимоотношения с республиками, устанавливали гарантии их привилегированного положения относительно иных субъектов Федерации.

Федеративный договор не устранил центробежных тенденций. Наоборот, республики, называемые суверенными, стали считать себя ассоциированными членами РФ. Юридически закрепленный принцип неравноправия субъектов отражал радикально-либеральную направленность развития политического процесса в стране, при которой псевдолиберальные ценности ставились выше интересов национальных. Согласно Договору, федеральная власть не могла вмешиваться в территориальное устройство республик, хотя в части договоренностей с краями, областями, автономной областью и автономными округами изменение границ этих субъектов входило в полномочия Федерации.

Федеративный договор оформил «матрешечную» структуру территориального устройства России, возникшую вследствие «парада суверенитетов» 1990–1991 гг. Суть ее состоит в том, что автономные округа, входившие в состав краев и областей в начале 1990-х гг., провозглашали себя суверенными территориями. Порядок попытались установить путем принятия Закона РФ от 17 июня 1992 г. «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации». Однако далее развития ситуации не последовало, и остальные округа находятся юридически в составе областей.

Распоряжение Президента РФ от 23 октября 1992 г. «Об образовании Совета глав республик» в еще большей мере подчеркнуло разрыв в правах субъектов Федерации. Согласно документу, в состав Совета вошли только руководители национально-государственных образований [8]. Столь широкие преференции предоставляли республикам возможность формировать свою законодательную базу как действительно суверенным государствам, включая нормы регулирования бюджетных и налоговых правоотношений, что позволяло им не перечислять в федеральный бюджет существенную часть доходов. Кроме того, в соответствии с п. 5 этого распоряжения акт не подлежал опубликованию, что не способствовало конструктивному взаимодействию руководства субъектов Федерации с федеральными органами власти.

Федеративный договор не являлся стратегической программой, которая бы могла определять на долгий период развитие страны и взаимоотношения органов власти Федерации и субъектов. Договор стал не правовым, а политическим документом, принятым с целью удержать на любых условиях российскую территорию от распада. Договор имел временный характер, что косвенно подтвердил в 1998 г. на одной из научных конференций экс-председатель Комиссии по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Верховного Совета России Николай Медведев. По его словам, Федеративный договор никто и не собирался соблюдать, поскольку вместо него на всенародном референдуме должны были принять новую Конституцию [7, с. 143].

Для нормативного регулирования отношений между Россией и ее субъектами отсутствовал ясный единый механизм, но в избытке присутствовало желание региональных политических элит получить как можно больше привилегий от слабого федерального центра. Это привело к тому, что, основываясь на ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, республики вынудили руководство России заключить дополнительные договоры о разграничении предметов ведения и полномочий. Начался процесс, упоминающийся в литературе как «парад договоров». Следствием такого развития событий стало принятие конституций и законов субъектов РФ, противоречивших положениям федерального законодательства. В конце 1996 г. Министерство юстиции РФ сообщило, что девятнадцать из двадцати одной республиканской конституции нарушают федеральную конституцию [3, с. 380].

Важный аспект становления и развития федеративных отношений в 1990-е гг. — экономическая политика федерального правительства, ни в коей мере не способствовавшая доверию к нему со стороны субъектов РФ. Регулирование в экономической сфере было сведено к тому, что государство в своей деятельности стало полагаться исключительно на «невидимую руку рынка», при этом легко отказываясь от своей доли участия в крупных предприятиях различных отраслей. «Шоковая терапия» привела сначала к галопирующей, а затем к гиперинфляции в России, что во многом определило конституционный кризис 1992–1993 гг. в виде противостояния между Верховным Советом РСФСР и Советом Министров РСФСР.

Верховный Совет в соответствии со ст. 104 Конституции РСФСР 1978 г. провозглашался высшим органом государственной власти в РСФСР [9]. Вместе с тем по поручению Президента РСФСР Б. Н. Ельцина проводилась работа по подготовке проекта новой Конституции, которая не связывала бы его необходимостью осуществлять руководство страной в согласии с высшим законодательным органом. Конфликт между Верховным Советом и Правительством привел к вооруженному подавлению деятельности Советов на территории России, роспуску Верховного Совета РСФСР и принятию Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

Приватизация государственных предприятий, проводимая в 1992–1996 гг. без какого-либо планирования, в форме выдачи ваучеров и в форме залоговых аукционов, способствовала обогащению небольшой группы банкиров, приближенных к власти. Бюджет РФ не получил ничего, поскольку, например, кредиты, предоставляемые коммерческими банками в 1995 г. Правительству РФ под залог государственных пакетов акций ряда крупных компаний, выдавались со счетов, открытых в этих банках Министерством финансов РФ. Вследствие невыполнения федеральным Правительством обязательств по возврату заемных денежных средств в частную собственность перешли такие предприятия, как «Норильский никель», «Лукойл», «ЮКОС», «Новороссийское морское пароходство», «Сибнефть» и ряд других.

В докладе Счетной палаты РФ, опубликованном в 2004 г., подчеркивается притворный характер конкурса залоговых аукционов, а также значительное занижение стоимости федеральной собственности, подлежащей отчуждению [10, с. 32]. Залоговые аукционы проводились на основании указов Президента России Б. Н. Ельцина, т. е. не только без одобрения, но и при попустительстве Федерального Собрания РФ.

Следствием приватизации стал переход существенного процента ряда экономических секторов в частные руки. К концу 1990-х гг. более 50 % общего производства угольной отрасли России стало частным [11, с. 128]. Угольная промышленность является основным источником доходов в структуре бюджетов многих субъектов РФ. Столь стремительный и необоснованный уход государства от решения экономических задач, а с ним и раздача национальных богатств предопределили желание субъектов России, образованных по территориальному признаку, выйти из состава РФ. На официальном уровне стали звучать идеи о создании Уральской и Сибирской Республик.

Очевидно, что асимметрия субъектов РФ перестала связываться сугубо с вопросом этнического состава каждого из регионов страны, и на первый план выступила проблема финансово-экономической асимметрии. Ввиду этого С. А. Авакьян, в частности, обращал внимание на разделение субъектов Российской Федерации на «доноров» и дотационные регионы [12, с. 80]. Некоторые субъекты, как утверждал С. А. Авакьян, достигли такого уровня отношений с федеральной властью, что большую часть собранных налогов, не отчитываясь за них, оставляют на собственные нужды. А. А. Клишас, характеризуя асимметричность субъектов РФ, отмечал, что в 1993 г. с принятием Конституции РФ произошла смена стадий развития российского федерализма, следствием которой стало установление в конституциях ряда республик положений о собственном суверенитете и приоритете республиканского законодательства над федеральным [13]. В настоящее время решение задач по приведению нормативных правовых актов субъектов РФ в соответствие с положениями федеральных нормативных правовых актов не позволяет уделить должное внимание разграничению компетенции регионов в финансовой сфере.

Таким образом, асимметрия субъектов РФ возникла из сложносоставного территориального устройства страны и стремления центрального руководства заручиться поддержкой субъектов Федерации, образованных по национально-территориальному признаку. Предоставление широких полномочий республикам в совокупности с экономической политикой федерального правительства, не отвечавшей интересам страны, перевело асимметрию из этнической плоскости в плоскость экономическую.

Литература

1. Семитко А. П. Идея федерализма в России: прошлое и настоящее // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 19–23.
2. Kempton D. R. Russian Federalism: Continuing Myth or Political Salvation? // Demokratizatsiya: The Journal of PostSoviet Democratization. 2001. Vol. 9. No. 2. P. 201–242.
3. Kahn J. What is the New Russian Federalism? // Contemporary Russian politics: a reader. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 374–383.
4. О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декларация СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
5. Hyde M. Putin's Federal Reforms and Their Implications for Presidential Power in Russia // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. No. 5. P. 719–743.
6. О Федеративном договоре: постановление СНД РФ от 10 апреля 1992 г. № 2689-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 17. Ст. 898.
7. Услагин А. В. Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт: монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета. 2005. 257 с.
8. Об образовании Совета глав республик: распоряжение Президента Российской Федерации от 23 октября 1992 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 18. Ст. 1460.
9. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
10. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / руководитель рабочей группы — председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М.: Олита, 2004. 186 с.
11. Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Приватизация и приватизаторы. М.: Воскресенье, 2005. 308 с.
12. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Авакьян. М.: НОРМА, 2000. 675 с.
13. Клишас А. А. Проблемы российского федерализма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 29.06.2020).

Контактные данные:

Шишкин М. Г.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: maks.schischkin2011@yandex.ru.

Contact Details:

Shishkin M. G.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia; (812) 451-19-10; e-mail: maks.schischkin2011@yandex.ru.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В списке номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

- 2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).
- 2.2. The text should be MS Word format:
 - page size — A4;
 - borders — 2 cm;
 - type — Times New Roman;
 - size — 14;
 - line space — 1,5;
 - paragraph indentation — 1 cm;
 - text alignment — edgewise;
 - page numbering — at the right bottom of the page.
- 2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.
- 2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

- 3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].
- 3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

- 4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).
- 4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).
- 4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.
- 4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге агентства «Роспечать» — 80406**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 449-08-33, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *Ярцева О. В.*
Выпускающий редактор *Салина В. В.*
Редактор-корректор *Чулкова Е. С.*
Компьютерная верстка *Шмелёв М. Ю.*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Подписано в печать 30.12.2020.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,45. Усл. печ. л. 15,75.
Тираж 500 экз. Заказ № 320.

Цена свободная

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики